ГЕРОИ ЭЛЛАДЫ

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

ГЕРОИ ЭЛЛАДЫ

ИЗ МИФОВ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Рассказала для детей
Вера Смирнова

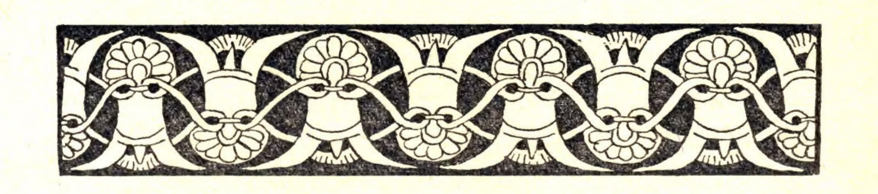
МОСКВА
„Детская литература"
1988

ББК 82.3(0)
Г 39

ПЕРЕИЗДАНИЕ

Рисунки И. Архипова

Г $\frac{4800000000-214}{М101(03)-88}$ 448—88

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мно́го-мно́го веко́в наза́д на Балка́нском полуо́строве посели́лся наро́д, кото́рый впосле́дствии ста́ли называ́ть гре́ками. В отли́чие от совреме́нных гре́ков, мы называ́ем тот наро́д д р е́ в н и м и   г р е́ к а м и, и́ли э́ л л и н а м и, а их страну́ Э л л а́ д о й.

Эллины оста́вили наро́дам ми́ра бога́тое насле́дство: вели́чественные зда́ния, кото́рые до сих пор счита́ются краси́вейшими в ми́ре, прекра́сные мра́морные и бро́нзовые ста́туи и вели́кие произведе́ния литерату́ры, кото́рые лю́ди чита́ют и сейча́с, хотя́ они́ напи́саны на языке́, на кото́ром давно́ уже́ никто́ не говори́т на земле́. Это «Илиа́да» и «Одиссе́я» — герои́ческие поэ́мы о том, как гре́ки осажда́ли го́род Тро́ю, и о скита́ниях и приключе́ниях одного́ из уча́стников э́той войны́ — Одиссе́я. Эти поэ́мы пе́лись бродя́чими певца́ми, и со́зданы они́ бы́ли о́коло трёх ты́сяч лет наза́д.

От дре́вних гре́ков оста́лись нам их преда́ния, их дре́вние сказа́ния — ми́фы.

Гре́ки прошли́ дли́нный истори́ческий путь; пона́добились века́, пре́жде чем они́ ста́ли са́мым образо́ванным, са́мым культу́рным наро́дом дре́внего ми́ра. Их представле́ния об устро́йстве ми́ра, их попы́тки объясни́ть всё

происходя́щее в приро́де и в челове́ческом о́бществе нашли́ своё отраже́ние в ми́фах.

Ми́фы создава́лись тогда́, когда́ э́ллины ещё не зна́ли гра́моты; скла́дывались постепе́нно, в тече́ние не́скольких веко́в, передава́лись из уст в уста́, из поколе́ния в поколе́ние и никогда́ не́ были запи́саны как еди́ная, це́льная кни́га. Мы зна́ем их уже́ из произведе́ний дре́вних поэ́тов Гесио́да и Гоме́ра, вели́ких гре́ческих драмату́ргов Эсхи́ла, Софо́кла, Еврипи́да и писа́телей бо́лее по́здних эпо́х.

Вот почему́ ми́фы дре́вних гре́ков прихо́дится собира́ть из са́мых ра́зных исто́чников и переска́зывать их.

По отде́льным ми́фам мо́жно воссозда́ть карти́ну ми́ра, как представля́ли его́ себе́ дре́вние гре́ки. Ми́фы расска́зывают, что снача́ла мир населя́ли чудо́вища и велика́ны: гига́нты, у кото́рых вме́сто ног извива́лись огро́мные зме́и; стору́кие, грома́дные, как го́ры; свире́пые кикло́пы, и́ли цикло́пы,— с одни́м сверка́ющим гла́зом посреди́ лба; гро́зные де́ти Земли́ и Не́ба — могу́чие тита́ны. В о́бразах гига́нтов и тита́нов дре́вние гре́ки олицетворя́ли стихи́йные могу́чие си́лы приро́ды. Ми́фы расска́зывают, что впосле́дствии э́ти стихи́йные си́лы приро́ды бы́ли обу́зданы и покорены́ Зе́всом — божество́м не́ба, Громове́ржцем и Тучегони́телем, кото́рый установи́л поря́док в ми́ре и стал влады́кой вселе́нной. На сме́ну тита́нам пришло́ ца́рство Зе́вса.

В представле́нии дре́вних гре́ков бо́ги бы́ли похо́жи на люде́й и отноше́ния ме́жду ни́ми напомина́ли отноше́ния ме́жду людьми́. Гре́ческие бо́ги ссо́рились и мири́лись, постоя́нно вме́шивались в жизнь люде́й, принима́ли уча́-

стие в во́йнах. Ка́ждый из бого́в занима́лся каки́м-то свои́м де́лом, «заве́довал» определённым «хозя́йством» в ми́ре. Эллины наделя́ли свои́х бого́в челове́ческими хара́ктерами и скло́нностями. От людей — «сме́ртных» — гре́ческие бо́ги отлича́лись то́лько бессме́ртием.

Как у ка́ждого гре́ческого пле́мени был свой вождь, военача́льник, судья́ и хозя́ин, так среди́ бого́в гре́ки счита́ли вождём Зе́вса. По ве́рованиям гре́ков, семья́ Зе́вса — его́ бра́тья, жена́ и де́ти дели́ли с ним власть над ми́ром. Супру́га Зе́вса, Ге́ра, счита́лась храни́тельницей семьи́, бра́ка, дома́шнего очага́. Брат Зе́вса, Посейдо́н, влады́чествовал над моря́ми; Га́дес, и́ли Аид, пра́вил подзе́мным ца́рством мёртвых; Деме́тра, сестра́ Зе́вса, боги́ня земледе́лия, ве́дала урожа́ями. У Зе́вса бы́ли де́ти: Аполло́н — бог све́та, покрови́тель нау́к и иску́сств, Артеми́да — боги́ня лесо́в и охо́ты, Афи́на Палла́да, роди́вшаяся из головы́ Зе́вса,— боги́ня му́дрости, покрови́тельница ремёсел и зна́ний, хромо́й Гефе́ст — бог кузне́ц и меха́ник, Афроди́та — боги́ня любви́ и красоты́, Аре́с — бог войны́, Герме́с — ве́стник бого́в, ближа́йший помо́щник и напе́рсник Зе́вса, покрови́тель торго́вли и морепла́вания. Ми́фы расска́зывают, что э́ти бо́ги жи́ли на горе́ Оли́мп, всегда́ закры́той от глаз людей облака́ми, пита́лись «пи́щей бого́в» — некта́ром и амбро́зией, и все дела́ реша́ли на пира́х у Зе́вса.

Лю́ди на земле́ обраща́лись к бога́м — к ка́ждому по его́ «специа́льности», воздвига́ли им отде́льные хра́мы и, что́бы уми́лостивить их, приноси́ли дары́ — же́ртвы.

Ми́фы расска́зывают, что, кро́ме э́тих гла́вных бого́в, вся земля́ была́ населена́ бога́ми

и боги́нями, олицетворя́вшими си́лы приро́ды.

В река́х и ручья́х жи́ли ни́мфы Ная́ды, в мо́ре — Нереи́ды, в леса́х — Дриа́ды и Сати́ры с козли́ными нога́ми и с ро́жками на голове́; в гора́х жила́ ни́мфа Эхо.

В не́бе ца́рствовал Ге́лиос — со́лнце, ка́ждый день объезжа́вший весь мир на свое́й золото́й колесни́це, запряжённой огнеды́шащими коня́ми; у́тром вы́езд его́ возвеща́ла румя́ная Эос — заря́; но́чью над землёй грусти́ла Селе́на — луна́. Ве́тры олицетворя́лись ра́зными бога́ми: се́верный гро́зный ве́тер — Боре́й, тёплый и мя́гкий — Зефи́р. Жи́знью челове́ка распоряжа́лись три боги́ни судьбы́ — Мо́йры: они́ пря́ли нить челове́ческой жи́зни от рожде́ния до сме́рти и могли́ оборва́ть её, когда́ хоте́ли.

Кро́ме ми́фов о бога́х, у дре́вних гре́ков бы́ли ми́фы о геро́ях. Дре́вняя Гре́ция не была́ еди́ным госуда́рством, она́ вся состоя́ла из ма́леньких госуда́рств-городо́в, кото́рые ча́сто воева́ли ме́жду собо́й, а иногда́ вступа́ли в сою́з про́тив о́бщего врага́. У ка́ждого го́рода, у ка́ждой о́бласти был свой геро́й. Геро́ем Афи́н был Тезе́й, отва́жный ю́ноша, защища́вший родно́й го́род от завоева́телей и победи́вший в поеди́нке чудо́вищного быка́ Минота́вра, кото́рому отдава́лись на съеде́ние афи́нские ю́ноши и де́вушки. Геро́ем Фра́кии был знамени́тый певе́ц Орфе́й. У аргивя́н геро́ем был Персе́й, уби́вший Меду́зу, оди́н взгляд кото́рой превраща́л челове́ка в ка́мень.

Пото́м, когда́ постепе́нно произошло́ объедине́ние гре́ческих племён и гре́ки ста́ли сознава́ть себя́ еди́ным наро́дом — э́ллинами, появи́лся геро́й всей Гре́ции — Гера́кл. Был со́здан миф о путеше́ствии, в кото́ром уча́ствова-

ли геро́и ра́зных гре́ческих городо́в и областе́й,— о похо́де аргона́втов.

Гре́ки с да́вних времён бы́ли морепла́вателями. Мо́ре, омыва́ющее берега́ Гре́ции (Эге́йское), бы́ло удо́бно для пла́вания — оно́ усе́яно острова́ми, бо́льшую часть го́да споко́йно, и гре́ки бы́стро его́ осво́или. Перебира́ясь с о́строва на о́стров, дре́вние гре́ки ско́ро добрали́сь до Ма́лой Азии. Постепе́нно гре́ческие морепла́ватели ста́ли осва́ивать и зе́мли, лежа́вшие се́вернее Гре́ции.

В осно́ве ми́фа об аргона́втах лежа́т воспомина́ния о мно́гих попы́тках гре́ческих морехо́дов пробра́ться в Чёрное мо́ре. Бу́рное и без еди́ного о́строва на пути́, Чёрное мо́ре до́лго пуга́ло гре́ческих моряко́в.

Миф о похо́де аргона́втов интере́сен для нас ещё и потому́, что речь в нём идёт о Кавка́зе, о Колхи́де; река́ Фа́зис — э́то тепе́решний Рио́н, и там действи́тельно в дре́вности находи́ли зо́лото.

Ми́фы расска́зывают, что вме́сте с аргона́втами в похо́д за золоты́м руно́м отпра́вился и вели́кий геро́й Гре́ции — Гера́кл.

Гера́кл — э́то о́браз наро́дного богатыря́. В ми́фах о двена́дцати по́двигах Гера́кла дре́вние гре́ки расска́зывают о герои́ческой борьбе́ челове́ка с вражде́бными си́лами приро́ды, об освобожде́нии земли́ от стра́шного госпо́дства стихи́й, об умиротворе́нии страны́. Воплоще́ние несокруши́мой физи́ческой си́лы, Гера́кл явля́ется в то же вре́мя образцо́м му́жества, бесстра́шия, во́инской отва́ги.

В ми́фах об аргона́втах и о Гера́кле пе́ред на́ми встаю́т геро́и Элла́ды — сме́лые морехо́ды, открыва́тели но́вых путе́й и но́вых земе́ль,

борцы́, освобожда́ющие зе́млю от чудо́вищ, кото́рыми её насели́л первобы́тный ум. В о́бразах э́тих геро́ев вы́ражены идеа́лы дре́внего ми́ра.

В древнегре́ческих ми́фах запечатлено́ «де́тство челове́ческого о́бщества», кото́рое в Элла́де, по слова́м Ка́рла Ма́ркса, «развива́лось всего́ прекра́снее и облада́ет для нас ве́чной пре́лестью». В свои́х ми́фах э́ллины прояви́ли замеча́тельное чу́вство красоты́, худо́жественное понима́ние приро́ды и исто́рии. Ми́фы Дре́вней Гре́ции мно́го веко́в вдохновля́ли поэ́тов и худо́жников всего́ ми́ра. В стиха́х Пу́шкина и Тю́тчева и да́же в ба́снях Крыло́ва мы не раз найдём о́бразы из ми́фов Элла́ды. Если б мы не зна́ли древнегре́ческих ми́фов, мно́гое в иску́сстве про́шлого — в скульпту́ре, жи́вописи, поэ́зии — бы́ло бы нам непоня́тно.

Образы древнегре́ческих ми́фов сохрани́лись и в на́шем языке́. Мы не ве́рим тепе́рь, что существова́ли когда́-нибудь могу́чие велика́ны, кото́рых дре́вние гре́ки называ́ли тита́нами и гига́нтами, одна́ко мы и сейча́с называ́ем вели́кие дела́ *гига́нтскими*. Мы говори́м: «му́ки Танта́ла», «сизи́фов труд» — и без зна́ния гре́ческих ми́фов э́ти слова́ непоня́тны.

Са́ми по себе́ древнегре́ческие ми́фы — наро́дные сказа́ния, прише́дшие к нам из далёкой дре́вности,— полны́ поэ́зии и глубо́кого смы́сла. Свободолюби́вый Гера́кл, очища́ющий зе́млю от чудо́вищ, сме́лые открыва́тели но́вых земе́ль — аргона́вты, Промете́й, восста́вший про́тив бого́в и да́вший ого́нь челове́честву,— все э́ти о́бразы ста́ли достоя́нием миро́вой литерату́ры, и ка́ждый культу́рный челове́к до́лжен их знать.

АРГОНАВТЫ

БАРАН С ЗОЛОТЫМ РУНОМ

Когда́-то, в да́вние-да́вние времена́, расска́зывали гре́ки, над го́родом Орхоме́ном проплыва́ла высоко́ в не́бе ту́ча. Возду́шная ни́мфа Нефе́ла (что и зна́чит по-гре́чески «ту́ча») увида́ла на горе́ над го́родом краси́вый дворе́ц с бе́лыми коло́ннами и широ́кими терра́сами. Ей захоте́лось узна́ть, кто там живёт, и она́ спусти́лась вниз, на ка́менные ступе́ни дворца́.

Навстре́чу Нефе́ле вы́шел хозя́ин дворца́ — орхоме́нский царь Афама́нт. Он приве́тствовал краса́вицу ни́мфу и пригласи́л её войти́.

Нефе́ла вошла́ во дворе́ц и оста́лась там жить. Ни́мфа полюби́ла челове́ка и ста́ла его́ жено́й.

Прошло́ не́сколько лет. У цари́цы Нефе́лы родили́сь близнецы́ — ма́льчик и де́вочка, Фрикс и Ге́лла. Царь Афама́нт ра́довался рожде́нию дете́й. В Орхоме́не был весёлый пра́здник, жи́тели го́рода це́лый день толпи́лись у дворца́, что́бы приве́тствовать новорождённых.

То́лько Нефе́ла была́ трево́жна и нера́достна. Ча́сто ста́ла она́ заду́мываться, скуча́ла, подо́лгу стоя́ла на са́мой высо́кой дворцо́вой терра́се и смотре́ла в не́бо. Ду́шно, те́сно ей ста́ло в прекра́сном дворце́, её потяну́ло в небе́сные просто́ры, на во́лю. Одна́жды ве́чером

она́ уви́дела в не́бе ту́чи, засмея́лась от ра́дости, подняла́сь к ни́м, позабы́в обо всём на све́те, и ве́тер унёс её далеко́ от Орхоме́на.

Напра́сно пла́кали во дворце́ ма́ленькие Фрикс и Ге́лла и зва́ли мать — ни́мфа Нефе́ла бо́льше не верну́лась на зе́млю.

Пу́сто и печа́льно ста́ло во дворце́ без цари́цы. Де́ти росли́ без ма́тери.

В э́то вре́мя пришла́ к Афама́нту проси́ть прию́та одна́ царе́вна, по и́мени Ино; её семью́ изгна́ли из го́рода, где она́ ра́ньше жила́, родны́е её все у́мерли, и она́ оста́лась совсе́м одна́, без кро́ва и пи́щи, без вся́кой по́мощи.

«Одна́ ушла́, не простя́сь, друга́я пришла́ без зо́ва», — поду́мал царь Афама́нт и оста́вил у себя́ царе́вну. Он реши́л жени́ться на ней, что́бы она́ замени́ла де́тям мать.

Ско́ро Ино ста́ла по́лной хозя́йкой во дворце́ Афама́нта. Царь полюби́л её, и лю́ди в Орхоме́не привы́кли к ней — ведь она́ была́ не ни́мфа, а тако́й же челове́к, как они́. Ино была́ приве́тлива со все́ми, ка́ждому стара́лась понра́виться. Она́ ласка́ла Фри́кса и Ге́ллу, но они́ чу́вствовали, что она́ не лю́бит их.

Пото́м у Ино роди́лся сын, а че́рез год — второ́й. Она́ уже́ не обраща́ла бо́льше внима́ния на па́сынка и па́дчерицу и совсе́м переста́ла забо́титься о них.

Го́ды шли. Афама́нт си́льно соста́рился, и все жда́ли, что ско́ро Фрикс ста́нет царём в Орхоме́не.

«Что же бу́дет со мной и с мои́ми сыновья́ми, когда́ сын Ту́чи сде́лается царём в Орхоме́не?» — ду́мала Ино.

Цари́ца реши́ла изба́виться от Фри́кса, но она́ зна́ла, что бо́ги нака́зывают за уби́йство,

и не хоте́ла навлека́ть на себя́ гнев бого́в. Ино приду́мала кова́рный план.

Ка́ждую весну́ орхоме́нцы засева́ли свои́ поля́, а семена́ для посе́ва получа́ли из кладовы́х царя́. В тот год лю́ди, как всегда́, пришли́ к царю́ за семена́ми. Ино поджа́рила зёрна и вы́дала наро́ду семена́, него́дные для посе́ва.

Пришло́ вре́мя, и зазелене́ли поля́ вокру́г Орхоме́на, но то был не хлеб, а со́рные тра́вы. Семена́ цари́цы Ино не да́ли никаки́х всхо́дов. В стране́ начался́ го́лод.

Лю́ди не зна́ли, отчего́ случи́лось несча́стье, и ду́мали, что бо́ги гне́ваются на них. Реши́ли обрати́ться к ора́кулу — предсказа́телю, кото́рый мог отга́дывать все та́йны проше́дшего, настоя́щего и бу́дущего. Цари́ца Ино взяла́сь спроси́ть ора́кула, за что разгне́вались бо́ги. Но она́ никого́ не ста́ла спра́шивать и сама́ пригото́вила отве́т.

Вот что сказа́ла Ино наро́ду:

— Бо́ги разгне́вались на то, что в Орхоме́не была́ цари́цей ни́мфа Нефе́ла, кото́рая самово́льно поки́нула не́бо и ста́ла жено́й челове́ка. Бо́ги не хотя́т, что́бы сын Нефе́лы стал царём в Орхоме́не. Убе́йте его́ — и тогда́ ва́ши поля́ бу́дут сно́ва дава́ть вам хлеб. Такова́ во́ля бого́в.

Со стра́хом вы́слушали орхоме́нцы э́ту злу́ю весть. Жаль им бы́ло погуби́ть ни в чём не пови́нного царе́вича, но лю́ди бы́ли поко́рны бога́м. И вот назна́чили день, когда́ торже́ственно, пе́ред всем наро́дом, на горе́, при восхо́де луны́ должны́ бы́ли принести́ в же́ртву Фри́кса.

Наста́л э́тот день. Ра́но у́тром брат и сестра́ стоя́ли одни́ на высо́кой терра́се дворца́ и печа́льно смотре́ли на не́бо.

Ге́лла обнима́ла бра́та, пла́кала и звала́ мать:

— Помоги́ свои́м поки́нутым де́тям!

Мра́чный стоя́л ря́дом с ней Фрикс и молча́л — он ду́мал, что мать забы́ла про них.

Вдруг далеко́ в чи́стом не́бе появи́лась ту́чка. Это ни́мфа Нефе́ла, скита́ясь по возду́шным простра́нствам, услы́шала жа́лобный зов до́чери и прилете́ла на по́мощь. Ту́чка прибли́зилась, опусти́лась — и мать обняла́ свои́х дете́й. Вме́сте с ни́мфой появи́лся пе́ред ни́ми бара́н с золоты́ми рога́ми, с дли́нной золото́й ше́рстью.

— Де́ти,— сказа́ла ни́мфа,— я не могу́ вас взять с собо́ю — лю́дям не дано́ жить на не́бе. Но я дарю́ вам золотору́нного бара́на. Он перелета́ет че́рез го́ры, как пти́ца, пла́вает в воде́, как трито́н, и бежи́т по земле́ быстре́е ве́тра. Сме́ло сади́тесь к нему́ на́ спину, и он унесёт вас отсю́да. Дове́рьтесь ему́. Он переплывёт с ва́ми три мо́ря и отнесёт вас в ца́рство Эе́та,

сы́на Со́лнца. Ээ́т приюти́т вас и бу́дет вам вме́сто отца́. Проща́йте! Спеши́те!

И ни́мфа вме́сте с ту́чей опя́ть подняла́сь в не́бо и умча́лась вдаль.

Фрикс и Ге́лла се́ли на́ спину золотору́нного бара́на, и он унёс их от злой ма́чехи. Он перелете́л с ни́ми че́рез го́ры, добежа́л до мо́ря, бро́сился в во́ду и поплы́л. Мо́ре бы́ло споко́йно, и бара́н с детьми́ бы́стро плыл по волна́м. Де́ти кре́пко держа́лись за его́ золоту́ю шерсть и друг за дру́га и не боя́лись. Так переплы́ли они́ пе́рвое мо́ре, и во́лны внесли́ их в у́зкий, дли́нный проли́в, кото́рым э́то мо́ре соединя́лось с други́м. Здесь дул си́льный ве́тер, и тече́ние бы́ло тако́е бы́строе, что во́лны ока́тывали их с ног до головы́. Ге́лла со стра́хом смотре́ла на пе́нистые гре́бни волн; у неё замира́ло се́рдце и кружи́лась голова́.

— Кре́пче держи́сь за меня́,— говори́л Фрикс сестре́.

Но Ге́лла дрожа́ла и вдруг, вскри́кнув, вы́пустила ру́ку бра́та и соскользну́ла с бара́на в во́ду.

— Ге́лла! — успе́л то́лько кри́кнуть Фрикс.

Но де́вочка уже́ исче́зла в водоворо́те. Закры́в глаза́, Фрикс поплы́л да́льше оди́н — прочь от э́того стра́шного ме́ста.

А лю́ди пото́м назва́ли ту часть мо́ря, где утону́ла Ге́лла, Геллеспо́нтом — «мо́рем Ге́ллы».

Чуде́сный бара́н с золоты́м руно́м минова́л второ́е мо́ре и по друго́му проли́ву вы́плыл в широ́кое бу́рное Чёрное мо́ре. До́лго он плыл вдоль берего́в, ми́мо чужи́х земе́ль, не похо́жих на Гре́цию. Наконе́ц он добра́лся до у́стья большо́й све́тлой реки́, впада́вшей в мо́ре, и да́льше поплы́л вверх по реке́. На берегу́ с одно́й стороны́ был густо́й, тёмный лес с могу́чими, высо́кими дере́вьями — э́то была́ свяще́нная ро́ща Аре́са, бо́га войны́. Вдали́ поднима́лись в не́бо верши́ны гор, покры́тые сне́гом. На друго́м берегу́ реки́ видне́лся большо́й го́род — столи́ца Колхи́ды, Ээ́това ца́рства.

Золотору́нный бара́н вы́нес Фри́кса на бе́рег. Фрикс вошёл в го́род и напра́вился во дворе́ц царя́ Ээ́та. Держа́ за рог золотору́нного бара́на, сын Ту́чи яви́лся к сы́ну Со́лнца.

Ээ́т при́нял Фри́кса ла́сково и посели́л у себя́ во дворце́. Чуде́сного бара́на заколо́ли в честь бо́га Зе́вса, а золото́е руно́ пове́сили на свяще́нном ду́бе в ро́ще Аре́са. Царь приста́вил стра́шного драко́на стере́чь дуб, что́бы никто́ не мог укра́сть золото́е руно́.

С тех пор ста́ло богате́ть ца́рство Ээ́та. Земля́ в изоби́лии приноси́ла лю́дям свои́ плоды́, и лю́ди жи́ли в дово́льстве.

Путеше́ственники, побыва́вшие в Колхи́де,

разнесли́ по всему́ све́ту весть о чуде́сном золото́м руне́, принося́щем бога́тство. Мно́го смельчако́в в бли́жних и да́льних стра́нах мечта́ли отпра́виться в Колхи́ду, что́бы хи́тростью и́ли си́лой добы́ть золото́е руно́. Но э́то бы́ло опа́сное и тру́дное де́ло, и до́лго никто́ не отва́живался на него́.

ЧЕЛОВЕК В ОДНОЙ САНДАЛИИ

В Фесса́лии, на берегу́ зали́ва, был когда́-то бога́тый и прекра́сный го́род Ио́лк. В нём ца́рствовал ста́рый Эзо́н. Мла́дший брат его́, Пе́лий, челове́к круто́й и властолюби́вый, све́ргнул Эзо́на и сам стал пра́вить Ио́лком. Эзо́н покори́лся Пе́лию, но не захоте́л поки́нуть родно́й го́род и оста́лся жить в Ио́лке как просто́й граждани́н, а своего́ ма́ленького сы́на Язо́на он, боя́сь Пе́лия, отосла́л в лес, на го́ру Пелио́н.

На скло́нах Пелио́на в лесу́ жи́ло ди́кое пле́мя кента́вров. Это полулю́ди-полуко́ни: у них челове́ческая голова́ и торс челове́ка на ко́нском ту́ловище с четырьмя́ нога́ми. Кента́вры бы́ли свире́пы и наводи́ли у́жас на ми́рных жи́телей страны́, когда́ поро́й, как ди́кий табу́н, ви́хрем спуска́лись с гор, топча́ посе́вы и губя́ под свои́ми копы́тами всё живо́е.

Но среди́ э́тих ди́ких суще́ств был оди́н ста́рый кента́вр Хиро́н, кото́рый сла́вился му́дростью. Ему́-то и о́тдал Эзо́н на воспита́ние своего́ сы́на.

Мно́го лет про́жил Язо́н в го́рной пеще́ре у Хиро́на. Ста́рый кента́вр закали́л его́ те́ло, сде́лал ю́ношу си́льным и ло́вким, научи́л его́ владе́ть копьём и мечо́м, откры́л ему́ мно́гие

Ста́рый кента́вр сде́лал ю́ношу си́льным и ло́вким,
научи́л его́ владе́ть копьём.

та́йны приро́ды и учи́л быть хи́трым в борьбе́ с врага́ми.

Пе́лий ца́рствовал в Ио́лке. Ничто́ не угрожа́ло царю́ в подвла́стном ему́ го́роде, но сму́тная трево́га постоя́нно му́чила Пе́лия. Ча́сто обраща́лся он к ора́кулам — предсказа́телям, спра́шивая их, до́лго ли он бу́дет жить и кто помеша́ет его́ ца́рствованию.

Одна́жды он спроси́л ора́кула, отку́да ждать ему́ опа́сности. Ора́кул отве́тил:

— Бо́йся челове́ка, обу́того на одну́ но́гу.

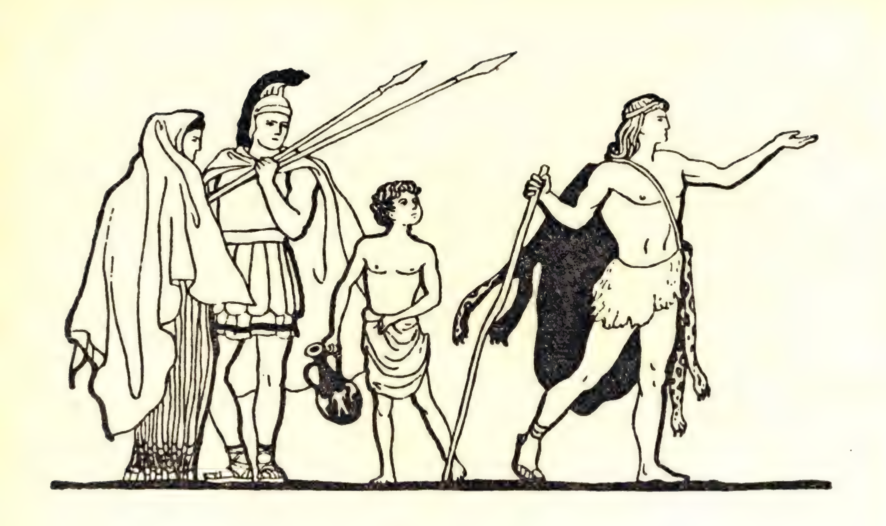
Пе́лий запо́мнил э́то и с тех пор, встреча́ясь с незнако́мым челове́ком, пре́жде всего́ смотре́л на его́ но́ги.

Когда́ Язо́ну испо́лнилось два́дцать лет, он почу́вствовал себя́ си́льным и кре́пким, гото́вым ко всем испыта́ниям жи́зни, и захоте́л верну́ться домо́й. Он прости́лся с Хиро́ном, вы́шел из Пелио́нского ле́са, спусти́лся с горы́ и напра́вился по доро́ге в Ио́лк.

На пути́ ему́ встре́тилась ма́ленькая го́рная ре́чка, разли́вшаяся от весе́нних дожде́й. Ни моста́, ни да́же брёвнышка, переки́нутого че́рез пото́к, не́ было ви́дно. Язо́н подобра́л шку́ру леопа́рда, кото́рая служи́ла ему́ плащо́м, и сме́ло ступи́л в во́ду, реши́в перейти́ ре́чку вброд.

Вдруг он услы́шал — кто́-то зовёт его́. Он огляну́лся и уви́дел: на ка́мне у пото́ка сиди́т ста́рая же́нщина и со стра́хом смо́трит на бушу́ющую во́ду.

— Помоги́ мне перейти́ на тот бе́рег,— сказа́ла стару́ха Язо́ну,— я уже́ давно́ сижу́ здесь и жду, и никто́ до сих пор не помо́г мне, ста́рой.

Язо́н, не говоря́ ни сло́ва, взял стару́ху на́ руки и, осторо́жно ступа́я по камени́стому дну, перенёс её че́рез ре́чку. По доро́ге развяза́лась у него́ санда́лия на ле́вой ноге́, и вода́ унесла́ её. Вы́йдя на бе́рег, Язо́н бе́режно опусти́л же́нщину на зе́млю и хоте́л продолжа́ть свой путь, как вдруг услы́шал си́льный, зву́чный го́лос:

— Спаси́бо, Язо́н, я не забу́ду тебя́!

Он жи́во оберну́лся, но никого́ уже́ не́ было о́коло него́. Удиви́лся Язо́н и пошёл да́льше, разду́мывая, кто была́ э́та стару́ха и как она́ узна́ла его́ и́мя.

Вско́ре Язо́н пришёл в Ио́лк и очути́лся на большо́й торго́вой пло́щади, где бы́ло мно́го наро́ду.

Все с удивле́нием смотре́ли на незнако́мца, молодо́го и краси́вого, с дли́нными, как у де́вушки, волоса́ми, с пёстрой шку́рой на плеча́х и в одно́й санда́лии.

Юноша стал расспра́шивать, как ему́ пройти́ к до́му отца́.

Вдруг застуча́ли копы́та, загреме́ли колёса, и на пло́щади в великоле́пной колесни́це, запряжённой прекра́сными фессали́йскими коня́ми, появи́лся прави́тель Ио́лка — Пе́лий. Толпа́ расступи́лась, и Язо́н оста́лся оди́н пе́ред колесни́цей царя́. Пе́лий задрожа́л всем те́лом, когда́ уви́дел пе́ред собо́й челове́ка, обу́того на одну́ но́гу.

Царь останови́л коне́й и спроси́л, нахму́рившись:

— Скажи́, кто ты, отку́да ты ро́дом и что тебе́ ну́жно в Ио́лке?

— Я не чужо́й здесь,— отвеча́л Язо́н,— я роди́лся в Ио́лке. Я сын царя́ Эзо́на и пришёл получи́ть обра́тно владе́ние моего́ отца́, о́тнятое у него́ наси́льно. Укажи́те мне дом моего́ отца́, я хочу́ скоре́е его́ уви́деть.

Загреме́ла колесни́ца и мгнове́нно умча́ла перепу́ганного Пе́лия. А жи́тели Ио́лка, люби́вшие ста́рого Эзо́на, приве́тствовали ю́ношу и проводи́ли его́ к до́му отца́.

Ста́рый Эзо́н запла́кал от ра́дости, уви́дев, каки́м могу́чим и прекра́сным стал его́ сын. Весёлый пир был в э́тот день в до́ме Эзо́на, все родны́е и друзья́ пра́здновали возвраще́ние его́ сы́на. То́лько одного́ Пе́лия не́ было на пра́зднике. Мра́чный сиде́л он в своём дворце́, с беспоко́йством ожида́я прихо́да Язо́на и ду́мая, как бы погуби́ть его́.

Язо́н пришёл к Пе́лию с родны́ми и друзья́ми, и э́то ещё бо́льше напуга́ло прави́теля.

Язо́н сказа́л Пе́лию:

— Я не бу́ду би́ться с тобо́й. Мы не чужи́е, мы одно́й кро́ви: ты брат моего́ отца́, ты мне родно́й. Я не хочу́ мечо́м разреша́ть наш спор, хочу́ ко́нчить де́ло ми́ром. Верни́ мне доброво́льно власть, кото́рую ты захвати́л си́лой, и я оста́влю тебе́ всё твоё бога́тство, всю зе́млю, с кото́рой ты собира́ешь урожа́й, и все твои́ стада́ и табуны́ коне́й, и твою́ колесни́цу, и твой дворе́ц, и твои́ бога́тые оде́жды. Ты бу́дешь дожива́ть свой век в дово́льстве и поко́е, и я не тро́ну ни тебя́, ни твои́х дете́й.

Но хи́трый Пе́лий так отвеча́л Язо́ну:

— Ты прав, сын Эзо́на, и я согла́сен отда́ть тебе́ то, на что ты име́ешь пра́во. Но справедли́во ли, что ты хо́чешь получи́ть э́то да́ром. Ведь я два́дцать лет пра́вил в Ио́лке и за э́ти го́ды то́же приобрёл пра́во на него́. Как же ты хо́чешь, что́бы я о́тдал тебе́ его́ без вся́кой отпла́ты с твое́й стороны́? Ты мо́лод и по́лон сил, Язо́н, ты мог бы оказа́ть мне услу́гу. Уже́ давно́ ка́мнем лежи́т на мне кро́вная родова́я оби́да, а ведь ты сам сказа́л: мы не чужи́е...

— Прика́зывай! — вскрича́л Язо́н го́рдо.— Обеща́ю сде́лать всё, что ты вели́шь.

— Слу́шай! — сказа́л Пе́лий.— Зна́ешь ли ты про золото́е руно́? Зна́ешь ли ты, что оте́ц Фри́кса и твой дед бы́ли бра́тья, как твой оте́ц и я? Зна́ешь ли ты, что ста́лось с Фри́ксом в Колхи́де?

И Пе́лий рассказа́л Язо́ну, что снача́ла царь Ээ́т люби́л Фри́кса, вы́дал за него́ свою́ ста́ршую дочь Халкио́пу и сде́лал его́ свои́м насле́дником. Но пото́м Ээ́т вновь жени́лся сам, и но́вая жена́ родила́ ему́ сы́на Апси́рта. Тогда́ царь приказа́л Фри́ксу уйти́ прочь из Колхи́ды. Фрикс потре́бовал, что́бы царь верну́л ему́ золото́е руно́. Услы́шав об э́том, Ээ́т пришёл в бе́шенство и в безу́мном гне́ве уби́л своего́ зя́тя.

— Тень Фри́кса не даёт мне поко́я,— с притво́рной печа́лью говори́л Пе́лий Язо́ну,— она́ явля́ется мне по ноча́м и мо́лит и тре́бует, чтоб я отпра́вился в Колхи́ду и о́тнял у Ээ́та золото́е руно́. Но я стар, и нет у меня́ сил на тако́е далёкое путеше́ствие... Это до́лжен испо́лнить ты, Язо́н! Добу́дь золото́е руно́, и ты отомсти́шь за Фри́кса и сде́лаешь родно́й край бога́че всех стран на све́те, а я с ра́достью отда́м тебе́ власть над Ио́лком.

Так говори́л Язо́ну кова́рный Пе́лий, а сам ду́мал про себя́:

«Отправля́йся иска́ть свое́й ги́бели! Где́-нибудь ты найдёшь её — в бу́рном ли мо́ре, на чужо́м берегу́ и́ли в гостя́х у кова́рного Ээ́та,— всё равно́ ты поги́бнешь, сын Эзо́на. Не вида́ть тебе́ Ио́лка, как не добы́ть и золото́го руна́!»

Язо́н стал собира́ться в опа́сный и тру́дный путь.

Что́бы переплы́ть три мо́ря и добра́ться до Колхи́ды, ну́жен был большо́й кора́бль, быстро-

хóдный и прóчный, какóго ещё нé было в Грéции. А чтóбы совершить далёкое путешéствие на большóм кораблé и сúлой úли хúтростью добы́ть золотóе рунó, Язóну нужны́ бы́ли отвáжные и сúльные товáрищи — морякú и вóины.

Пóлный раздýмья, отпрáвился Язóн в Пелиóнский лес — искáть дéрево, котóрое моглó бы стать основáнием для егó корабля́. Скóро у поднóжия горы́ нашёл он огрóмную соснý и принялся́ рубить её. Вдруг он услы́шал звýчный гóлос:

— Я помогý тебé, Язóн. У тебя́ бýдет корáбль, какóго ещё не бывáло у людéй. Я дам тебé в товáрищи лýчших герóев Грéции и самá поведý вас сквозь бýри и тумáны, и ты добýдешь золотóе рунó.

Язóн узнáл гóлос, благодарúвший егó за услýгу, когдá он перенёс чéрез потóк старýху. Это былá самá богúня Гéра, женá велúкого Зéвса, котóрая решúла помóчь Язóну. Онá приказáла емý довéрить пострóйку корабля́ иóлкскому строителю Аргý и упросúла дочь Зéвса Афúну Паллáду, покровúтельницу учёных и ремéсленников, руководúть рабóтой. А покá стрóился корáбль, Язóн объéхал всю Грéцию, собирáя себé спýтников для дáльнего плáвания.

ОТПЛЫТИЕ

Из большóй пелиóнской сосны́, срýбленной Язóном, сдéлали основáние корабля́. Придéлали емý соснóвые рёбра, скрепúли их тóлстыми брёвнами; на них настлáли пáлубу. Обшúли корáбль дóсками; в бортý сдéлали крýглые отвéрстия для вёсел и обшúли их кóжей. Посредú корабля́

поста́вили высо́кую, то́нкую сосну́ с перекла́динами и на них укрепи́ли холщо́вый па́рус. В корму́ корабля́ вста́вили кусо́к свяще́нного ду́ба из ро́щи Додо́нской. Этот дуб был волше́бный: в ше́лесте его́ ли́стьев лю́ди могли́ слы́шать свою́ судьбу́. Строи́тели корабля́ наде́ялись, что э́тот кусо́к додо́нского ду́ба ука́жет морепла́вателям, что им де́лать в тру́дный час. На носу́ корабля́ вы́резали из де́рева прекра́сную го́лову боги́ни Ге́ры, покрови́тельницы отва́жных путеше́ственников, и покры́ли её зо́лотом: пусть сия́ет и бле́щет она́ впереди́ корабля́, пусть издалека́ ви́дят все, что сама́ Ге́ра ведёт кора́бль Язо́на.

Мно́го вре́мени прошло́, пока́ наконе́ц был постро́ен кора́бль, осмолён, оснащён и спу́щен на́ воду.

И вот наста́л день, когда́ в га́вани Ио́лка встал у прича́ла чу́до-кора́бль, лёгкий на ходу́, усто́йчивый на волна́х, окрылённый па́русом, бы́стрый и краси́вый. Его́ назва́ли «Арго́» — в честь ма́стера, постро́ившего его́.

Шу́мно и ве́село бы́ло в Ио́лке. Пятьдеся́т отбо́рных гре́ческих ю́ношей, цвет и си́ла всей Гре́ции, съе́хались сюда́, что́бы на «Арго́» отпра́виться в далёкую Колхи́ду за золоты́м руно́м. Здесь бы́ли: могу́чий Гера́кл со свои́м ю́ным дру́гом Ги́ласом, бра́тья-близнецы́ Касто́р и Полиде́вк, никогда́ не разлуча́вшиеся, бра́тья Пеле́й и Теламо́н из Фесса́лии, афи́нский царь Эге́й, Лаэ́рт — царь о́строва Ита́ки, ю́ный Адме́т — ро́дственник Язо́на, сила́ч Идас и му́дрый Амфиара́й, уме́вший уга́дывать бу́дущее; пришёл со свое́й кифа́рой[1] знамени́тый гре́ческий певе́ц

[1] Кифа́ра — музыка́льный стру́нный инструме́нт.

Орфе́й; прилете́ли на могу́чих кры́льях два сы́на бо́га ве́тра Боре́я — Кала́йд и Зет. И мно́го други́х геро́ев собрало́сь в назна́ченный день в Ио́лке. Гла́вным в похо́де был Язо́н, ко́рмчим[1] корабля́ — иску́сный и о́пытный моря́к Ти́фис, его́ помо́щником — дальнозо́ркий Линке́й, кото́рый ви́дел всё, да́же глубоко́ под землёй. Распредели́ли места́ для гребцо́в, а на кормово́е весло́ назна́чили двух са́мых си́льных — Гера́кла и Анке́я. Погрузи́ли на «Арго́» запа́сы еды́, вина́ и пре́сной воды́, что́бы не́ было в пути́ недоста́тка в питье́ и пи́ще.

После́днюю ночь аргона́вты — так называ́ли они́ себя́ — провели́ на берегу́ мо́ря, о́коло своего́ корабля́. Они́ пирова́ли, слу́шали расска́зы быва́лых люде́й и чуде́сные пе́сни Орфе́я и до́лго не могли́ усну́ть.

Когда́ же заняла́сь заря́, Ти́фис по́днял всех: пора́ бы́ло взойти́ на кора́бль. Гребцы́ се́ли на вёсла, ко́рмчий стал у руля́.

Язо́н нали́л по́лную ча́шу вина́.

— За счастли́вое пла́вание! — воскли́кнул он и вы́лил вино́ в мо́ре — тако́в был обы́чай моряко́в пе́ред отплы́тием.

Гребцы́ налегли́ на вёсла, и «Арго́» понёсся по ти́хому зали́ву.

За Пелио́нским мысо́м, вы́йдя в откры́тое мо́ре, аргона́вты поста́вили па́рус. Дул попу́тный ве́тер, и лёгкий кора́бль бы́стро поплы́л вдоль гори́стых берего́в Фесса́лии.

Вот ко́ни Ге́лиоса вы́несли на не́бо со́лнечную колесни́цу — взошло́ со́лнце. Ра́достными кри́ками приве́тствовали аргона́вты пе́рвый день своего́ пла́вания.

---

[1] Ко́рмчий — рулево́й.

Зазвене́ли золоты́е стру́ны, и си́льный го́лос Орфе́я заглуши́л плеск волн.

Не́бо бы́ло безо́блачно, мо́ре споко́йно. Сердца́ бы́ли полны́ ожида́ния и наде́жды, ве́рной спу́тницы морехо́дов.

Зазвене́ли золоты́е стру́ны, и си́льный го́лос Орфе́я заглуши́л плеск волн за бо́ртом корабля́.

Услы́шав пе́сню Орфе́я, на пове́рхность мо́ря вы́плыли дельфи́ны и ры́бы и поплы́ли за «Арго́», как ста́до, послу́шно иду́щее за пастухо́м.

НА ОСТРОВЕ ЛЕМНОС

Аргона́вты до́лго плы́ли вдоль берего́в Гре́ции, пото́м обогну́ли после́дний вы́ступ Халки́дского полу́острова и вы́шли в широ́кое мо́ре.

Одна́жды ве́чером они́ уви́дели впереди́ на мо́ре о́гненно-кра́сный о́стров. Снача́ла они́ поду́мали, что э́то заходя́щее со́лнце так окра́сило высо́кие го́ры на о́строве. Но пришла́ ночь, всё потемне́ло вокру́г, а неве́домый о́стров сло́вно пыла́л в темноте́ пе́ред ни́ми, и чем бли́же подплыва́л к нему́ «Арго́», тем я́рче бы́ло за́рево. Вдруг из верши́ны горы́, возвыша́вшейся над о́стровом, вы́рвался столб огня́, подня́лся высоко́ в не́бо и с шу́мом и тре́ском, рассыпа́я миллио́ны искр и раскалённых камне́й, обру́шился в мо́ре.

Аргона́вты столпи́лись на па́лубе, любу́ясь вели́чественным зре́лищем, и спра́шивали друг дру́га, что зна́чит э́тот пожа́р среди́ мо́ря.

Наступи́ло у́тро, и ого́нь на о́строве пога́с, то́лько густо́й дым шёл из горы́, как идёт дым из трубы́, когда́ в до́ме то́пится печь.

«Арго́» прибли́зился к бе́регу. Что́бы во́лны не унесли́ кора́бль, аргона́вты спусти́ли на дно — оно́ бы́ло здесь неглубоко́ — большо́й ка́мень, обвя́занный кре́пким кана́том. Друго́й тако́й

кана́т был укреплён на корме́: коне́ц его́ сбро́сили на бе́рег, и оди́н из гребцо́в зацепи́л его́ за вы́ступ скалы́ и завяза́л узло́м.

Ме́дленно сходи́ли на бе́рег аргона́вты. Стра́шно бы́ло ступа́ть на зе́млю, внутри́ кото́рой таи́лся ого́нь: она́ каза́лась им горя́чей и зы́бкой. Осмотре́вшись, они́ уви́дели вдали́ городски́е сте́ны и напра́вились к го́роду, что́бы узна́ть, как зовётся э́тот о́стров и что за лю́ди здесь живу́т.

Прибы́тие аргона́втов бы́ло уже́ заме́чено в го́роде: едва́ они́ отошли́ от бе́рега, где остано́вился «Арго́», как из городски́х воро́т появи́лся большо́й вооружённый отря́д и, гро́зно подня́в ору́жие, дви́нулся им навстре́чу.

Аргона́вты на вся́кий слу́чай то́же постро́ились в боево́й поря́док и пригото́вились к бо́ю. Но дальнозо́ркий Линке́й вдруг засмея́лся и сказа́л:

— Останови́тесь, друзья́, опусти́те ва́ши мечи́ и ко́пья: э́то же́нщины.

В са́мом де́ле, э́то бы́ли же́нщины в вое́нных доспе́хах и с ору́жием в рука́х.

Аргона́вты останови́лись и с удивле́нием рассма́тривали необыкнове́нных свои́х проти́вников. Уви́дев, что прише́льцы не собира́ются напада́ть на них, же́нщины то́же останови́лись и, посове́товавшись ме́жду собо́й, вы́слали вперёд ве́стницу — узна́ть, что э́то за лю́ди и заче́м они́ вы́садились на о́строве.

Аргона́вты сказа́ли, что путь их лежа́л ми́мо о́строва, что они́ не замышля́ют ничего́ дурно́го, *и проси́ли разреше́ния осмотре́ть чуде́сный о́ст*ров и запасти́сь пи́щей и водо́й.

От ве́стницы они́ узна́ли, что э́то был о́стров Ле́мнос.

Здесь, в огнедышащей горе́ Моси́хл, была́ ку́зница бо́га Гефе́ста, ве́чно горе́л свяще́нный ого́нь в го́рне. А когда́ у боже́ственного ма́стера бы́ло осо́бенно мно́го рабо́ты и его́ одногла́зые подмастерья — цикло́пы — си́льно раздува́ли ого́нь, и́скры лете́ли высоко́ в не́бо и весь о́стров дрожа́л и сотряса́лся от подзе́мных уда́ров могу́чего мо́лота. Отсю́да когда́-то унёс тита́н Промете́й ма́ленькую и́скру, что́бы подари́ть лю́дям ого́нь.

С удивле́нием узна́ли аргона́вты, что на о́строве совсе́м нет мужчи́н.

В го́роде жи́ли одни́ же́нщины; са́ми рабо́тали в по́ле и в мастерски́х, выполня́ли вся́кую мужску́ю рабо́ту. Охраня́ть о́стров от нападе́ний должны́ бы́ли то́же же́нщины.

Управля́ла э́тим же́нским ца́рством молода́я цари́ца Ипсипи́ла.

Когда́ ве́стница передала́ ей про́сьбу аргона́втов, цари́ца веле́ла всем же́нщинам собра́ться на пло́щади, где они́ обы́чно обсужда́ли свои́ дела́, и сказа́ла:

— Ми́лые сёстры! Дади́м чужезе́мцам хле́ба, плодо́в и сла́дкого ле́мносского вина́. Отнесём им на кора́бль на́ши пода́рки. Но пусть они́ скоре́е уплыва́ют прочь, пусть не вхо́дят в наш го́род. Они́ могу́чи, э́ти чужезе́мцы, и мы не зна́ем, что у них на уме́.

Но ста́рая ня́нька цари́цы, седа́я Поликсо́, возрази́ла на э́то:

— Посмотри́те на меня́: я седа́я, я ста́рая, я ско́ро умру́. Когда́ стару́хи умру́т, а молоды́е состáрятся, кто бу́дет впряга́ть быко́в в ярмо́ и паха́ть зе́млю, и се́ять хлеб, и среза́ть коло́сья в по́ле? Кто охрани́т го́род от нападе́ния войнственных сосе́дей и вас от тяжёлого ра́бства? Кто

починит старый дом и построит новый? Кто будет жить после нас? Сами боги послали нам этот корабль и на нём пятьдесят отважных и сильных героев. По всему видно, что это не злые люди. Послушайтесь моего совета: позовите их к себе жить, пусть они останутся на Лемносе, пусть правят городом, пусть выберут себе жён и жёны родят детей, пусть станут пришельцы вам родными и будут вашей опорой во всяком деле и защитой от всех врагов.

Так говорила старая Поликсо, и женщины, подумав, согласились с ней.

Живо запрягли коней в колесницу, нагрузили её корзинами с плодами и кувшинами с вином и послали вестницу к аргонавтам — передать им дары и пригласить их на пир к царице Ипсипиле.

Аргонавты с радостью приняли приглашение, разоделись в лучшие одежды и отправились в город. Только Геракл с юношей Гиласом, Амфиарай и певец Орфей остались сторожить корабль.

Приветливо встречали женщины героев на улицах города, широко открывали перед ними двери.

Язона отвели во дворец царицы, и она сказала ему:

— Мы рады тебе и твоим товарищам. Будьте гостями у нас на празднике. Прославим владыку нашего острова божественного Гефеста и жену его — богиню Афродиту!

Аргонавты разошлись по всему городу, и начался весёлый пир.

Во время пира царица сказала Язону:

— Видишь, как прекрасен наш остров, как обильна наша земля. Полюби эту землю и, если

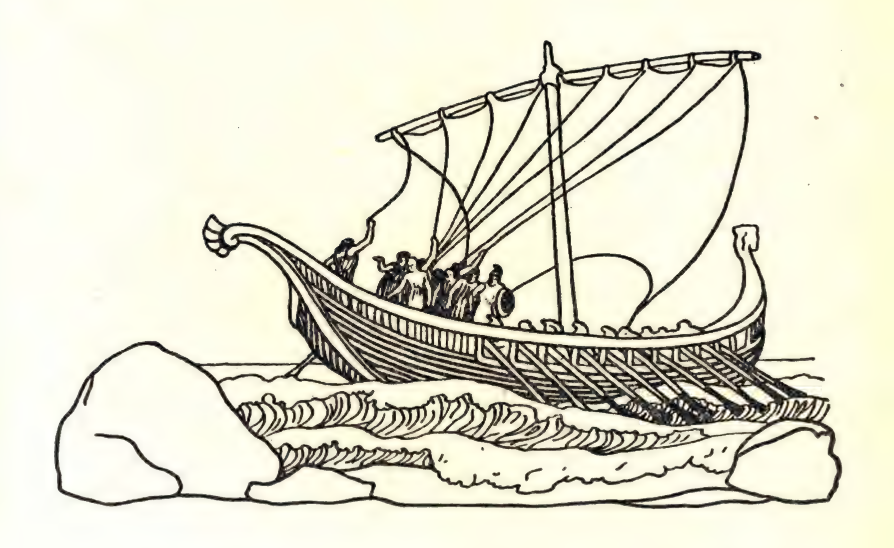
хо́чешь, оста́нься с на́ми, живи́ в э́том дворце́ и будь царём в на́шем го́роде. И това́рищам свои́м прикажи́ оста́ться на Ле́мносе.

— Цари́ца,— сказа́л Язо́н,— благодарю́ за ла́сковый приём, за до́брое сло́во, но я не могу́ оста́ться и быть царём на Ле́мносе, как ни прекра́сен твой о́стров и твой го́род. Мой путь далёк и до́лог, и я до́лжен испо́лнить то, что обеща́л. Я до́лжен добы́ть золото́е руно́.

Но опеча́ленная цари́ца гляде́ла на Язо́на так ла́сково, и так ве́село звуча́ли пе́сни в го́роде, и так беззабо́тно пляса́ли краси́вые де́вушки на площадя́х и перекрёстках, а ста́рая Поликсо́ так доброду́шно ворча́ла: «Куда́ торопи́ться? Заче́м спеши́ть за ги́белью? Пусть опа́сность сама́ и́щет геро́я...»

Пиры́ сменя́лись пира́ми. Проходи́ли часы́, и дни, и но́чи, а аргона́вты и не ду́мали возвраща́ться на свой кора́бль.

До́лго ждал их Гера́кл, наконе́ц отпра́вился

сам в гóрод и стал бранúть своúх беспéчных товáрищей:

— Для тогó рáзве пострóен наш «Аргó», чтоб вóлны бúли егó о лéмносский бéрег? Для тогó рáзве собирáл нас Язóн со всей Грéции, чтоб пировáть в гостя́х у жéнщин? Попýтный вéтер толкáет кормý «Аргó», сúльно натя́нут причáльный канáт, вот-вóт оборвётся. Кто не хóчет быть нéженкой и нахлéбником у жéнщин — вперёд, в путь за золоты́м рунóм! В путь, аргонáвты!

Пристыжённые, слóвно с похмéлья, собрались снóва вмéсте аргонáвты и стáли готóвиться к отъéзду.

Лéмносские жéнщины принеслú им на корáбль всегó, чем богáт был óстров, и плáкали, провожáя герóев, потомý что успéли ужé их полюбúть и не хотéли расставáться с нúми.

— Желáем вам счáстья и в плáвании и в вáшем опáсном дéле,— сказáла Язóну царúца

Ипсипи́ла и ти́хо приба́вила: — Если ты добу́дешь золото́е руно́ и захо́чешь верну́ться на Лё́мнос, я отда́м тебе́ го́род, и власть, и свою́ любо́вь. По́мни обо мне.

Но слёзы бы́ли у неё на глаза́х, потому́ что она́ предчу́вствовала, что аргона́вты никогда́ не верну́тся на Лё́мнос.

Гера́кл по́днял со дна ка́мень, уде́рживавший на волна́х кора́бль. Отвяза́ли от лё́мносской скалы́ прича́льный кана́т, и, сверну́вшись змеёй, он послу́шно лёг у ног ко́рмчего.

Гребцы́ бы́ли все на места́х.

Язо́н дал знак — враз взлете́ли вёсла, и «Арго́» сно́ва дви́нулся в путь.

МЕДВЕЖЬЯ ГОРА

Аргона́вты плы́ли пря́мо на восто́к и до́лгое вре́мя ничего́ не ви́дели вокру́г, кро́ме мо́ря и не́ба. Пото́м впереди́ показа́лся бе́рег. Ме́жду двумя́ гряда́ми невысо́ких прибре́жных холмо́в засине́ла у́зкая полоса́ проли́ва. Во́лны с шу́мом тесни́лись в проли́ве, и бе́лая пе́на би́лась у берего́в.

Аргона́вты приближа́лись к тому́ ме́сту, где утону́ла Ге́лла, упа́в с золото́го бара́на.

— Геллеспо́нт! — сказа́л ко́рмчий Ти́фис.

Быстрохо́дному, лёгкому «Арго́» не страшны́ бы́ли ни водоворо́ты, ни бы́строе тече́ние, и аргона́вты до́лго плы́ли по у́зкому, дли́нному проли́ву, с любопы́тством разгля́дывая бли́зкий бе́рег. Минова́в проли́в, они́ реши́ли сде́лать остано́вку, пре́жде чем плыть че́рез Пропонти́ду — второ́е мо́ре, кото́рое лежа́ло на их пути́. Они́ прибли́зились к бе́регу.

Пе́ред ни́ми была́ ни́зкая зелёная равни́на, покры́тая со́чной траво́й. Мо́ре глубоко́ вдава́лось в э́ту равни́ну и образова́ло ти́хий зали́в. Узкая доро́жка, сло́вно земляно́й мо́стик, шла вверх, на высо́кую тёмную круту́ю го́ру, похо́жую на большо́го взъеро́шенного медве́дя.

Ти́хо и ми́рно бы́ло всё на берегу́. Ста́до жи́рных ове́ц броди́ло по па́стбищу; у са́мого мо́ря суши́лись на со́лнце рыба́чьи се́ти.

Аргона́вты напра́вили свой кора́бль в зали́в, нашли́ удо́бное ме́сто и прича́лили. Лю́ди, жи́вшие на берегу́, встре́тили их приве́тливо. Это бы́ли долио́ны, простоду́шное и ми́рное пле́мя.

Долио́ны рассказа́ли аргона́втам, что веду́т свой род от бо́га море́й Посейдо́на, что Посейдо́н — их покрови́тель и защи́тник от всех враго́в. Они́ показа́ли на высо́кую го́ру, нависа́вшую над зали́вом, и сказа́ли, что э́то Медве́жья гора́. На ней живу́т шестиру́кие велика́ны; они́ могу́чи и свире́пы, но боя́тся Посейдо́на и потому́ не тро́гают долио́нов.

Ско́ро яви́лся на бе́рег и царь долио́нов. Он был о́чень мо́лод, почти́ ма́льчик, безу́сый и не́жный. Его́ зва́ли Ки́зик, как и зе́млю, на кото́рой он ца́рствовал. Ки́зик почти́тельно приве́тствовал геро́ев и пригласи́л их на пир. Пир был о́чень прост — зажа́рили са́мых жи́рных бара́нов из ца́рского ста́да и принесли́ плодо́в и вина́. Юный царь был ве́сел, повёл госте́й на Медве́жью го́ру — посмотре́ть на мо́ре, рассказа́л им, как лу́чше плыть, показа́л им свои́ луга́ и сады́ и подари́л деся́ток лу́чших ове́ц на доро́гу.

Переночева́в у гостеприи́мных долио́нов, аргона́вты на сле́дующее у́тро собрали́сь в путь, прости́лись с Ки́зиком и взошли́ на кора́бль.

Вдруг огро́мные ка́мни сло́вно сорвали́сь с

Медве́жьей горы́, полете́ли в во́ду о́коло «Арго́»; послы́шался ди́кий рёв, и путеше́ственники уви́дели велика́нов. Они́ бы́ли вышино́й с молоду́ю сосну́, и у ка́ждого, как су́чья у де́рева, торча́ли шесть дли́нных рук: две, как у люде́й,— от плеч, две у по́яса и ещё две по бока́м. Велика́ны с шу́мом вывора́чивали ка́мни из горы́, отрыва́ли це́лые ска́лы и броса́ли в зали́в, чтоб загороди́ть вы́ход кораблю́ в откры́тое мо́ре. Ка́менные глы́бы обру́шивались в во́ду, грозя́ раздави́ть «Арго́». Долио́ны в стра́хе разбежа́лись, попря́тались, и са́ми аргона́вты смути́лись. Тогда́ Гера́кл схвати́л свой лук и, став на носу́, на́чал поража́ть велика́нов стре́лами. Оди́н за други́м, как подру́бленные под ко́рень дере́вья, па́дали велика́ны с горы́ в мо́ре. Прикры́вшись щита́ми от камне́й и оско́лков, аргона́вты сошли́ на зе́млю и вступи́ли в бой с шестиру́кими. Велика́ны бы́ли переби́ты, и, оста́вив их пожи́вой для рыб и птиц, аргона́вты отплы́ли от Ки́зика.

Весь день «Арго́» бы́стро плыл, удаля́ясь от Медве́жьей горы́. Когда́ наступи́л ве́чер и кора́бль был уже́ далеко́ от бе́рега, в откры́том мо́ре вдруг подня́лся си́льный ве́тер. Обра́довавшись ве́тру, аргона́вты поста́вили паруса́ и легли́ спать, не заме́тив, что ве́тер был обра́тный. Но́чью бу́ря пригнала́ их наза́д к Ки́зику, но в темноте́ они́ не узна́ли ме́ста и поду́мали, что э́то кака́я-то но́вая страна́ на их пути́. Они́ приста́ли к бе́регу и сошли́ на зе́млю, гро́зно бряца́я ору́жием.

Долио́ны в ночно́й тьме то́же не узна́ли аргона́втов. Услы́шав плеск вёсел и звон мече́й, они́ поду́мали, что э́то морски́е разбо́йники, воспо́льзовавшись бу́рной, тёмной но́чью, напа́ли на Ки́зик. Меча́ми и ко́пьями встре́тили тепе́рь

Гера́кл схвати́л лук и, став на носу́, на́чал поража́ть велика́нов стре́лами.

долио́ны свои́х вчера́шних госте́й. До рассве́та шёл на берегу́ жесто́кий бой. Аргона́вты бы́ли о́пытнее в бою́ и сильне́е, и мно́жество долио́нов бы́ло уби́то. Сам ю́ный царь был на́смерть поражён ме́тким копьём Язо́на.

Когда́ же рассвело́ и ста́ло я́сно ви́дно всё вокру́г, проти́вники с у́жасом уви́дели, что в темноте́ но́чи они́ сража́лись с друзья́ми.

Три дня и три но́чи опла́кивали аргона́вты и долио́ны свою́ ужа́сную оши́бку и ги́бель ю́ноши царя́. Его́ похорони́ли на берегу́ мо́ря и на моги́ле насы́пали высо́кий холм. И до́лго стоя́л э́тот высо́кий холм, и моряки́ с корабле́й, входя́щих в га́вань, сра́зу узнава́ли то ме́сто.

ССОРА НА КОРАБЛЕ

Сму́тно ста́ло на се́рдце у аргона́втов по́сле злой шу́тки, кото́рую сыгра́л с ни́ми ве́тер. В молча́нии выполня́л ка́ждый свою́ дневну́ю рабо́ту; не слы́шно бы́ло на корабле́ ни сме́ха, ни шу́ток, ни расска́зов быва́лых моряко́в. И Орфе́й не пел бо́льше пе́сен.

И мо́ре бы́ло неспоко́йно. Поры́вистый ве́тер всё вре́мя меня́лся, серди́то дул и гнал кора́бль то в одну́, то в другу́ю сто́рону. Тру́дно бы́ло ко́рмчему вести́ кора́бль, и больши́е во́лны меша́ли гребца́м. Ме́дленно дви́гался вперёд «Арго́».

Вдруг слома́лось весло́ у Гера́кла и мгнове́нно бы́ло унесено́ тече́нием, то́лько па́лка оста́лась в рука́х у геро́я. С доса́дой швырну́л он обло́мок в серди́тые во́лны и поки́нул своё ме́сто среди́ гребцо́в.

Язо́н сказа́л ко́рмчему:

— Правь к бе́регу! Мы уста́ли боро́ться с волна́ми, ну́жен о́тдых. И Гера́клу ну́жно но́вое весло́. Он найдёт его́ в лесу́ на берегу́. Приста́нем к земле́!

Ко́рмчий послу́шно напра́вил кора́бль к земле́, и ско́ро они́ приста́ли к пусты́нному бе́регу, поро́сшему густы́м ле́сом.

Гера́кл набро́сил на пле́чи льви́ную шку́ру, кото́рую он носи́л вме́сто плаща́, взял свой меч, лук и колча́н со стре́лами и отпра́вился в лес добыва́ть но́вое весло́. Уста́лые гребцы́ с удово́льствием оста́вили вёсла, растяну́лись на траве́ и отдыха́ли в ожида́нии у́жина, а ю́ного Ги́ласа, воспи́танника Гера́кла, кото́рого он о́чень люби́л, посла́ли поиска́ть в лесу́ руче́й и принести́ воды́.

Ве́село подсви́стывая пти́цам, Ги́лас шёл по́ лесу и прислу́шивался. Вот в стороне́, за куста́ми, е́ле слы́шен лени́вый ле́пет речны́х струй. Ма́льчик раздви́нул кусты́, и пе́ред ним блесну́ла ти́хая лесна́я за́водь. Бы́ло так ти́хо и тако́й ла́сковой каза́лась река́ в зелёных берега́х, что Ги́лас без вся́кой опа́ски подошёл к воде́ и до́лго любова́лся, как чуде́сно отража́лись в реке́ кусты́ и дере́вья, и си́нее не́бо, и облака́, плы́вшие над ле́сом, и он сам с больши́м кувши́ном в рука́х. Вдруг он уви́дел в прозра́чной воде́ краса́вицу ни́мфу с зелёными волоса́ми; она́ мани́ла его́ и звала́ к себе́ на дно, где был тако́й чи́стый песо́к и мелька́ли разноцве́тные ры́бки.

Ма́льчик испуга́лся, поскоре́е хоте́л зачерпну́ть воды́ кувши́ном, нагну́лся, и в тот же миг две то́нкие руки́ вы́сунулись из воды́, о́бняли его́ кре́пко за ше́ю и потяну́ли за собо́й. Вы́ронив кувши́н, с жа́лобным кри́ком погрузи́лся Ги́лас в во́ду.

Аргона́вты услы́шали его́ крик. Полифе́м, друг Гера́кла, вы́хватив меч, бро́сился в ча́щу — он ду́мал, что лесно́й зверь напа́л на ма́льчика, и поспеши́л на по́мощь. Но никого́ не нашёл он у реки́, то́лько разби́тый кувши́н лежа́л в воде́ у бе́рега.

Ме́жду тем Гера́кл, углуби́вшись в лес, нашёл молоду́ю сосну́, кото́рая показа́лась ему́ го́дной для но́вого весла́. С си́лой обхвати́в обе́ими рука́ми ствол, он вы́рвал де́рево с ко́рнем. Дово́льный, он взвали́л сосну́ себе́ на́ спину и понёс на бе́рег мо́ря, что́бы там обтеса́ть её в фо́рме весла́. Услы́шав, что пропа́л Ги́лас, Гера́кл сбро́сил сосну́ на зе́млю и отпра́вился на по́иски своего́ люби́мца. Но напра́сно Гера́кл, наклоня́ясь к земле́, иска́л следы́ на траве́ и куста́х — след

Ги́ласовых санда́лий ви́ден был то́лько на песке́ у са́мой воды́.

Нет, не зверь лесно́й утащи́л Ги́ласа в свою́ нору́, не хи́щная пти́ца унесла́ его́. Гро́мко крича́ли Гера́кл и Полифе́м, обора́чиваясь на все четы́ре стороны́, зва́ли: «Ги́лас! Ги́лас!» И слы́шали в отве́т сла́бый о́тзвук — не то вздох, не то стон, бу́дто отку́да-то издалека́ отзыва́лся им го́лос Ги́ласа. Они́ не могли́ поня́ть, отку́да шёл э́тот го́лос, и броса́лись в ра́зные сто́роны. А го́лос шёл из воды́, и е́сли б они́ загляну́ли в реку́, им бы́ло бы ви́дно, как пла́кал и рва́лся к ним со дна бе́дный Ги́лас и как ни́мфы стара́лись уте́шить его́ поцелу́ями.

Но друзья́ не зна́ли, что пропа́вший ма́льчик был так бли́зко от них, и отпра́вились на по́иски в лесну́ю ча́щу. Всю ночь они́ блужда́ли по́ лесу и зашли́ так далеко́ от бе́рега мо́ря, что уже́ не могли́ слы́шать, что де́лалось на корабле́.

Аргона́вты хорошо́ отдохну́ли в э́ту ночь. Под у́тро, едва́ то́лько взошла́ у́тренняя звезда́, просну́лся ко́рмчий Ти́фис и уви́дел, что ду́ет попу́тный ве́тер. Ти́фис разбуди́л това́рищей и стал торопи́ть с отъе́здом. Бы́стро собрали́сь аргона́вты. Ве́тер наду́л бе́лый па́рус, и кора́бль понёсся да́льше по волна́м.

Взошло́ со́лнце, освети́ло кора́бль, и аргона́вты уви́дели, что места́ Гера́кла и Полифе́ма пусты́. И не́ было ма́льчика Ги́ласа. Это была́ пе́рвая поте́ря в пути́, и волне́ние охвати́ло аргона́втов.

Как быть? Верну́ться? Но ве́тер попу́тный... И они́ уже́ зна́ют, как опа́сно возвраща́ться на ста́рое ме́сто. Плыть да́льше, бро́сить това́рищей, оста́вить одни́х на чужо́й стороне́... «Нет!.. Нет!.. Пусть ска́жет Язо́н, что де́лать. Язо́н вы́бран

ста́ршим, Язо́н — нача́льник, пусть распоряжа́ется Язо́н!» — так говори́ли аргона́вты и окружи́ли Язо́на, тре́буя его́ реше́ния.

Но Язо́н молча́л, сло́вно не слы́шал, что ему́ говори́ли. Опусти́в го́лову, хму́рый сиде́л он о́коло ко́рмчего и ду́мал. Тогда́ Теламо́н, бо́льше други́х люби́вший Гера́кла, закрича́л в си́льном гне́ве:

— Чего́ нам ждать от Язо́на! Посмотри́те, он споко́ен. Оди́н он споко́ен. Я зна́ю: он всегда́ зави́довал Гера́клу, тепе́рь он ра́дуется — никто́ бо́льше не помеша́ет его́ сла́ве. Мо́жет быть, он подстро́ил всё э́то наро́чно. Он знал, что Гера́кла нет с на́ми, когда́ отплыва́л кора́бль... И Ти́фис — помо́щник Язо́на в э́том злом де́ле... Нет, я не хочу́ плыть да́льше с ва́ми! Наза́д, наза́д!

Слы́шишь, ко́рмчий! Повора́чивай наза́д, правь к бе́регу!

Сверка́я глаза́ми, бро́сился Теламо́н к Ти́фису и си́лой хоте́л вы́рвать у него́ руль, что́бы поверну́ть кора́бль. Дул си́льный ве́тер, и поворо́т был опа́сен. Два сы́на Боре́я, крыла́тые геро́и, схвати́ли Теламо́на за́ руки, стара́лись удержа́ть его́ и гро́мко брани́ли. Вдруг нахлы́нула грома́дная волна́, уда́рила в борт, могу́чая рука́ ухвати́ла за корму́ и останови́ла кора́бль. Весь обви́тый во́дорослями, лохма́тый, стро́гий, яви́лся пе́ред аргона́втами бог мо́ря и гро́зно сказа́л:

— Переста́ньте ссо́риться! По́мните, куда́ и заче́м вы плывёте. Не возвраща́йтесь, спеши́те вперёд! Не по зло́му жела́нию Язо́на, а по му́дрой во́ле Зе́вса оста́лись на берегу́ ва́ши това́рищи. Други́е дела́, ины́е по́двиги ожида́ют Гера́кла. А вы плыви́те с Язо́ном да́льше.

Сказа́л — и скры́лся в морско́й глубине́. Мгнове́нно ути́х, как ве́тер, гнев Теламо́на, и ему́ ста́ло сты́дно, что он оби́дел своего́ ста́ршего това́рища. Смущённый, подошёл он к Язо́ну и ти́хо сказа́л:

— Прости́ мне де́рзкие и гру́бые слова́! Они́ рождены́ бы́ли печа́лью и гне́вом.

Язо́н прости́л Теламо́на и помири́лся с ним. Сно́ва был мир на корабле́, аргона́вты дру́жно гребли́, и «Арго́» плыл по́ морю всё да́льше, всё да́льше.

В ЦАРСТВЕ БЕБРИКОВ

Поспе́шно уплыва́я с после́дней стоя́нки, аргона́вты забы́ли попо́лнить запа́сы пре́сной воды́, и ско́ро опя́ть пришло́сь им завора́чивать к бе́регу.

Приближа́ясь к земле́, они́ уви́дели гру́бые, бе́дные жили́ща из камне́й и необтёсанных брёвен и люде́й в звери́ных шку́рах ди́кого и воинственного ви́да. Заме́тив кора́бль аргона́втов, ди́кие лю́ди с кри́ками бро́сились к ме́сту прича́ла и столпи́лись, как ста́до, с любопы́тством ожида́я вы́садки и не проявля́я никаки́х при́знаков гостеприи́мства. Из толпы́ вы́шел челове́к огро́много ро́ста, в чёрном плаще́, с тяжёлой дуби́нкой в рука́х.

Язо́н по́нял, что пе́ред ним вождь э́тих ди́ких люде́й, и, ступи́в на зе́млю, обрати́лся к нему́.

— Приве́т тебе́! — сказа́л Язо́н.— Будь добр, скажи́ нам, чья э́то земля́ и что за наро́д здесь живёт. Мы — аргона́вты, во́льные морепла́ватели. Плывём из гре́ческого го́рода Ио́лка в далёкую Колхи́ду, что́бы добы́ть золото́е руно́, кото́рое прино́сит лю́дям изоби́лие и дово́льство. Не бо́йтесь нас, мы не причини́м вам никако́го зла. Мы то́лько напо́лним на́ши сосу́ды све́жей водо́й и поплывём да́льше. Вели́кий Зевс повелева́ет всем лю́дям быть гостеприи́мными и не отка́зывать в прию́те путеше́ственникам...

— Не зна́ю никако́го Зе́вса! — гру́бо оборва́л Язо́на челове́к в чёрном плаще́.— Я — Амик, у меня́ свой зако́н. Раз судьба́ занесла́ вас ко мне, в ца́рство бе́бриков, узна́йте, как я принима́ю госте́й. Гляди́те! — И он показа́л дуби́нкой: у вхо́да в селе́ние на дли́нных шеста́х торча́ли вы́сохшие челове́ческие го́ловы.— Ме́ста хва́тит и для вас, морски́е бродя́ги! — засмея́лся дика́рь.

Бе́брики то́же улыба́лись, дово́льные шу́ткой своего́ царя́.

Амик продолжа́л:

— Всех чужезе́мцев, кто ступа́ет на мою́

зе́млю, я угоща́ю по-сво́ему. Вот! — И он гордели́во по́днял свой кула́к величино́й с го́лову Язо́на.— Эй вы, морепла́ватели, кто из вас са́мый си́льный, пусть выхо́дит со мной дра́ться на кула́чках! Кто меня́ победи́т — бу́дет здесь хозя́ином, кого́ я побью́ — с того́ го́лову сниму́ на па́мять... Ну? Принима́ете моё угоще́ние?

Еле сде́рживая гнев, слу́шали аргона́вты хвастли́вую речь царя́ бе́бриков. Не говоря́ ни сло́ва, Язо́н стал снима́ть с себя́ ору́жие. Но его́ опереди́л Полиде́вк.

— Меня́ называ́ли когда́-то лу́чшим кула́чным бойцо́м в Элла́де,— сказа́л он това́рищам,— позво́льте мне усмири́ть э́того бе́брика.— И, обрати́вшись к Амику, поклони́лся учти́во: — Благодарю́ за ла́сковый приём! Не бу́дем теря́ть вре́мени. Я гото́в!

Велика́н посмотре́л на Полиде́вка с усме́шкой: ю́ный геро́й едва́ достава́л ему́ до плеча́.

Но Полиде́вк споко́йно снял с себя́ щит, меч и шлем и о́тдал в ру́ки бра́ту Касто́ру, что́бы он побере́г их во вре́мя бо́я.

Амик, серди́то ворча́, ки́нул прочь свою́ дуби́нку с тако́й си́лой, что пыль подняла́сь столбо́м. Проти́вники сбро́сили на траву́ свои́ плащи́ и обмота́ли ремня́ми себе́ ру́ки до ло́ктя.

Бе́брики жа́дной толпо́й окружи́ли их. Аргона́вты го́рдо стоя́ли стро́йными ряда́ми поо́даль.

— Ну, малы́ш, сейча́с тебе́ бу́дет коне́ц! — надме́нно сказа́л Амик, размахну́лся и обру́шил свой тяжёлый кула́к пря́мо на го́лову Полиде́вка.

Но Полиде́вк уверну́лся во́время и уда́рил лего́нько проти́вника в живо́т.

— О-хо-хо́! — загрохота́л Амик.— Ты увёртлив, кро́шка, но не дразни́ меня́ — я не люблю́

щеко́тки.— И, нагну́вшись, с си́лой вы́бросил вперёд кула́к, что́бы уда́рить ю́ноше в середи́ну груди́, под се́рдце.

Полиде́вк пры́гнул в сто́рону и с разма́ху уда́рил велика́на в висо́к так, что в голове́ у того́ зазвене́ло и кра́сные круги́ поплы́ли пе́ред глаза́ми. Бе́брик рассвирепе́л и, не по́мня себя́, стал наноси́ть уда́ры нале́во, напра́во, куда́ попа́ло, расхо́дуя напра́сно си́лы, потому́ что ю́ноша аргона́вт вся́кий раз успева́л уклони́ться, отскочи́ть наза́д и то́лько стара́лся измота́ть своего́ проти́вника, а сам ждал удо́бного моме́нта, что́бы нанести́ реши́тельный уда́р. Как разъярённый бык, мета́лся Амик из стороны́ в сто́рону, тяжело́ дыша́, и пот кру́пными ка́плями кати́лся с багро́вого лица́ и па́дал на зе́млю, как дождь.

А ю́ный грек, лёгкий и ги́бкий, ло́вко кружи́л о́коло тяжелове́сного бе́брика и вдруг, стреми́тельно напа́в на него́, уда́рил в висо́к — раз

и другой — с такой силой, что рассек ему череп.

Амик зашатался, упал на колени; кровь хлынула у него изо рта.

Подняв щиты, громко приветствовали победителя аргонавты.

Бебрики же, увидев, что царь их убит, бросились на Полидевка с дубинами. На выручку брату поспешили с мечом Кастор и громадный Анкей со своей тяжёлой секирой. Пришлось аргонавтам принять неожиданный бой. Мечи скрестились с дубинами. Битва была недолгой. Бебрики в страхе бежали; аргонавты преследовали их и учили гостеприимству.

— Мы пришли к вам с миром, мы не хотели вам зла,— говорил Язон.— Нам ничего не нужно было от вас, кроме доброго слова и свежей воды на дорогу. Запомните же теперь нашу заповедь: уважайте гостей и чужестранцев. По нашим следам приплывут другие — встречайте их как

друзья́, помога́йте тем, кто отва́жно плывёт вперёд по неве́домым моря́м, прокла́дывая путь для всех!

Язо́н приказа́л снять с шесто́в мёртвые го́ловы чужезе́мцев, уби́тых Амиком, и похорони́ть их.

Перепу́ганные бе́брики принесли́ аргона́втам бога́тые дары́ и устро́или пир. Геро́и перевяза́ли свои́ ра́ны и, позабы́в неда́внюю ра́спрю, ве́село пирова́ли на берегу́ пе́ред селе́нием бе́бриков.

Побе́дно звене́ла золота́я кифа́ра, пел Орфе́й, и лю́ди в звери́ных шку́рах удивлённо слу́шали пе́сни далёкой страны́.

АРГОНАВТЫ В САЛМИДЕССЕ. ГОЛУБЬ ФИНЕЯ

Всё да́льше на восто́к уплыва́л «Арго́». Мно́го дней уже́ аргона́вты бы́ли в пути́. Они́ минова́ли второ́е мо́ре, и ско́ро должно́ бы́ло откры́ться пе́ред ни́ми тре́тье — после́днее на их пути́, са́мое широ́кое, бу́рное и неве́домое мо́ре. Да́же о́пытный моря́к Ти́фис ничего́ не знал о нём. Аргона́вты до́лго иска́ли прохо́да из Пропонти́ды в э́то но́вое мо́ре и, пе́ред тем как пусти́ться в после́дний перехо́д, реши́ли отдохну́ть и останови́лись у фраки́йского го́рода Салмиде́сса.

Необы́чная тишина́ встре́тила их на берегу́. Га́вань была́ пусты́нна и забро́шена, городски́е у́лицы безлю́дны, дома́ за́перты на́глухо.

Аргона́вты прошли́ по безмо́лвному го́роду и прибли́зились к ца́рскому до́му. Стра́шное запусте́ние цари́ло здесь. Все расте́ния поги́бли в ца́рском саду́. Ку́ча отврати́тельных нечисто́т лежа́ла пе́ред до́мом; со́лнце жгло их, и нестерпи́мая вонь стоя́ла в во́здухе. На раскры́тых во-

ро́тах сиде́ли две грома́дные костля́вые пти́цы и, спря́тав го́ловы под кры́лья, спа́ли.

С изумле́нием смотре́ли на всё аргона́вты и хоте́ли уже́ поскоре́е пройти́ ми́мо, как вдруг услы́шали че́й-то сла́бый зов. Они́ откли́кнулись. Из до́ма вы́шел, шата́ясь, стари́к и напра́вился к ним, протяну́в вперёд дрожа́щие ру́ки и осторо́жно ступа́я, как слепо́й. Он и в са́мом де́ле был слеп и так истощён и худ, что стра́шно бы́ло смотре́ть на него́. Едва́ дойдя́ до прише́льцев, он ослабе́л и упа́л пе́ред ни́ми на зе́млю. Аргона́вты по́дняли его́, подвели́ к крыльцу́, усади́ли и обступи́ли, ожида́я, что он ска́жет.

Отдыша́вшись, стари́к заговори́л ти́хим и печа́льным го́лосом:

— Я узна́л вас, геро́и Элла́ды! Се́рдце сказа́ло мне, что вы — те, что отва́жились плыть за золоты́м руно́м че́рез три мо́ря в далёкую Колхи́ду. Аргона́вты, това́рищи и спу́тники Язо́на, э́то вы! Уже́ давно́ я жду вас. Мне предска́зано, что вы придёте спасти́ меня́. Слу́шайте! Когда́-то я был царём в Салмиде́ссе. Моё и́мя Фине́й...

Услы́шав э́то и́мя, с кри́ком бро́сились к старику́ Бореа́ды, два крыла́тых бра́та, сыновья́ бо́га ветро́в, и останови́лись, боя́сь ве́рить свои́м глаза́м: э́то был муж их люби́мой сестры́, фраки́йский царь Фине́й.

— Да, я не чужо́й вам,— сказа́л стари́к,— я был жена́т на прекра́сной до́чери Боре́я. Два ми́лых сы́на бы́ли у меня́, я был бога́т и сча́стлив. У меня́ был дар уга́дывать бу́дущее, мно́гие та́йны жи́зни бы́ли мне откры́ты, но я не име́л пра́ва разглаша́ть их. А я был добр и мя́гок се́рдцем и стал предска́зывать лю́дям их судьбу́. Бо́ги разгне́вались на меня́ — я осле́п. Семья́ моя́ распа́лась, сыновья́ поки́нули меня́. Лю́ди оста́вили

меня́ одного́, потому́ что бо́ги посла́ли сюда́ чудо́вищ, кото́рые стерегу́т меня́ и не даю́т никому́ помо́чь мне. Го́лод му́чит меня́, я умира́ю от истоще́ния... Спаси́те меня́, Бореа́ды!

Охва́ченные жа́лостью, аргона́вты бы́стро собра́ли то, что бы́ло у них с собо́й — хлеб, кусо́к сы́ра и немно́го плодо́в,— и положи́ли старику́ на коле́ни.

— Возьми́ и ешь,— сказа́л Язо́н.— Подкрепи́сь немно́го, и пойдём с на́ми на «Арго́», там мы нако́рмим тебя́ до́сыта.

Вдруг разда́лся хри́плый и протя́жный крик и хло́панье кры́льев: пти́цы на воро́тах просну́лись и по́дняли го́ловы. Аргона́вты уви́дели: у них бы́ли же́нские го́ловы на дли́нных го́лых ше́ях, безобра́зные, костля́вые, ста́рые и стра́шные ли́ца. Высокоме́рно и жа́дно они́ гляде́ли на Фине́я и нетерпели́во перебира́ли ла́пами с дли́нными крючкова́тыми па́льцами.

Вдруг они́ взвили́сь и с кри́ком ста́ли кружи́ть над до́мом.

Стари́к испуга́лся и вы́ронил из рук еду́.

— Это Га́рпии. Сейча́с они́ прилетя́т,— пробормота́л он.— Вот они́!

Как гнев бого́в, неумоли́мые, слете́ли Га́рпии на несча́стного Фине́я, когтя́ми раздира́я ему́ ру́ки и оде́жду. Они́ вы́рвали у него́ хлеб и плоды́, мгнове́нно сожра́ли всё и улете́ли, обры́згав бе́дного старика́ воню́чей гря́зью.

Обнажи́в мечи́, взлете́ли за ни́ми крыла́тые сыновья́ Боре́я. Га́рпии с кри́ком умча́лись на за́пад, за мо́ре. Бореа́ды погнали́сь за ни́ми и ско́ро скры́лись в морско́м тума́не. Тогда́ с не́ба че́рез всё мо́ре протяну́лась семицве́тная дуга́, на зе́млю сошла́ ве́стница бого́в боги́ня Ири́да и сказа́ла Фине́ю, что срок его́ наказа́ния прошёл,

Как гнев богóв, неумолúмые, слетéли Гáрпии
на несчáстного Финéя.

бо́ги прости́ли его́ и злы́е Га́рпии никогда́ бо́льше не прилетя́т к его́ до́му.

Уви́дев, что Га́рпии улете́ли далеко́ за мо́ре, салмиде́сские жи́тели ста́ли выходи́ть из домо́в. Поспе́шно вы́чистили они́ двор и дом, обмы́ли самого́ Фине́я и наде́ли на него́ чи́стую оде́жду. На бы́стрых кры́льях свои́х верну́лись наза́д Бореа́ды и ра́достно о́бняли Фине́я. Аргона́вты принесли́ с корабля́ жи́рную овцу́, пода́ренную им бе́бриками, пригото́вили сы́тный обе́д, накорми́ли Фине́я, е́ли са́ми и угоща́ли всех, кто был го́лоден в Салмиде́ссе. А когда́ насы́тились, се́ли все у огня́, пи́ли вино́, говори́ли о том, как им да́льше плыть, о неизве́стном мо́ре и спра́шивали Фине́я, что их ждёт впереди́. Благода́рный Фине́й так отвеча́л свои́м избави́телям:

— Я не могу́ сказа́ть, что с ва́ми бу́дет,— бо́ги опя́ть разгне́ваются на меня́. Но я могу́ вам дать сове́т. Когда́ вы поки́нете салмиде́сскую га́вань и пойдёте в проли́в, соединя́ющий Пропонти́ду с други́м мо́рем, вы уви́дите в конце́ проли́ва две скалы́. Это Симплега́ды. Они́ не стоя́т на ме́сте — постоя́нно то сдвига́ются, ударя́ясь одна́ о другу́ю, то расхо́дятся. Никто́ из сме́ртных ещё не проходи́л ме́жду Симплега́дами, ни оди́н кора́бль не проплыва́л ме́жду ни́ми. Но вам нельзя́ минова́ть их: они́ стоя́т на ва́шем пути́. Сде́лайте же так. Возьми́те с собо́й го́лубя и, когда́ приблизитесь к Симплега́дам, вы́пустите вперёд пти́цу. Если она́ успе́ет пролете́ть ме́жду ска́лами, сме́ло направля́йте кора́бль, быстре́е греби́те и спеши́те проплы́ть — всё зави́сит от си́лы и быстроты́ ва́ших рук. Если же ска́лы разда́вят го́лубя, неме́для возвраща́йтесь наза́д — зна́чит, нет вам доро́ги да́льше.

Услы́шав э́то, салмиде́сские ма́льчики по-

бежáли, поймáли молодóго гóлубя и принеслú слепóму царю́.

Финéй ощýпал, крéпки ли кры́лья у птúцы, и óтдал гóлубя Язóну.

Наýтро аргонáвты простúлись с Финéем, взошлú на корáбль и поплы́ли тудá, где ждалá их гúбель úли удáча.

МЕЖДУ ДВИЖУЩИМИСЯ СКАЛАМИ

Аргонáвты мéдленно плы́ли по ýзкому пролúву, усéянному подвóдными камня́ми, смотрéли вперёд и молчáли, потомý что в час опáсности сúльный не хóчет обнарýжить пéред другúми свою́ тревóгу и в себé самóм úщет опóру.

Пролúв расширя́лся к концý; ужé виднь́і бы́ли огрóмные сúние скáлы, запирáвшие вы́ход в мóре, и слы́шно бы́ло, как бúлись о них вóлны.

— Симплегáды! — сказáл торжéственно Тúфис.

И все увúдели, как скáлы вдруг раздвúнулись, разошлúсь, оставля́я прохóд, слóвно приглашáя «Аргó» пройтú мéжду нúми. Вóлны с шýмом устремúлись в прохóд, увлекáя вперёд корáбль. Но сейчáс же скáлы снóва сошлúсь, с грóхотом удáрившись друг о дрýга. Мóре зашипéло вокрýг, и бéлая пéна вскипéла на грéбнях волн.

Вóлны неслú «Аргó» пря́мо на скáлы. На носý корабля́ стоя́л Язóн и держáл в рукáх гóлубя. Как тóлько скáлы разошлúсь опя́ть, Язóн вы́пустил птúцу в прохóд; онá полетéла мéжду скáлами, котóрые ужé бы́стро сдвигáлись снóва, грозя́ раздавúть мáленький бéлый комóчек. Вот ужé с грóхотом сшúблись громáды, мóре отбрóсило прочь корáбль. Он закружúлся, как щéпка. Снó-

ва раздви́нулись ска́лы, и аргона́вты уви́дели с ра́достью, что бе́лый го́лубь минова́л благополу́чно Симплега́ды. Гро́мко закрича́ли они́.

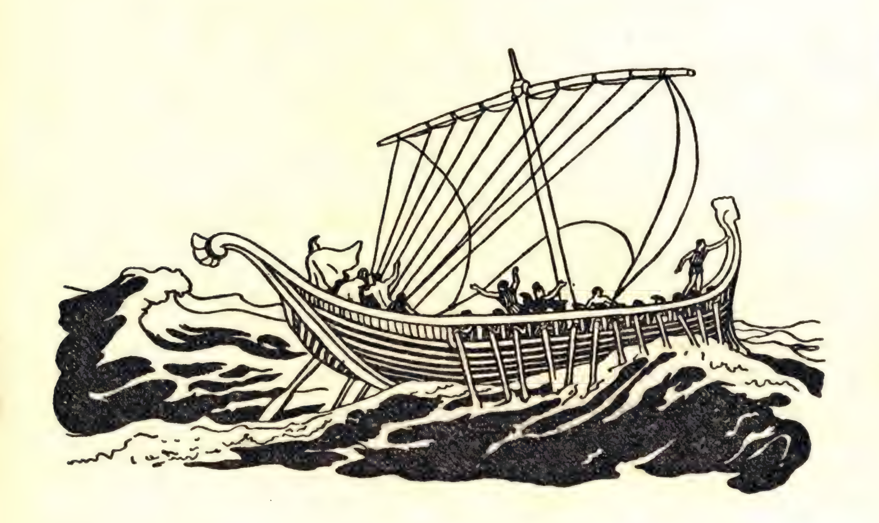
Ти́фис приказа́л со всей си́лой нале́чь на вёсла и бы́стро грести́.

Мо́ре вдруг вста́ло горо́й под кораблём и бро́сило его́ в пото́к ме́жду ска́лами. Навстре́чу «Арго́» шла друга́я волна́, ещё вы́ше, и вёсла аргона́втов согну́лись в дугу́.

Тогда́ Ти́фис приказа́л: «Переста́ньте грести́!» — и вёсла, взлете́в вверх, останови́лись. Гро́зный вал покати́лся под киль корабля́ и стал броса́ть и кружи́ть «Арго́», а ска́лы уже́ сдвига́лись.

— О цари́ца Оли́мпа, спаси́ нас! — взмоли́лись аргона́вты.

И вот над бушу́ющим мо́рем появи́лась сама́ боги́ня Ге́ра. Ле́вой руко́й она́ останови́ла скалу́, гото́вую раздави́ть кора́бль, а пра́вой си́льно

толкну́ла вперёд «Арго́», и он стрело́й пролете́л ме́жду ска́лами.

Сло́вно доса́дуя, останови́лись гро́зные ска́лы и уже́ не сдви́нулись бо́льше. Так и оста́лись они́ стоя́ть у вхо́да в мо́ре, и с тех пор корабли́ свобо́дно проплыва́ют ме́жду ни́ми.

КОНЕЦ ПУТИ

Очути́вшись на морско́м просто́ре, аргона́вты шу́мно ра́довались избавле́нию от ги́бели.

— Тепе́рь нам ничто́ не стра́шно! — сказа́л ве́село ко́рмчий.— Мы минова́ли Симплега́ды, а э́то до́брый знак: мину́ем и все прегра́ды, кото́рые ещё нас ждут впереди́.

Но Язо́н каза́лся смущённым и печа́льным.

— Это моя́ вина́,— говори́л он,— я завлёк вас в чужо́е, стра́шное мо́ре, я заста́вил вас нести́ тяжёлый труд, из-за меня́ подверга́етесь вы

опа́сностям и бе́дам... Заче́м я позва́л вас с собо́ю в э́то стра́нствие, по́лное трево́г? Сиде́ли бы вы споко́йно до́ма...

Но э́то была́ лишь хи́трость: он хоте́л прове́рить, не ослабе́ли ли ду́хом аргона́вты по́сле суро́вого испыта́ния у дви́жущихся скал.

Геро́и отве́тили сме́хом на хи́трые ре́чи Язо́на.

— Так плывём же да́льше! — воскли́кнул он, развеселя́сь.— В Колхи́ду, в Колхи́ду! Добу́дем золото́е руно́!

И «Арго́» поплы́л да́льше.

Отойдя́ от Симплега́д, аргона́вты сверну́ли напра́во и поплы́ли вдоль берего́в, обходя́ скали́стые мы́сы и осторо́жно мину́я обши́рные о́тмели, кото́рых мно́го тепе́рь встреча́лось на их пути́. Они́ проплыва́ли ми́мо земе́ль, населённых ра́зными наро́дами, не изве́стными им ра́ньше, ви́дели вои́нственных же́нщин-амазо́нок, скака́вших на ди́ких коня́х, ви́дели высо́кие ба́шни, постро́енные на гора́х, заро́сших ле́сом, минова́ли страну́ хали́бов, добыва́вших из земли́ желе́зо.

Одна́жды днём «Арго́» прибли́зился к неизве́стному о́строву. Больша́я кра́сная пти́ца сиде́ла на берегу́ и, зави́дев «Арго́» , полете́ла к нему́ навстре́чу.

Путеше́ственники с удивле́нием гляде́ли на неё. Вдруг она́ урони́ла перо́. Оно́ упа́ло на кора́бль и впило́сь в плечо́ одного́ из гребцо́в. Полила́сь кровь, и от бо́ли гребе́ц вы́ронил из рук весло́. Вы́нули перо́ из ра́ны и уви́дели, что э́то была́ о́страя ме́дная стрела́.

Прилете́ла втора́я пти́ца. Оди́н из аргона́втов схвати́л свой лук и уби́л её. Она́ упа́ла в мо́ре, звеня́ и сверка́я на со́лнце.

Тогда́ оди́н из ста́рших аргона́втов сказа́л:

— Это Стимфали́ды — ме́дные пти́цы бо́га

войны́. Их пе́рья ра́нят, как стре́лы. Наде́нем шле́мы, подни́мем щиты́, что́бы они́ не могли́ причини́ть нам вреда́.

Аргона́вты наде́ли шле́мы, прикры́лись щита́ми и, подплыва́я к бе́регу, гро́мко крича́ли и ударя́ли меча́ми в щиты́. Стимфали́ды подняли́сь над о́стровом, осыпа́я «Арго́» свои́ми ме́дными пе́рьями. Пе́рья ударя́лись о щиты́, и в во́здухе стоя́л тако́й шум и звон, что перепу́ганные пти́цы подняли́сь высоко́-высоко́ и умча́лись прочь.

Аргона́вты приста́ли к бе́регу и нашли́ здесь четырёх ю́ношей, обо́рванных и голо́дных. Это бы́ли сыновья́ Фри́кса. По́сле сме́рти их отца́ царь Ээ́т изгна́л их из Колхи́ды и отпра́вил на корабле́ в Гре́цию. Но бу́ря разби́ла кора́бль, и мо́ре вы́бросило их на э́тот пусты́нный о́стров, где их ожида́ла голо́дная смерть.

Аргона́вты обра́довались встре́че.

— Вы из Колхи́ды плы́ли в Гре́цию, а мы из Гре́ции плывём в Колхи́ду за золоты́м руно́м, кото́рое ваш оте́ц оста́вил у Ээ́та,— сказа́л ю́ношам Язо́н и предложи́л им: — Верни́тесь вме́сте с на́ми в Колхи́ду, помоги́те нам добы́ть золото́е руно́, и мы отвезём вас пото́м в Орхоме́н, на ро́дину Фри́кса.

Но ю́ноши испу́ганно кача́ли голова́ми. Ста́рший сказа́л:

— Вы заду́мали тру́дное де́ло. Царь Колхи́ды жесто́к и зол и не отда́ст вам золото́го руна́. Но, е́сли бы да́же он согласи́лся верну́ть вам его́, вы не смо́жете одоле́ть драко́на, кото́рый стережёт руно́ в ро́ще Аре́са. Этот драко́н никогда́ не спит, днём и но́чью откры́ты его́ глаза́. Он и́здали ви́дит всех, кто хо́чет подойти́ к свяще́нному ду́бу, на кото́ром виси́т золото́е руно́. И го́ре тому́, кто подойдёт сли́шком бли́зко!

Аргона́вты смути́лись при э́тих слова́х, но хра́брый Пеле́й сказа́л:

— Не пуга́й нас, дитя́! Мы зна́ем, что тако́е опа́сность. Есть си́ла в на́ших рука́х, на́ши мечи́ о́стры и щиты́ надёжны. Мы во́ины, и нам помога́ют бо́ги Оли́мпа. Немно́го оста́лось нам плыть до Колхи́ды, а там будь что бу́дет!

С рассве́том по́дняли па́рус, и сыновья́ Фри́кса, став на корме́, помога́ли ко́рмчему направля́ть кора́бль к берега́м Колхи́ды. Плы́ли це́лый день — после́дний день похо́да — и к но́чи дости́гли у́стья большо́й реки́. Это был Фа́зис, полново́дная река́ Колхи́ды.

Аргона́вты сверну́ли паруса́, на вёслах вошли́ в ре́ку и подняли́сь вверх по тече́нию. С ле́вой стороны́ они́ уви́дели сне́жные верши́ны Кавка́за и на берегу́ го́род Ээ́та; спра́ва лежа́ло пусто́е по́ле Аре́са и темне́ла ро́ща, где недре́млющий драко́н сторожи́л золото́е руно́.

Все аргона́вты собрали́сь на па́лубе, и Язо́н,

став у золочёной головы́ боги́ни — покрови́тельницы «Арго́», напо́лнил вино́м свою́ ча́шу и вы́лил в во́ду — в честь ма́тери-Земли́, к кото́рой они́ приближа́лись, в честь бого́в, помога́ющих путеше́ственникам, и в па́мять геро́ев, поги́бших в пути́. Пото́м напра́вили кора́бль в тростники́, кото́рые росли́ у берего́в, и, скры́тые высо́кой траво́й, усну́ли у бли́зкой це́ли.

ЯЗОН У ЦАРЯ КОЛХИДЫ

Утром ра́но проснýлись аргона́вты и ста́ли совеща́ться, что предприня́ть.

Осторо́жный Язо́н реши́л: всем остава́ться на корабле́ и ждать, а ему́ с сыновья́ми Фри́кса и ещё с двумя́ аргона́втами идти́ во дворе́ц Эе́та — разве́дать, не согласи́тся ли царь доброво́льно отда́ть руно́.

И вот Язо́н отпра́вился вме́сте с сыновья́ми

Фри́кса, с Теламо́ном и Авгиа́сом, к царю́ Колхи́ды Ээ́ту. По доро́ге в го́род они́ попа́ли в большо́й сад, где на ка́ждом де́реве висе́л на цепи́ мертве́ц, завёрнутый в шку́ру быка́. Они́ ужасну́лись. Но э́то бы́ло про́сто колхи́дское кла́дбище — так хорони́ли ко́лхи свои́х мужчи́н; же́нщин же зарыва́ли в зе́млю.

Когда́ аргона́вты вошли́ в го́род, густо́й тума́н упа́л на зе́млю, так что за три шага́ нельзя́ бы́ло различи́ть встре́чного. Это покрови́тельница Ге́ра укры́ла от глаз ко́лхов прише́льцев, чтоб они́ без поме́хи дошли́ до жили́ща Ээ́та. Здесь тума́н рассе́ялся, и они́ уви́дели ца́рский дворе́ц с высо́кими ба́шнями, с широ́кими воро́тами, кото́рые вели́ на большо́й четырёхуго́льный двор. По угла́м его́ би́ли четы́ре фонта́на. Из одного́ струёй лило́сь молоко́, из друго́го — вино́, из тре́тьего — души́стое цвето́чное ма́сло, из четвёртого — ледяна́я, прозра́чная вода́. А посереди́не был виногра́дник. Двор окружа́ли четы́ре дворца́. В са́мом большо́м и бога́том жил Ээ́т со свое́й жено́й, а в остальны́х трёх — его́ сын Апси́рт и до́чери, Халкио́па и Медея́.

Восхищённые э́той красото́й и бога́тством, Язо́н и его́ това́рищи останови́лись у одного́ из дворцо́в и смотре́ли вокру́г, не говоря́ ни сло́ва. В э́то вре́мя откры́лась высо́кая дверь, и во двор вы́шла де́вушка в дли́нной чёрной оде́жде. Это была́ Меде́я, мла́дшая дочь Ээ́та. Уви́дев незнако́мцев у свое́й две́ри, она́ испуга́лась и закрича́ла. На крик вы́бежала из дворца́ её сестра́ Халкио́па, жена́ уби́того Фри́кса. Сыновья́ Фри́кса, сопровожда́вшие Язо́на, бро́сились к ма́тери, и она́ обняла́ их со слеза́ми. Они́ рассказа́ли Халкио́пе, почему́ верну́лись в Колхи́ду, и указа́ли ей на свои́х спу́тников. Язо́н приве́тствовал Хал-

ки́опу и проси́л её помо́чь им. Меде́я стоя́ла в стороне́, не принима́я уча́стия в разгово́ре, но её чёрные глаза́ неотсту́пно смотре́ли в лицо́ Язо́ну, и та́йная не́жность к э́тому чужо́му челове́ку вдруг охвати́ла её с непоня́тной си́лой.

Ме́жду тем царь, узна́в о прие́зде вну́ков и с ни́ми каки́х-то чужезе́мцев, присла́л слугу́ звать всех к себе́.

Со стра́хом вошли́ аргона́вты в большо́й дворе́ц, не зна́я, что их ждёт.

В обши́рном, бога́то укра́шенном за́ле, си́дя за столо́м на золочёном сту́ле, покры́том звери́ной шку́рой, царь Колхи́ды обе́дал. Он встре́тил прише́дших мра́чно, е́ле кивну́л голово́й и сказа́л:

— Бу́дьте гостя́ми, раз пришли́.— И, нахму́рясь, обрати́лся к ста́ршему сы́ну Фри́кса: — Что заста́вило вас верну́ться?

Юноша рассказа́л о кораблекруше́нии и о том, как он и его́ бра́тья бы́ли спасены́ аргона́втами, плы́вшими в Колхи́ду.

— Заче́м? — был коро́ткий вопро́с.

Сын Фри́кса смути́лся, указа́л на Язо́на, назва́в его́ и́мя:

— Царь Ио́лка веле́л ему́ добы́ть золото́е руно́, оста́вленное у тебя́ мои́м отцо́м.

— Вы́думки! — загреме́л Ээ́т.— Я ви́жу вас наскво́зь, де́ти э́ллинского бе́глого царе́вича! Вы нашли́ себе́ покрови́теля среди́ свои́х ро́дичей и верну́лись, что́бы отня́ть у меня́ ца́рство! Вы провели́ сюда́ э́тих во́инов и посади́ли за мой стол, как госте́й, что́бы я не мог уби́ть их! Прочь от меня́, пока́ вы живы, пока́ я не приказа́л схвати́ть вас всех до одного́!

Вспы́льчивый Телемо́н вскочи́л со своего́ ме́ста и закрича́л:

— Не смей оскорбля́ть нас, ва́рвар![1]

Но Язо́н останови́л его́ си́льной руко́й и, вы́йдя из-за стола́, сказа́л царю́ споко́йно:

— Мы проплы́ли три мо́ря, минова́ли мно́го стран. Нас проси́ли оста́ться жить на Ле́мносе; мы победи́ли бе́бриков; мы уничто́жили велика́нов с Медве́жьей горы́. Если бы нам была́ нужна́ земля́, заче́м нам бы́ло плыть так далеко́? Успоко́йся, нам не ну́жно твоё ца́рство. Мы пришли́ сюда́ за золоты́м руно́м. Но мы не ни́щие и не разбо́йники. Мы уме́ем владе́ть ору́жием и гото́вы послужи́ть тебе́ за руно́. Если у тебя́ есть враги́, пошли́ нас би́ться с ни́ми. Кляну́сь, мы суме́ем завоева́ть золото́е руно́!

Царь слу́шал Язо́на заду́мчиво. Он ду́мал: схвати́ть ли Язо́на си́лой сейча́с и́ли погуби́ть его́ хи́тростью?

Пото́м сказа́л:

— Мои́х враго́в я убива́ю сам, мне не нужна́ по́мощь чужезе́мцев. Я во́все не дорожу́ золоты́м руно́м и мог бы подари́ть его́ тебе́, но бою́сь э́тим да́ром ва́рвара оби́деть сме́лых прише́льцев. Я дам тебе́ возмо́жность зарабо́тать руно́. У меня́ есть два прекра́сных и могу́чих быка́ — их подари́л мне боже́ственный ма́стер Гефе́ст, и есть пусто́е по́ле, где ничего́ не растёт. Запряги́ мои́х быко́в, вспаши́ э́то по́ле, засе́й его́, и, когда́ поя́вятся пе́рвые всхо́ды, ты полу́чишь то, что тебе́ сле́дует.

Удиви́лся Язо́н тако́му просто́му поруче́нию и поду́мал, нет ли здесь како́го кова́рства.

Ээ́т усмехну́лся:

— Ви́жу, ты счита́ешь э́ту рабо́ту просто́й и

[1] Ва́рвар.— Ва́рварами дре́вние гре́ки и ри́мляне называ́ли вся́ких чужезе́мцев.

ни́зкой для себя́. Напра́сно! Эта рабо́та о́чень трудна́, не вся́кий годи́тся для неё. Я не зна́ю, геро́й, хва́тит ли у тебя́ сил спра́виться с э́тим де́лом.

И он так посмотре́л на Язо́на, что аргона́вт задрожа́л и по́нял, что де́ло не так про́сто, как ему́ показа́лось снача́ла.

— Отправля́йся тепе́рь на свой кора́бль,— продолжа́л Ээ́т,— расскажи́ това́рищам, как ми́лостив к вам царь Колхи́ды. За́втра у́тром приходи́ на тот бе́рег, на по́ле Аре́са. Быки́ пасу́тся там у реки́. Я прие́ду и привезу́ тебе́ семена́.

Язо́н прости́лся с царём, и аргона́вты ушли́. Когда́ они́ проходи́ли по́ двору, Язо́на останови́ла стару́ха — служа́нка Меде́и:

— Моя́ госпожа́ про́сит тебя́ прийти́ сейча́с в храм Гека́ты. Она́ бу́дет ждать тебя́ там. Спеши́, потому́ что жизнь твоя́ и всех твои́х това́рищей в опа́сности.

Язо́н веле́л Теламо́ну и Авгиа́су верну́ться на кора́бль и ждать его́ там, а сам, взяв проводнико́м сы́на Фри́кса, пошёл в храм Гека́ты.

ВОЛШЕБНИЦА МЕДЕЯ

Храм Гека́ты, боги́ни привиде́ний и стра́хов, находи́лся за го́родом, в ро́ще на холме́. Там стоя́ла ста́туя, у кото́рой бы́ло три лица́ — в знак того́, что боги́не подвла́стны не́бо, земля́ и подзе́мное ца́рство.

В ро́ще броди́ли соба́ки, посвящённые Гека́те, жа́лобно бле́яли в траве́ чёрные ягня́та, пригото́вленные для же́ртвы.

Когда́ Язо́н, оста́вив своего́ ю́ного спу́тника,

вошёл в рóщу Гекáты, Медéя пошлá емý навстрéчу и сказáла:

— Я дочь Ээ́та, Медéя. Я служý Гекáте и знáю мнóгое, чегó не знáют просты́е лю́ди. Я могý оживи́ть уби́того и сдéлать стáрого молоды́м. Могý принести́ в дом несчáстье, наслáть страх и тоскý на человéка, отня́ть у негó покóй. Сам царь, мой отéц, бои́тся меня́. Но тебé я не хочý зла. Слýшай! Царь зáдал тебé стрáшную задáчу. Быки́, на котóрых ты дóлжен вспахáть пóле, семенá для посéва и самó пóле — не просты́е. У быкóв э́тих мéдные нóги, огóнь вылетáет из пáсти — э́то быки́ бóга Сóлнца. Неукроти́мы они́, и простóму человéку не спрáвиться с ни́ми. Вмéсто семя́н царь даст тебé зýбы дракóна. Éсли посéять их на пóле Арéса, вы́растут вóины без числá и убью́т вас всех.

Так говори́ла Медéя и смотрéла на Язóна с жáлостью.

Язóн опусти́л гóлову:

— Ну что ж... отступáть невозмóжно. Ги́бель ждёт меня́. Но, по крáйней мéре, пусть лю́ди не назовýт меня́ трýсом.

Медéя сказáла:

— Я не хочý твоéй ги́бели. Не знáю почемý — мне жаль тебя́, чужезéмец! Мне хóчется спасти́ тебя́!

— Так помоги́ нам, éсли ты мóжешь! — воскли́кнул Язóн.— Помоги́ добы́ть золотóе рунó, и я прослáвлю тебя́ по всей Эллáде. За тремя́ моря́ми, далекó отсю́да, мы бýдем с благодáрностью повторя́ть твоё и́мя.

Тогдá волшéбница далá емý рáковину с тёмной мáзью и сказáла:

— Недалекó отсю́да, в горáх, к скалé над мóрем приковáн титáн Прометéй. Он похи́тил у

богóв и́скру божéственного огня́ и подари́л лю́дям. За э́то бóги жестóко покарáли егó. Кáждый день прилетáет орёл и клюёт емý пéчень. Кровь кáплет из рáны на скалý и на песóк у мóря. На пескé, пóлитом Прометéевой крóвью, вырастáет ди́кий и стрáшный цветóк. Из чёрного кóрня э́того цветкá я добылá волшéбный сок и приготóвила э́ту мазь. Возьми́ её. В пóлночь одéнься в чёрное, оди́н иди́ к рекé, искупáйся в ти́хой водé, а ýтром натри́ э́той мáзью всё своё тéло, и онó стáнет си́льным и неуязви́мым, и огóнь из пáсти быкóв не причини́т тебé вредá. Смажь тáкже всё твоё орýжие — меч, и копьё, и щит. Эта мазь даёт си́лу на оди́н тóлько день. Но у тебя́ хвáтит врéмени, чтóбы вы́полнить всё, что трéбует царь. Когдá из зубóв дракóна, котóрые ты посéешь в пóле, вы́растут вооружённые лю́ди, брось срáзу в них кáмень. Они́ не уви́дят, кто брóсил, подýмают друг на дрýга, ки́нутся в дрáку мéжду собóю — и ты смóжешь оди́н переби́ть всех их. Тепéрь иди́, желáю тебé удáчи. Но, когдá ты полýчишь золотóе рунó, уéдешь и бýдешь счáстливо жить на своéй рóдине, не забывáй меня́. Обещáй, что ты меня́ не забýдешь!

Онá глядéла на Язóна с любóвью и показáлась емý в э́ту минýту такóй дóброй и прекрáсной, что он стал проси́ть её:

— Поéдем со мной! Я возьмý тебя́ на «Аргó», увезý от твоегó злóго отцá, и ты бýдешь моéй женóй и цари́цей в Иóлке.

Медéя молчáла и качáла головóй, хотя́ словá Язóна рáдовали её.

Дóлго стоя́ли они́ вмéсте в рóще Гекáты и смотрéли друг на дрýга.

Сóлнце стáло клони́ться к закáту, и Язóну порá бы́ло возвращáться на корáбль.

— За́втра, когда́ царь отда́ст мне золото́е руно́, я попрошу́ его́ отпусти́ть тебя́ со мно́ю,— сказа́л Язо́н.

И они́ расста́лись.

НА ПОЛЕ АРЕСА

Ра́но у́тром царь Колхи́ды наде́л свои́ доспе́хи, пода́ренные ему́ бо́гом войны́ Аре́сом, сел на колесни́цу и пое́хал на Аре́сово по́ле. Его́ сопровожда́ли то́лпы ко́лхов — всем хоте́лось посмотре́ть, как быки́ бо́га Со́лнца растерза́ют чужезе́мца.

А Язо́н, как научи́ла его́ Меде́я, натёр чуде́сной ма́зью своё те́ло и ору́жие и почу́вствовал в себе́ вели́кую си́лу. Он был сло́вно весь вы́кован из желе́за, и ни копьё, ни меч не могли́ причини́ть ему́ вреда́.

Аргона́вты се́ли на кора́бль и поплы́ли к по́лю Аре́са, где их уже́ ждал Ээ́т.

Язо́н взял у царя́ зу́бы драко́на и оди́н вы́шел на по́ле. На краю́ по́ля лежа́ли ярмо́ и плуг. Тут же был вход в подзе́мный хлев, где стоя́ли быки́. Внеза́пно, сло́вно почу́вствовав приближе́ние геро́я, они́ с рёвом вы́скочили из сто́йла и помча́лись пря́мо на Язо́на. Он прикры́лся щито́м и стоя́л споко́йно, уве́ренный в свое́й чуде́сной си́ле. Быки́ уда́рили рога́ми в щит и отскочи́ли прочь. Взреве́в, они́ вы́пустили сноп огня́, хоте́ли опали́ть геро́я, но пла́мя, долете́в до него́, раздвои́лось и, обойдя́ его́, сошло́сь за его́ голово́й. Невреди́мый в кольце́ огня́, он сме́ло схвати́л руко́й за рог одного́ быка́, пото́м друго́го и наде́л на них ярмо́. С по́мощью двух аргона́втов Язо́н запря́г быко́в в плуг и погна́л по́ полю.

Язо́н сме́ло схвати́л руко́й за рог одного́ быка́.

Аргона́вты ра́достно закрича́ли, уви́дев э́то. Шум подня́лся среди́ ко́лхов. Сам царь Ээ́т удиви́лся необыкнове́нной си́ле геро́я.

Бы́стро мча́лись по́ полю быки́, взрыва́я плу́гом глубо́кие бо́розды, и Язо́н броса́л в распа́ханную зе́млю зу́бы драко́на.

Мно́го раз пробежа́ли быки́ из конца́ в коне́ц Аре́сово по́ле, и вот всё оно́ бы́ло вспа́хано и засе́яно. Око́нчив рабо́ту, Язо́н вы́пряг быко́в и копьём загна́л их обра́тно в сто́йло. Пото́м, ожида́я, пока́ из зубо́в драко́на вы́растут во́ины, он пошёл на бе́рег реки́, зачерпну́л шле́мом воды́ и напи́лся. И почу́вствовал, что си́лы в нём ничу́ть не уба́вилось. Он смотре́л на по́ле и ждал.

Как пе́рвые ростки́, показа́лись из земли́ концы́ о́стрых ко́пий, пото́м го́ловы в шле́мах, вот заблесте́ли щиты́, зазвене́ли, разбра́сывая зе́млю, мечи́ — и вмиг всё по́ле запо́лнилось во́инами.

Язо́н по́мнил хи́трый сове́т Меде́и. Он по́днял с земли́ огро́мный ка́мень, кото́рый че́тверо си́льных люде́й едва́ могли́ бы сдви́нуть с ме́ста, размахну́вшись, швырну́л его́ в середи́ну во́йска и уби́л сра́зу не́скольких во́инов. Не поня́в, отку́да беда́, во́ины с я́ростью обнажи́ли мечи́ и ста́ли убива́ть друг дру́га. Тогда́ Язо́н сме́ло напа́л на них, рубя́ и уничтожа́я всех, кто ему́ попада́лся. Ско́ро всё по́ле покры́лось тру́пами, и чёрная кровь запо́лнила до краёв бо́розды, оста́вленные плу́гом.

С у́жасом смотре́ли ко́лхи, как расправля́лся Язо́н с во́инами, вы́росшими из зубо́в драко́на. Царь Ээ́т от гне́ва не мог вы́говорить ни сло́ва. В бе́шенстве уда́рил он по лошадя́м и умча́лся прочь с Аре́сова по́ля.

— Я ко́нчил мою́ рабо́ту. За́втра царь до́лжен отда́ть мне золото́е руно́,— сказа́л Язо́н.

Наступи́л ве́чер. Чуде́сная си́ла уже́ покида́ла Язо́на. Аргона́вты окружи́ли его́ и повели́ на кора́бль отдыха́ть.

ПОХИЩЕНИЕ ЗОЛОТОГО РУНА

Верну́вшись с Аре́сова по́ля домо́й, жи́тели Колхи́ды толкова́ли о стра́шной си́ле чужезе́мцев, приплы́вших на корабле́ «Арго́». В го́роде бы́ло неспоко́йно. Ве́чером во дворе́ц Эе́та пришли́ зна́тные ко́лхи и, заперши́сь с царём, ста́ли совеща́ться, как погуби́ть опа́сных госте́й.

Меде́я чу́вствовала, что царь зна́ет, что она́ помогла́ Язо́ну, и с у́жасом ждала́ отцо́вского гне́ва. Она́ зна́ла, как жесто́к и неумоли́м, как кова́рен сын Со́лнца, и му́чилась стра́хом за себя́ и за геро́я, кото́рого полюби́ла. В по́лночь она́ услы́шала за окно́м бряца́нье ору́жия и ре́чи собра́вшихся у дворца́ колхи́дских во́инов и узна́ла, что царь приказа́л под у́тро окружи́ть гре́ческий кора́бль и сжечь его́ со все́ми аргона́втами.

Тогда́ она́ реши́ла бежа́ть к Язо́ну. Взяв с собо́й усыпля́ющее зе́лье, боса́я, она́ ти́хо прокра́лась из дворца́ и та́йными тропи́нками, по кото́рым ходи́ла ноча́ми собира́ть волше́бные тра́вы, напра́вилась к реке́. Вы́йдя на бе́рег про́тив того́ ме́ста, где стоя́л «Арго́», она́ ста́ла звать мла́дшего сы́на свое́й сестры́, ночева́вшего у аргона́втов.

Язо́н узна́л го́лос Меде́и и откли́кнулся. Гребцы́, бы́вшие в тот час на вёслах, ста́ли грести́, кора́бль бы́стро пересе́к реку́. Язо́н с сыновья́ми Фри́кса бро́сились к Меде́е.

— Всё откры́лось! — сказа́ла она́.— Оте́ц не прости́т мне... Я должна́ бежа́ть с ва́ми... Спеши́те, ги́бель грози́т вам! Идём, Язо́н, я добу́ду тебе́ золото́е руно́, и скоре́е прочь отсю́да, и́ли мы все поги́бнем! Я спасу́ вас и себя́, но кляни́сь, Язо́н, что ты не поки́нешь меня́ никогда́, не оста́вишь меня́ одну́ в чужо́й стране́!

Язо́н взял её за́ руку и сказа́л:

— Кляну́сь, е́сли мне суждено́ живы́м верну́ться на ро́дину, ты бу́дешь мое́й жено́й и я никогда́ не оста́влю тебя́!

Меде́я веле́ла то́тчас плыть к ро́ще Аре́са, где храни́лось руно́. В ночно́й темноте́ тече́ние реки́ бы́стро и бесшу́мно донесло́ кора́бль до заве́тного ме́ста. Меде́я и Язо́н одни́ сошли́ с корабля́ и напра́вились в лес. Ночь была́ чёрная, и они́ шли, держа́сь за́ руки, что́бы не потеря́ться в темноте́. Вдруг пе́ред ни́ми загоре́лись два кра́сных огня́.

— Это драко́н,— шепну́ла Меде́я.

И сейча́с же они́ уви́дели лёгкое золоти́стое сия́ние — от руна́, висе́вшего на ду́бе.

Едва́ они́ подошли́ бли́же, драко́н све́сился с де́рева и зашипе́л, пла́мя вы́рвалось из его́ раскры́той па́сти. Но Меде́я, протяну́в к нему́ ру́ки, ти́хим го́лосом ста́ла усыпля́ть его́. Она́ призыва́ла на по́мощь бо́га сна Ги́пноса, кото́рый сильне́е всех на земле́, она́ заклина́ла все́ми та́йными си́лами: «Усни́! Усни́!» — и, подойдя́ совсе́м бли́зко, бры́знула в глаза́ драко́ну усыпля́ющим зе́льем. Пога́с оди́н глаз, пога́с друго́й, опусти́лись стра́шные ве́ки, с тре́ском захло́пнулась гро́зная пасть, ла́пы разжа́лись — драко́н свали́лся с ду́ба и, бесси́льный, лёг у ног Меде́и.

— Спеши́! — сказа́ла она́ Язо́ну.— Скоре́е снима́й руно́ с де́рева, пока́ он не просну́лся.

Меде́я, протяну́в к драко́ну ру́ки, ти́хим го́лосом ста́ла усыпля́ть его́.

Язо́н бы́стро снял с ду́ба золото́е руно́, наки́нул его́ на плёчи, как плащ, и они́ неме́дленно поки́нули ро́щу Аре́са.

Аргона́вты с корабля́ уви́дели золото́й свет руна́ на плеча́х Язо́на. Ра́достными кри́ками приве́тствовали они́ жела́нную добы́чу, из-за кото́рой оста́вили свои́ дома́ и отчи́зну и перенесли́ сто́лько опа́сностей и невзго́д. Но не́когда бы́ло весели́ться. На́до бы́ло к утру́ добра́ться до мо́ря и поки́нуть Колхи́ду.

Язо́н заверну́л драгоце́нное руно́ в свой плащ, устро́ил Меде́ю на корме́ корабля́, где не́ было ве́тра, и сам обруби́л мечо́м кана́т, держа́вший «Арго́» у бе́рега. Гребцы́-аргона́вты се́ли на вёсла; други́е со щита́ми и лу́ками в рука́х ста́ли вдоль бо́рта, гото́вые защища́ть кора́бль от пого́ни. «Арго́» стреми́тельно поплы́л вниз по тече́нию — к мо́рю. Ещё не взошло́ со́лнце, а аргона́вты бы́ли уже́ в откры́том мо́ре, далеко́ от берего́в Колхи́ды.

Утром пришли́ сказа́ть царю́, что чужезе́мцы похи́тили золото́е руно́ и бежа́ли, взяв с собо́й Меде́ю. Стра́шно разгне́вался Ээ́т и посла́л большо́й отря́д ко́лхов в пого́ню за аргона́втами. Царь веле́л объяви́ть во́инам, что всех их ждёт смерть, е́сли они́ не дого́нят беглецо́в и не верну́т руна́ и ца́рской до́чери. Сы́на своего́ Апси́рта Ээ́т назна́чил нача́льником отря́да.

Ко́лхи вы́вели свои́ суда́ в мо́ре и поплы́ли за «Арго́».

ВОЗВРАЩЕНИЕ «АРГО»

Золото́е руно́ бы́ло добы́то, и аргона́вты плы́ли обра́тно. Попу́тный ве́тер надува́л паруса́, морска́я даль была́ чиста́, ста́и дельфи́нов без-

забо́тно плеска́лись вокру́г «Арго́». Но неве́село бы́ло на корабле́. На корме́ залива́лась слеза́ми Меде́я, гля́дя в ту сто́рону, где оста́лись её дом и оте́ц. Озабо́ченно хму́рился Язо́н, и аргона́вты ни днём ни но́чью не расстава́лись с ору́жием, ожида́я пого́ни.

Они́ не захоте́ли возвраща́ться тем же путём, по кото́рому приплы́ли в Колхи́ду. Сын Фри́кса, поки́нувший вме́сте с ни́ми Колхи́ду, рассказа́л им, что слы́шал от колхи́дских корабе́льщиков, бу́дто по ту сто́рону мо́ря, про́тив Колхи́ды, есть больша́я полново́дная река́ Истр. Она́ берёт своё нача́ло далеко́ на се́вере, в стране́ холо́дного ве́тра, протека́ет че́рез мно́гие зе́мли и стра́ны и встреча́ется с друго́й реко́й, кото́рая течёт пря́мо в то мо́ре, что омыва́ет берега́ Гре́ции.

— Путь по реке́ коро́че и ле́гче, чем возвраще́ние опя́ть че́рез три мо́ря,— реши́ли аргона́вты и поплы́ли вдоль берего́в Ски́фии к у́стью Истра.

Но у са́мого Истра они́ наткну́лись на флот ко́лхов, по́сланный Эе́том за ни́ми в пого́ню и опереди́вший их. Что бы́ло де́лать? «Арго́» оди́н про́тив мно́гих корабле́й, ку́чка геро́ев про́тив це́лого во́йска!

Тогда́ Язо́н пусти́лся на хи́трость. Он вступи́л с нача́льником ко́лхов Апси́ртом в перегово́ры: он говори́л, что золото́е руно́ должно́ оста́ться у аргона́втов — ведь он вы́полнил всё, что потре́бовал от него́ царь Колхи́ды. Но Меде́ю Язо́н обеща́л вы́дать ко́лхам и звал Апси́рта прийти́ за сестро́й на пусты́нный о́стров, в храм боги́ни Артеми́ды. Язо́н хоте́л замани́ть и взять в плен Апси́рта, что́бы лиши́ть ко́лхов их команди́ра. Апси́рт был мо́лод и дове́рчив. Он пове́рил Язо́ну и но́чью оди́н яви́лся в храм на о́строве, что́бы

уговори́ть сестру́ взять у аргона́втов руно́ и верну́ться домо́й. Но Меде́я дала́ Язо́ну меч и веле́ла уби́ть Апси́рта. Те́ло бра́та она́ бро́сила в мо́ре. В во́йске ко́лхов начало́сь смяте́ние, и, пока́ ко́лхи иска́ли в мо́ре оста́нки своего́ предводи́теля, «Арго́» ускользну́л от враго́в и уплы́л далеко́ вверх по Истру.

Аргона́вты благополу́чно проплы́ли Истр до того́ ме́ста, где он слива́лся с друго́й реко́й, и по э́той друго́й реке́ вы́шли в мо́ре. Мо́ре встре́тило их стра́шной бу́рей. Сло́вно разгне́ванные бо́ги спусти́ли с цепе́й все ве́тры, и они́ сорва́ли прочь па́рус, согну́ли ма́чту и носи́ли «Арго́» по́ морю, перебра́сываясь кораблём, как де́ти игру́шкой. В отча́янии бро́сили аргона́вты вёсла и жда́ли, когда́ возьмёт их разъярённое мо́ре.

Но вдруг разда́лся го́лос с кормы́ — он шёл от куска́ свяще́нного додо́нского ду́ба, вде́ланного в корму́ «Арго́». Он говори́л:

— Бо́ги разгне́вались на Язо́на и Меде́ю за уби́йство Апси́рта. Плыви́те на о́стров Эа. Там живёт сестра́ Э́эта, волше́бница Ки́рка. Проси́те её, пусть она́ прости́т Меде́ю. Тогда́ вы смо́жете верну́ться домо́й.

Бу́ря сти́хла. Аргона́вты отпра́вились иска́ть волше́бный о́стров. До́лго блужда́ли они́ по́ морю, пока́ нашли́ его́. Волше́бница Ки́рка вы́шла к ним навстре́чу на бе́рег, окружённая ста́дом свине́й — всё э́то бы́ли лю́ди, попа́вшие на о́стров и превращённые е́ю в живо́тных. Ки́рка то́тчас узна́ла Меде́ю по глаза́м: у всех дете́й Со́лнца в глаза́х был осо́бенный свет.

Меде́я так моли́ла тётку прости́ть её и говори́ла о свое́й любви́ к Язо́ну, что Ки́рка прости́ла её и отпусти́ла аргона́втов с ми́ром.

Но мно́го ещё вся́ких бед пришло́сь претер-

пе́ть аргона́втам, пока́ они́ добрали́сь до родно́го кра́я.

В откры́том мо́ре кораблём игра́ли ве́тер и во́лны, но са́мые стра́шные опа́сности подстерега́ли моряко́в в у́зких проли́вах.

Им пришло́сь проходи́ть ме́жду двумя́ острова́ми, на одно́м из кото́рых была́ огнеды́шащая гора́. Два свире́пых и жа́дных чудо́вища стерегли́ э́тот прохо́д — Хари́бда и Сци́лла.

Хари́бда жила́ в морско́й глубине́. Вода́ кипе́ла и кружи́лась над ней, и сто́ило живо́му существу́ прибли́зиться, как из воды́ высо́вывалась жа́дная пасть и глота́ла це́лые корабли́ с паруса́ми и ма́чтами.

На вы́стрел из лу́ка от Хари́бды возвыша́лась остроконе́чная скала́, гла́дко обто́ченная мо́рем. В ней была́ пеще́ра. В э́той пеще́ре пря́талась шестиголо́вая, двенадцатила́пая Сци́лла. Как то́лько дельфи́н, и́ли ры́ба, и́ли су́дно с пловца́ми подплыва́ли к скале́, Сци́лла высо́вывала из пеще́ры своё стра́шное ту́ловище, и все двена́дцать лап бы́стро ша́рили вокру́г, выла́вливали всё живо́е и отправля́ли в жа́дные па́сти с тремя́ ряда́ми о́стрых зубо́в.

Аргона́втам на́до бы́ло проплы́ть ме́жду Сци́ллой и Хари́бдой, и они́, коне́чно, поги́бли бы, потому́ что ни сме́лость, ни му́жество, ни геро́йская си́ла не могли́ им помо́чь про́тив э́тих чудо́вищ. Но вновь появи́лась их покрови́тельница Ге́ра, бро́сила ме́жду Хари́бдой и Сци́ллой свой золото́й волосо́к, и по э́той доро́жке, не уклоня́ясь ни впра́во, ни вле́во, «Арго́» минова́л опа́сность.

Одна́жды морско́й ве́тер принёс издалека́ за́пах цвето́в, и аргона́вты уви́дели в мо́ре цвету́щий о́стров Сире́н. Чуде́сные пти́цы с же́н-

скими голова́ми сиде́ли на камня́х, торча́вших из воды́ о́коло бе́рега, и пе́ли челове́ческим го́лосом. Они́ зва́ли уста́лых моряко́в отдохну́ть на цвету́щих луга́х, обеща́ли поко́й и наслажде́ние, мани́ли ла́сковыми слова́ми.

Мо́ре вокру́г о́строва каза́лось то́же ла́сковым и ти́хим. Но весь о́стров был окружён ме́лями и подво́дными ска́лами. Сире́ны пе́ли так сла́дко и така́я волше́бная си́ла была́ в их пе́снях, что корабе́льщики, забы́в всё на све́те, направля́ли свои́ суда́ к о́строву, разбива́лись о подво́дные ка́мни и ги́бли в волна́х.

Очути́вшись у о́строва Сире́н, аргона́вты то́же заслу́шались чуде́сного пе́ния и хоте́ли грести́ к бе́регу. Са́мый ю́ный из гребцо́в, очаро́ванный сире́нами, бро́сился в мо́ре и поги́б на камня́х. Тогда́ Орфе́й взял свою́ кифа́ру и запе́л си́льным го́лосом, заглуша́я сире́н. Он пел об отва́жных моряка́х, пересека́ющих простра́нства море́й и презира́ющих лень и не́гу, о родно́й земле́, кото́рая их ожида́ет. Слу́шая Орфе́я, опо́мнились аргона́вты и бы́стро минова́ли опа́сный о́стров.

Около о́строва Схе́рии, где аргона́вты останови́лись запасти́сь водо́й и едо́й, их кора́бль опя́ть окружи́ли суда́ ко́лхов, кото́рые в по́исках аргона́втов блужда́ли по́ морю. Аргона́вты проси́ли защи́ты у царя́ о́строва. Хи́трый царь рассуди́л так: аргона́вты должны́ вы́дать ко́лхам их царе́вну Медею, но они́ не обя́заны отдава́ть им жену́ Язо́на. Меде́я ста́ла жено́й Язо́на, и ко́лхам пришло́сь отступи́ться. Но они́ побоя́лись верну́ться в Колхи́ду и посели́лись на гре́ческих острова́х.

Отпра́здновав сва́дьбу Язо́на и Меде́и, аргона́вты поплы́ли да́льше. До́лгое вре́мя пла́вание их бы́ло споко́йно. Они́ приближа́лись уже́ к бе-

ре́гам Гре́ции, как вдруг разрази́лась ужа́сная бу́ря. Де́вять дней и де́вять ноче́й урага́н носи́л их кора́бль по́ морю и наконе́ц вы́бросил его́ на далёкий пусты́нный бе́рег. Глубоко́ вре́зался «Арго́» в прибре́жный песо́к и стал неподви́жно. Аргона́вты сошли́ на зе́млю и осмотре́лись. Пе́ред ни́ми лежа́ла пусты́ня. Ни реки́, ни дере́вьев, ни людско́го жилья́ — то́лько песо́к и не́бо. Аргона́вты попыта́лись сдви́нуть кора́бль в мо́ре, что́бы поки́нуть пусты́ню, но не могли́.

«Что же нам де́лать? — говори́ли они́.— Куда́ занесла́ нас бу́ря? Мы пропадём здесь и никогда́ не уви́дим родно́го кра́я... Лу́чше бы́ло нам разби́ться о подво́дные ка́мни и́ли поги́бнуть в нера́вном бою́, чем в пусты́не умере́ть от го́лода!»

Они́ разошли́сь по бе́регу и броди́ли в песка́х до темноты́. Когда́ наступи́л ве́чер, все собрали́сь к кораблю́, прости́лись друг с дру́гом и легли́ на песо́к, заверну́вшись с голово́й в плащи́. Они́ лежа́ли так до утра́. Вдруг Язо́н почу́вствовал, что кто́-то снима́ет плащ с его́ лица́. Он приподня́лся и уви́дел пе́ред собо́й трёх нимф пусты́ни. Ни́мфы сказа́ли ему́: «Не отча́ивайся! Судьба́ занесла́ вас в Ливи́йскую пусты́ню, но и отсю́да есть путь для си́льных и сме́лых. Когда́ цари́ца мо́ря Амфитри́та вы́пряжет коне́й из свое́й колесни́цы, сде́лайте с ва́шим кораблём то, что до сих пор де́лал он с ва́ми, и вы бу́дете спасены́».

Язо́н разбуди́л свои́х това́рищей и пе́редал им, что ему́ сказа́ли ни́мфы. Аргона́вты ста́ли ду́мать, что э́то зна́чит: «Когда́ Амфитри́та вы́пряжет коне́й» и что на́до сде́лать им с «Арго́». Вдруг к бе́регу прихлы́нули с шу́мом во́лны, из мо́ря вы́бежал бе́лый конь и понёсся че́рез пусты́ню. Начина́лся прили́в. Тогда́ догада́лись

аргона́вты, что в час прили́ва ну́жно сдви́нуть «Арго́» с ме́ли, взять его́ на пле́чи и нести́ че́рез пусты́ню, как он носи́л их по моря́м.

Двена́дцать дней под паля́щим со́лнцем, увяза́я в песке́, они́ несли́ на плеча́х «Арго́» и наконе́ц пришли́ на бе́рег большо́го о́зера. Сно́ва кора́бль их был спу́щен на́ воду. Но они́ не могли́ найти́ вы́ход из о́зера, пока́ хозя́ин его́, бог Трито́н, схвати́в руко́й за борт «Арго́», не вы́вел его́ прото́ком ме́жду бе́лых скал в широ́кое мо́ре.

До́лго опя́ть плы́ли аргона́вты в пусты́нном мо́ре и добрали́сь до гори́стого о́строва, тако́го обши́рного, что мно́го городо́в могло́ на нём умести́ться. Это была́ ро́дина Зе́вса — Крит. Там ца́рствовал Ми́нос, кото́рому Зевс подари́л для охра́ны о́строва ме́дного велика́на. Весь покры́т был ме́дью велика́н, и лишь на пя́тке у него́ бы́ло отве́рстие, за́ткнутое ме́дным гвоздём. Три ра́за в день ме́дный велика́н обходи́л дозо́ром вокру́г о́строва.

Когда́ аргона́вты подошли́ к Кри́ту, велика́н не пусти́л их на бе́рег и стал броса́ть в них тяжёлые ка́мни. Но Меде́я свое́й волше́бной си́лой наве́яла на велика́на дремо́ту, глаза́ его́ закры́лись. Он споткну́лся об о́стрый ка́мень и упа́л. Гвоздь вы́пал у него́ из пя́тки, и кровь хлы́нула из отве́рстия. Вме́сте с кро́вью велика́н потеря́л свою́ живу́ю си́лу и преврати́лся в большу́ю ме́дную ста́тую.

Аргона́вты прича́лили к бе́регу и переночева́ли на Кри́те, а у́тром отпра́вились да́льше.

И ещё раз они́ попа́ли в бу́рю. Но э́то бы́ло уже́ после́днее испыта́ние, и бо́ги храни́ли их.

Сам Аполло́н из золото́го лу́ка посыла́л в мо́ре светя́щиеся стре́лы и указа́л аргона́втам острово́к, во́зле кото́рого они́ могли́ укры́ться.

Двена́дцать дней под паля́щим со́лнцем, увяза́я в песке́, они́ несли́ на плеча́х «Арго́».

Потóм вéтер стих, нéбо расчи́стилось, мóре успокóилось и вдали́ показáлся грéческий бéрег.

Плáвание аргонáвтов подходи́ло к концý.

«Аргó» возвращáлся домóй.

СМЕРТЬ ЯЗОНА

Кóнчились пиры́ и прáзднества в честь аргонáвтов, благополýчно вернýвшихся пóсле далёкого и дóлгого плáвания. Чудéсный корáбль «Аргó» отслужи́л свою́ слýжбу — парусá егó бы́ли истрёпаны бýрями, смы́лась позолóта на носý, и вóлны мнóгих морéй источи́ли егó деревя́нный кóрпус. Аргонáвты вы́тянули из воды́ обóдранный óстов «Аргó» и постáвили на берегý на пáмять лю́дям.

Потóм отвáжные герóи разошли́сь по рáзным городáм и заняли́сь кáждый свои́ми делáми.

Золотóе рунó лежáло во дворцé иóлкского царя́. Но Язóну онó не принеслó счáстья.

Стáрый Пéлий не обрáдовался возвращéнию Язóна и не óтдал емý цáрской влáсти. «Пусть решáет нарóд, пусть сам нарóд скáжет, когó он хóчет ви́деть царём в Иóлке»,— говори́л он Язóну. А нарóду Пéлий говори́л: «Хоти́те, чтóбы вáшей цари́цей былá чужезéмка, волшéбница к томý же? Онá околдýет вас, как околдовáла Язóна».

Лю́ди с опáской глядéли на Медéю и обходи́ли жили́ще Язóна. Скóро совсéм не остáлось у негó друзéй в Иóлке. Медéя ви́дела э́то, ей бы́ло гóрько и оби́дно, и онá реши́ла отомсти́ть Пéлию и добы́ть цáрство Язóну.

Онá рассказáла иóлкским жéнщинам, что бóги дáли ей си́лу возвращáть мóлодость ста-

рика́м, и, что́бы ей пове́рили, заре́зала ста́рого бара́на и вновь оживи́ла его́, преврати́в в ягнёнка.

Тогда́ до́чери Пе́лия ста́ли проси́ть волше́бницу сде́лать молоды́м их ста́рого отца́. Они́ уби́ли царя́, но оживля́ть его́ Меде́я не ста́ла.

Смерть Пе́лия не помогла́ Язо́ну. Царём в Ио́лке стал сын Пе́лия — Ака́ст. Он вы́гнал Язо́на с Меде́ей из го́рода и не позво́лил им жить в Фесса́лии. Пешко́м, как после́дний ни́щий, опозо́ренный, вы́гнанный вон из родно́го кра́я, ушёл Язо́н из Ио́лка иска́ть приста́нища в сосе́дней земле́.

В э́то вре́мя в Кори́нфе ца́рствовал ста́рый друг его́ отца́, Крео́нт. Он при́нял изгна́нников в па́мять стари́нной дру́жбы.

Они́ посели́лись в бе́дном до́ме, на краю́ го́рода, жи́ли ти́хо не́сколько лет, и Меде́я родила́ Язо́ну двух сынове́й.

Но сча́стья не́ было в их до́ме. Лю́ди не люби́ли и боя́лись Меде́и, волше́бницы и чужезе́мки. Же́нщины не приходи́ли к ней в дом поболта́ть за пря́лкой о городски́х новостя́х, о свои́х дома́шних дела́х; их де́ти не хоте́ли игра́ть с ма́ленькими сыновья́ми Меде́и, дразни́ли их и би́ли.

Меде́я гне́валась и тоскова́ла и жа́ловалась Язо́ну, но ему́ досажда́ли э́ти жа́лобы. Он ча́сто уходи́л и́з дому и отправля́лся в го́сти к Крео́нту, кото́рый всегда́ ла́сково принима́л сы́на своего́ дру́га, но никогда́ не приглаша́л Меде́ю.

У Крео́нта была́ дочь-краса́вица. Она́ всегда́ ра́достно встреча́ла Язо́на, когда́ он приходи́л во дворе́ц, сама́ налива́ла ему́ вина́ и слу́шала по це́лым часа́м его́ расска́зы об аргона́втах и их пла́вании по чужи́м моря́м на корабле́ «Арго́».

Одна́жды царь сказа́л Язо́ну:

— У меня́ нет сы́на, и насле́дником мои́м бу́дет тот, кто же́нится на мое́й до́чери. Жени́сь на ней — и бу́дешь царём в Кори́нфе.

Смущённый Язо́н отве́тил, что у него́ уже́ есть жена́ — Меде́я.

Но царь засмея́лся и сказа́л:

— По на́шим зако́нам, э́то не жена́, а рабы́ня, пле́нница-ва́рварка. Оста́вь её, и ты бу́дешь жить во дворце́, в дово́льстве и в почёте. Никто́ не бу́дет напомина́ть тебе́ о про́шлом.

И Язо́н измени́л Меде́е. Он забы́л свою́ кля́тву в ночно́й стра́шный час на берегу́ Фа́зиса, когда́ ги́бель грози́ла ему́ и всем аргона́втам и де́вушка-ва́рварка спасла́ их. Но он не посме́л сказа́ть Меде́е пра́вду: вы́думал, что царь взял его́ к себе́ на слу́жбу и потому́ он до́лжен пересели́ться во дворе́ц.

Меде́я по-пре́жнему люби́ла Язо́на и ничего́ не подозрева́ла, пока́ не пришли́ сказа́ть ей, что он же́нится на ца́рской до́чери и уже́ назна́чен день сва́дьбы. Меде́я была́ оскорблена́, разгне́вана.

«Язо́н забы́л свою́ кля́тву, забы́л, что я спасла́ ему́ жизнь и честь, что из-за него́ я поки́нула родно́й край, нару́шила во́лю отца́! Он хо́чет оста́вить меня́ с детьми́ одну́ среди́ чужи́х люде́й, без по́мощи, без опо́ры!»

В гне́ве и тоске́ она́ не находи́ла себе́ ме́ста, не зна́ла, что де́лать. Вдруг пришёл слуга́ от царя́ с приказа́нием, что́бы она́ неме́дленно уходи́ла из Кори́нфа — её выгоня́ли.

Тогда́ она́ очну́лась:

— Всё ко́нчено! Проща́й любо́вь и ми́рное сча́стье! Приди́ мне на по́мощь, Гека́та! Помоги́ отомсти́ть!

Меде́я притвори́лась поко́рной и ти́хой. Она́ попроси́ла на день отсро́чки, помири́лась с Язо́ном и в знак по́лной поко́рности посла́ла его́ неве́сте чуде́сный пода́рок — великоле́пное венча́льное покрыва́ло и золоту́ю коро́ну, кото́рую бог Со́лнца подари́л когда́-то царю́ Колхи́ды.

Краса́вица неве́ста обра́довалась пода́рку, то́тчас же наде́ла на го́лову коро́ну и заку́талась в покрыва́ло. Вдруг тя́жко ей ста́ло: золота́я коро́на дави́ла, жгла ей го́лову, волше́бное покрыва́ло души́ло её.

Она́ хоте́ла сбро́сить с себя́ наря́д, но оде́жда мгнове́нно вспы́хнула на ней, и ого́нь охвати́л её всю. Она́ закрича́ла.

Оте́ц прибежа́л ей на по́мощь, стал срыва́ть с неё горя́щую оде́жду — ого́нь переки́нулся на него́, и о́ба, охва́ченные пла́менем, как живы́е костры́, мета́лись по дворцу́, и никто́ не мог им помо́чь.

С у́жасом уви́дел Язо́н их обу́глившиеся тру́пы. Се́рдце его́ сжа́лось — стра́шно ему́ ста́ло и сты́дно. Он побежа́л наза́д в свой дом, хоте́л обня́ть сынове́й. По́здно! Меде́я в я́рости уби́ла свои́х дете́й, и крыла́тые драко́ны унесли́ её из Кори́нфа.

Язо́н оста́лся оди́н на све́те. Никто́ не хоте́л жить с ним, никто́ не слу́шал бо́льше его́ расска́зов. Он ходи́л из го́рода в го́род и нигде́ не мог найти́ себе́ ни де́ла, ни поко́я.

Одна́жды он пришёл на бе́рег мо́ря. Пе́ред ним на песке́, полуразвали́вшийся, обо́дранный, стоя́л на подпо́рках кора́бль. Язо́н узна́л его́: э́то был «Арго́», тако́й же одино́кий и все́ми забы́тый, как он сам. Язо́н обошёл его́, осмотре́л и, уста́лый, лёг в тени́ корабля́, под кормо́й. Он

лежа́л и вспомина́л счастли́вые дни похо́да, отва́жных това́рищей, далёкие чужи́е зе́мли, и в пе́рвый раз за мно́го дней у него́ бы́ло легко́ и поко́йно на душе́.

Пото́м он усну́л.

Пока́ он спал, налете́л ве́тер, и ста́рый «Арго́» обру́шился и похорони́л под собо́й предводи́теля аргона́втов.

ПЕРСЕЙ

В Аргосе жил царь, кото́рому предсказа́ли, что он бу́дет уби́т свои́м вну́ком.

У царя́ была́ дочь Дана́я, така́я краса́вица, что молва́ о ней шла по всей Гре́ции.

Царь испуга́лся, что Дана́я роди́т сы́на, кото́рый убьёт его́, и реши́л никогда́ не выдава́ть её за́муж. Он веле́л постро́ить подзе́мный дом из твёрдого ка́мня, с ме́дными дверя́ми, с кре́пкими затво́рами — и за́пер там дочь, что́бы никто́ из мужчи́н не мог уви́деть её.

Но Громове́ржец Зевс мо́лнией проби́л ка́мень, золоты́м дождём проли́лся в подземе́лье, где была́ спря́тана Дана́я, и она́ ста́ла его́ жено́й.

У Дана́и роди́лся сын, она́ назвала́ его́ Персе́ем.

Одна́жды оте́ц Дана́и, проходя́ над тайнико́м, услы́шал де́тский крик. Царь удиви́лся, о́тпер вход в подземе́лье, спусти́лся в жили́ще Дана́и и уви́дел на рука́х у до́чери преле́стного ма́льчика.

Страх напа́л на царя́. Он стал ду́мать, как ему́ избежа́ть стра́шного предназначе́ния. Наконе́ц он приказа́л посади́ть Дана́ю с сы́ном в большо́й я́щик и та́йно бро́сить в мо́ре.

Ве́тер до́лго носи́л я́щик по́ морю и пригна́л к о́строву Сери́фу. На берегу́ рыба́к лови́л ры́бу.

Он заки́нул сеть в мо́ре и пойма́л вме́сто ры́бы большо́й я́щик. Бе́дный рыба́к захоте́л поскоре́е узна́ть, что за уло́в посла́ло ему́ мо́ре, вы́тянул нахо́дку на бе́рег, сорва́л с я́щика кры́шку — и отту́да вы́шла краса́вица и с не́ю ма́льчик. Узна́в, кто они́ и что с ни́ми случи́лось, рыба́к пожале́л их и взял к себе́ в дом. Персе́й рос не по дням, а по часа́м, вы́рос высо́ким стро́йным ю́ношей, и никто́ в Сери́фе не мог с ним сравня́ться в красоте́, ло́вкости и си́ле.

Услы́шал о нём царь о́строва Сери́фа Полиде́кт и веле́л Персе́ю с ма́терью яви́ться во дворе́ц. Красота́ Дана́и плени́ла Полиде́кта, он при́нял ла́сково цари́цу с сы́ном и посели́л у себя́ во дворце́.

Одна́жды Персе́й заста́л мать в слеза́х; она́ призна́лась ему́, что Полиде́кт принужда́ет её вы́йти за него́ за́муж, и проси́ла у сы́на защи́ты. Персе́й горячо́ вступи́лся за мать.

Тогда́ Полиде́кт реши́л изба́виться от Персе́я, позва́л его́ и сказа́л:

— Ты уже́ вы́рос и возмужа́л и стал так силён, что мо́жешь тепе́рь отплати́ть мне за то, что я дал прию́т тебе́ с ма́терью. Отправля́йся в путь и принеси́ мне го́лову Меду́зы.

Персе́й прости́лся с ма́терью и отпра́вился по све́ту — иска́ть Меду́зу, о кото́рой ничего́ не знал до тех пор.

Во сне к нему́ яви́лась боги́ня му́дрости Афи́на и откры́ла ему́, что Меду́за — одна́ из трёх сестёр Горго́н, они́ живу́т на краю́ земли́, в Стране́ Но́чи, все они́ — стра́шные чудо́вища, но страшне́е всех Меду́за: вме́сто воло́с на голове́ у неё вью́тся ядови́тые зме́и, глаза́ горя́т нестерпи́мым огнём и полны́ тако́й зло́бы, что вся́кий, кто взгля́нет в них, то́тчас обрати́тся в ка́мень.

Афи́на дала́ Персе́ю свой щит, гла́дкий и блестя́щий, как зе́ркало, что́бы он мог закры́ться от стра́шных глаз Меду́зы.

Пото́м на доро́ге догна́л его́ быстроно́гий Герме́с, посла́нец Зе́вса: он рассказа́л Персе́ю, как ему́ идти́, и подари́л свой меч, тако́й о́стрый, что им мо́жно бы́ло ре́зать, как воск, железо и ка́мень.

До́лго шёл Персе́й в ту сто́рону, куда́ ухо́дит Со́лнце, наконе́ц добра́лся до Страны́ Но́чи. Вход в э́ту страну́ сторожи́ли три дре́вние стару́хи — Гра́йи. Они́ бы́ли так стары́, что на всех трёх у них был оди́н то́лько глаз и оди́н зуб. И всё-таки они́ хорошо́ охраня́ли вход в Страну́ Но́чи и никого́ не пропуска́ли туда́. По о́череди смотре́ли они́ еди́нственным гла́зом, передава́я его́ друг дру́гу.

Персе́й потихо́ньку подкра́лся к Гра́йям, дожда́лся, когда́ одна́ из них вы́нула глаз, что́бы переда́ть его́ сестре́, протяну́л ру́ку и вы́хватил у стару́хи драгоце́нное о́ко. И сра́зу ста́ли Гра́йи бесси́льными слепы́ми стару́хами. Жа́лобно проси́ли они́ Персе́я верну́ть им их еди́нственный глаз.

— Впусти́те меня́ в Страну́ Но́чи, скажи́те мне, как найти́ Меду́зу, и я отда́м вам ваш глаз,— отвеча́л стару́хам Персе́й.

Но ста́рые Гра́йи не хоте́ли пусти́ть Персе́я, не хоте́ли сказа́ть ему́, где найти́ Меду́зу,— ведь Горго́ны бы́ли им родны́е сёстры. Тогда́ Персе́й пригрози́л стару́хам, что разобьёт их глаз о ка́мень,— и Гра́йям пришло́сь указа́ть ему́ доро́гу.

Персе́й о́тдал Гра́йям их глаз и пошёл да́льше на за́пад.

По доро́ге встре́тились ему́ три до́брые ни́м-

фы. Одна́ подари́ла Персе́ю шлем Аи́да, власти́теля подзе́много ца́рства,— кто надева́л э́тот шлем, станови́лся невиди́мкой; друга́я дала́ Персе́ю крыла́тые санда́лии, надёв кото́рые мо́жно бы́ло лета́ть над землёй, как пти́ца; тре́тья ни́мфа вручи́ла ю́ноше су́мку, кото́рая могла́ сжима́ться и расширя́ться по жела́нию того́, кто носи́л её.

Персе́й пове́сил на плечо́ су́мку, обу́л крыла́тые санда́лии, наде́л на го́лову шлем — и, не ви́димый никому́, подня́лся высоко́ в не́бо и полете́л над землёй. Ско́ро он добра́лся до кра́я земли́ и до́лго лете́л над пусты́нной гла́дью мо́ря, пока́ внизу́ не зачерне́л одино́кий скали́стый о́стров. Персе́й стал кружи́ть над о́стровом и уви́дел на скале́ спя́щих Горго́н. У них бы́ли золоты́е кры́лья, чешу́йчатые желе́зные тела́ и ме́дные ру́ки с о́стрыми когтя́ми.

Персе́й уви́дел Меду́зу — она́ была́ всех бли́же к мо́рю. Он опусти́лся на скалу́ ря́дом с ней. Зме́и на голове́ Меду́зы зашипе́ли, почу́яв врага́. Меду́за просну́лась, откры́ла глаза́. Персе́й отверну́лся, что́бы не взгляну́ть в э́ти стра́шные глаза́ и не преврати́ться наве́к в мёртвый ка́мень. Он по́днял щит Афи́ны, блестя́щий, как зе́ркало, навёл его́ на Меду́зу и, гля́дя в него́, вы́нул меч Герме́са и сра́зу отсе́к ей го́лову.

Тут просну́лись две други́е Горго́ны, распра́вили кры́лья и ста́ли носи́ться над о́стровом, ища́ врага́. Но Персе́й был неви́дим. Бы́стро засу́нул он го́лову Меду́зы в свою́ волше́бную су́мку, столкну́л те́ло Горго́ны в мо́ре и улете́л прочь. Спеша́ в обра́тный путь, он бы́стро пересе́к мо́ре и полете́л над Ливи́йской пусты́ней. Кровь из головы́ Меду́зы ка́пала из су́мки на

зе́млю, и ка́ждая ка́пля превраща́лась на песке́ в ядови́тую змею́.

До́лго лете́л Персе́й, уста́л и захоте́л отдохну́ть. Уви́дел внизу́ зелёные луга́ со стада́ми ове́ц, коро́в и быко́в, уви́дел огро́мный тени́стый сад, посреди́ кото́рого стоя́ло де́рево с золоты́ми ли́стьями и плода́ми,— и опусти́лся к э́тому де́реву. Хозя́ин са́да, велика́н Атла́нт, встре́тил Персе́я нела́сково. Ему́ бы́ло предска́зано, что одна́жды к нему́ придёт сын Зе́вса и похи́тит золоты́е я́блоки с его́ люби́мого де́рева.

Персе́й не знал э́того предсказа́ния и сказа́л велика́ну:

— Я — Персе́й, сын Зе́вса и Дана́и. Я уби́л

гро́зную Меду́зу. Дай мне отдохну́ть в твоём саду́.

Услы́шав, что пе́ред ним сын Зе́вса, Атла́нт рассвирепе́л.

— Похити́тель! Ты хо́чешь похи́тить мои́ золоты́е я́блоки? — закрича́л он и стал гнать Персе́я из са́да.

Оскорблённый Персе́й вы́хватил из су́мки го́лову Меду́зы и показа́л её велика́ну.

Мгнове́нно окамене́л Атла́нт, преврати́лся в ка́менную го́ру. Голова́ его́ ста́ла скали́стой верши́ной, борода́ и во́лосы — густы́м ле́сом на верши́не, пле́чи — круты́ми утёсами, ру́ки и но́ги — камени́стыми усту́пами. На верши́ну э́той ка́менной горы́, на круты́е утёсы лёг небе́сный свод со все́ми бесчи́сленными звёздами. С тех пор стои́т там Атла́нт на краю́ земли́ и де́ржит на свои́х плеча́х не́бо.

А Персе́й лете́л да́льше.

Он пролете́л над Эфио́пией и вдруг на скале́ над мо́рем уви́дел де́вушку тако́й красоты́, что при́нял её снача́ла за чуде́сное извая́ние. Но, спусти́вшись ни́же, он по́нял, что она́ жива́я, то́лько ру́ки её бы́ли прико́ваны к скале́. Прибли́зившись к ней, он спроси́л:

— Кто ты и за что прикова́ли тебя́ здесь?

Де́вушка сказа́ла, что она́ дочь эфио́пского царя́ — Андроме́да и обречена́ на съеде́ние морско́му чудо́вищу. Её мать, цари́ца Кассиопе́я, похвали́лась одна́жды, что она́ краси́вей всех морски́х нимф,— за э́то бог море́й Посейдо́н посла́л в их край чудо́вищную ры́бу, кото́рая пожира́ла рыбако́в в мо́ре, и пловцо́в, и корабе́льщиков, топи́ла корабли́ и опустоша́ла берега́ их ца́рства. Наро́д пришёл в смяте́ние и потре́бовал, что́бы Кассиопе́я уми́лостивила Посейдо́-

на, отда́в в же́ртву чудо́вищу свою́ дочь Андроме́ду.

Андроме́ду прикова́ли к скале́ на берегу́ мо́ря и оста́вили одну́. Беле́е морско́й пе́ны стоя́ла де́вушка у скалы́ и со стра́хом гляде́ла на мо́ре. Вот под водо́й, в морско́й глубине́, показа́лась грома́дная голова́, блесну́л чешу́йчатый хвост. Андроме́да в у́жасе закрича́ла. На зов её прибежа́ли оте́ц и мать и ста́ли пла́кать с ней.

Персе́й сказа́л им:

— Отда́йте мне в жёны Андроме́ду, и я спасу́ её.

Царь и цари́ца пообеща́ли Персе́ю отда́ть ему́ свою́ дочь в жёны, а в прида́ное ей — всё своё ца́рство, е́сли он спасёт Андроме́ду.

Меж тем огро́мная ры́ба всплыла́ на пове́рхность мо́ря и приближа́лась к бе́регу, с шу́мом рассека́я во́лны.

Персе́й на свои́х крыла́тых санда́лиях подня́лся в во́здух и полете́л навстре́чу чудо́вищу. Тень геро́я легла́ на́ воду пе́ред жа́дной па́стью ры́бы. Чудо́вище бро́силось на э́ту тень.

Тогда́ Персе́й, как хи́щная пти́ца, упа́л с высоты́ на чудо́вище и нанёс ему́ уда́р мечо́м. Ра́неная ры́ба в я́рости ста́ла мета́ться из стороны́ в сто́рону, то ныря́я вглубь, то сно́ва всплыва́я. Кровь её окра́сила морску́ю во́ду, бры́зги высоко́ взлета́ли вверх. Кры́лышки на санда́лиях Персе́я намо́кли, и он уже́ не мог держа́ться в во́здухе. Но в э́тот миг он уви́дел ка́мень, торча́вший из воды́, встал на него́ ного́й и изо всех сил уда́рил мечо́м по голове́ чудо́вища. В после́дний раз плесну́л исполи́нский хвост, и чудо́вищная ры́ба ушла́ на дно.

Царь и цари́ца и весь наро́д Эфио́пии ра́достно приве́тствовали геро́я. Ца́рский дворе́ц

Персе́й, как хи́щная пти́ца, упа́л с высоты́ на чудо́вище и нанёс ему́ уда́р мечо́м.

укра́сили цвета́ми и зе́ленью, всю́ду зажгли́ свети́льники, наряди́ли неве́сту, собрали́сь певцы́ и флейти́сты, напо́лнили ча́ши вино́м, и начался́ сва́дебный пир.

На пиру́ Персе́й расска́зывал Андроме́де и её роди́телям про свои́ стра́нствия. Вдруг разда́лся шум у вхо́да во дворе́ц, стук мече́й и вои́нственные кри́ки. Это с толпо́й во́инов ворва́лся во дворе́ц пре́жний жени́х Андроме́ды, Фине́й. В рука́х он держа́л копьё и це́лился пря́мо в се́рдце Персе́я.

— Береги́сь, похити́тель!

И во́ины уже́ гото́вы бы́ли порази́ть ко́пьями пиру́ющих.

Оте́ц Андроме́ды пыта́лся останови́ть Фине́я:

— Не похити́тель Персе́й, а спаси́тель! Он спас Андроме́ду от чудо́вища. Если ты люби́л её, почему́ не пришёл ты на бе́рег мо́ря, когда́ чудо́вище яви́лось пожра́ть её? Ты поки́нул её, когда́ она́ ждала́ ги́бели,— почему́ тепе́рь прихо́дишь тре́бовать её себе́?

Ничего́ не отве́тил Фине́й царю́ и метну́л копьё в Персе́я, но промахну́лся,— оно́ вонзи́лось в край ло́жа, где сиде́л Персе́й. Персе́й схвати́л вра́жеское копьё и метну́л обра́тно — в лицо́ Фине́я. Фине́й успе́л нагну́ться, копьё полете́ло ми́мо него́ и ра́нило Фине́ева дру́га. Это бы́ло сигна́лом к би́тве. Начала́сь жесто́кая, крова́вая схва́тка. В стра́хе убежа́ли прочь царь и цари́ца, уводя́ с собо́й Андроме́ду. Прислоня́сь спино́й к коло́нне, с щито́м Афи́ны в рука́х, Персе́й оди́н отбива́лся от я́ростной толпы́. Наконе́ц он увиде́л, что ему́ одному́ не спра́виться с це́лым во́йском, и вы́нул из су́мки го́лову Меду́зы.

Во́ин, це́лившийся в Персе́я, то́лько взгляну́л в лицо́ Меду́зы — и вдруг засты́л с протя́нутой

рукой, мгновенно превратясь в камень. И все, кто смотрел на эту страшную голову, остановились, замерли, кто как был, окаменели навеки. Так и остались они каменными статуями во дворце эфиопского царя.

Персей с красавицей Андромедой поспешили в путь — на остров Сериф. Ведь Персей обещал царю Полидекту принести голову Медузы.

Явившись на остров Сериф, Персей узнал, что мать его Даная скрывается от преследований Полидекта в храме, не смея выйти оттуда ни днём ни ночью.

Персей отправился во дворец царя и застал Полидекта за обедом. Царь был уверен, что Персей давно уже погиб где-то в пустыне или в океане, и был поражён, увидев героя перед собой.

Персей сказал царю:

— Я исполнил твоё желание — принёс тебе голову Медузы.

Царь не поверил, стал смеяться. Смеялись с ним и друзья его.

Персей выхватил из сумки голову Медузы и высоко поднял её.

— Вот она — взгляни на неё!

Царь взглянул — и превратился в камень.

Персей не захотел остаться на Серифе, сделал царём острова старого рыбака, который когда-то выловил из моря ящик с Данаей и с ним, и отправился с женой и матерью на родину в Аргос.

Аргосский царь, узнав, что внук его жив и возвращается домой, покинул свой город и скрылся. Персей стал царём в Аргосе. Он вернул Гермесу его острый меч, Афине — её щит, добрым нимфам — шлем-невидимку, крылатые сан-

да́лии и су́мку, в кото́рой пря́тал свою́ стра́шную добы́чу. Го́лову Меду́зы он принёс в дар Афи́не, и боги́ня с тех пор но́сит её, укрепи́в на своём золото́м щите́.

Одна́жды в Аргосе был пра́здник, и мно́жество наро́да собрало́сь смотре́ть состяза́ния геро́ев. Та́йно пришёл на стадио́н и ста́рый а́ргосский царь.

Во вре́мя состяза́ния Персе́й с тако́й си́лой метну́л тяжёлый бро́нзовый диск, что он пролете́л над стадио́ном и, па́дая вниз, попа́л в го́лову ста́рого царя́ и уби́л его́ на ме́сте.

Так испо́лнилось предсказа́ние: внук уби́л своего́ де́да.

И, хоть э́то бы́ло неча́янное уби́йство, Персе́й уже́ не мог насле́довать ца́рство уби́того им де́да и, похорони́в царя́, доброво́льно поки́нул Аргос.

ДЕДАЛ И ИКАР

В те далёкие времена́, когда́ у людéй ещё нé было ни инструмéнтов, ни маши́н, жил в Афи́нах вели́кий худóжник Дедáл. Он пéрвый научи́л грéков стрóить прекрáсные здáния. До негó худóжники не умéли изображáть людéй в движéнии и дéлали стáтуи, похóжие на запелёнатых кýкол с закры́тыми глазáми. Дедáл же стал высекáть из мрáмора великолéпные стáтуи, изображáющие людéй в движéнии.

Для своéй рабóты Дедáл сам придýмал и сдéлал инструмéнты и научи́л людéй пóльзоваться и́ми. Он научи́л строи́телей здáния, как проверя́ть — кáмнем на ни́тке,— прáвильно ли кладýт они́ стéны.

У Дедáла был племя́нник. Он помогáл худóжнику в мастерскóй и учи́лся у негó искýсствам. Рассмáтривая однáжды плавники́ ры́бы, он догадáлся сдéлать пилý; придýмал ци́ркуль, чтóбы черти́ть прáвильный круг; вы́резал из дéрева круг, застáвил егó вращáться и стал лепи́ть на нём гли́няную посýду — горшки́, кувши́ны и крýглые чáши.

Однáжды Дедáл с ю́ношей взошли́ на верши́ну Акрóполя, чтóбы с высоты́ посмотрéть на красотý гóрода. Задýмавшись, ю́ноша ступи́л на сáмый край обры́ва, не удержáлся, упáл с гóры и разби́лся.

Афи́няне обвини́ли Деда́ла в ги́бели ма́льчика. Деда́лу пришло́сь бежа́ть из Афи́н. На корабле́ он добра́лся до о́строва Кри́та и яви́лся к кри́тскому царю́ Ми́носу.

Ми́нос был рад, что судьба́ привела́ к нему́ знамени́того афи́нского строи́теля и худо́жника. Царь дал приста́нище Деда́лу и заста́вил его́ рабо́тать на себя́. Деда́л вы́строил ему́ Лабири́нт, где бы́ло сто́лько ко́мнат и так запу́таны ходы́, что вся́кий, кто входи́л туда́, уже́ не мог сам найти́ вы́ход.

До сих пор на о́строве Кри́те пока́зывают оста́тки э́того великоле́пного сооруже́ния.

До́лго жил Деда́л у царя́ Ми́носа плé нником на чужо́м о́строве среди́ мо́ря. Ча́сто сиде́л он на морско́м берегу́, гля́дя в сто́рону родно́го кра́я, вспомина́л свой прекра́сный го́род и тоскова́л. Уже́ мно́го лет прошло́, и, наве́рное, уже́ никто́ не по́мнил, в чём его́ обвиня́ли. Но Деда́л знал, что Ми́нос никогда́ не отпу́стит его́ и ни оди́н кора́бль, отплыва́ющий от Кри́та, не посме́ет взять его́ с собо́й, опаса́ясь пресле́дования. И всё-таки Деда́л постоя́нно ду́мал о возвраще́нии.

Одна́жды, си́дя у мо́ря, он по́днял глаза́ в широ́кое не́бо и поду́мал: «Нет для меня́ пути́ по́ морю, но вот не́бо откры́то для меня́. Кто мо́жет мне помеша́ть на возду́шной доро́ге? Пти́цы рассека́ют кры́льями во́здух и летя́т куда́ хотя́т. Ра́зве челове́к ху́же пти́цы?»

И ему́ захоте́лось сде́лать себе́ кры́лья, что́бы улете́ть из пле́на. Он стал собира́ть пе́рья больши́х птиц, иску́сно свя́зывал их льняны́ми кре́пкими ни́тками и скрепля́л во́ском. Ско́ро он сде́лал четы́ре крыла́ — два для себя́ и два для своего́ сы́на Ика́ра, кото́рый жил вме́сте с ним

на Кри́те. Пе́ревязью крест-на́крест прикрепля́лись кры́лья к груди́ и к рука́м.

И вот наступи́л день, когда́ Деда́л попро́бовал свои́ кры́лья, наде́л и, пла́вно маха́я рука́ми, подня́лся над землёй. Кры́лья держа́ли его́ в во́здухе, и он направля́л свой полёт в ту сто́рону, куда́ хо́тел.

Спусти́вшись вниз, он наде́л кры́лья сы́ну и учи́л его́ лета́ть.

— Споко́йно и ро́вно взма́хивай рука́ми, не спуска́йся сли́шком ни́зко к волна́м, что́бы не смочи́ть кры́лья, и не поднима́йся высоко́, что́бы лучи́ со́лнца не опали́ли тебя́. Лети́ за мной сле́дом.— Так говори́л он Ика́ру.

И вот ра́но у́тром они́ улете́ли с о́строва Кри́та.

То́лько рыбаки́ в мо́ре да пастухи́ на лугу́ ви́дели, как они́ улета́ли, но и те поду́мали, что э́то крыла́тые бо́ги пролета́ют над землёй. И вот уже́ далеко́ оста́лся позади́ скали́стый о́стров, и широко́ раски́нулось под ни́ми мо́ре.

День разгора́лся, со́лнце подняло́сь высоко́, и лучи́ его́ жгли всё сильне́е.

Осторо́жно лете́л Деда́л, держа́сь бли́же к пове́рхности мо́ря, и боязли́во огля́дывался на сы́на.

А Ика́ру по душе́ был во́льный полёт. Всё быстре́е рассека́л он кры́льями во́здух, и ему́ захоте́лось подня́ться высоко́-высоко́, вы́ше ла́сточек, вы́ше самого́ жа́воронка, кото́рый поёт, гля́дя пря́мо в лицо́ со́лнцу. И в ту мину́ту, когда́ оте́ц не гляде́л на него́, Ика́р подня́лся высоко́ вверх, к са́мому со́лнцу.

Под жа́ркими луча́ми раста́ял воск, скрепля́вший кры́лья, пе́рья распа́лись и разлете́лись вокру́г. Напра́сно взма́хивал Ика́р рука́ми,—

Деда́л наде́л кры́лья сы́ну и учи́л его́ лета́ть.

уже́ ничто́ бо́льше не удéрживало его́ на высоте́. Он стреми́тельно па́дал, упа́л и исчёз в глубине́ мо́ря.

Огляну́лся Дeда́л — и не уви́дел в синеве́ не́ба летя́щего сы́на. Он гля́нул на мо́ре — лишь бе́лые пе́рья плы́ли на волна́х.

В отча́янии опусти́лся Деда́л на пе́рвый встре́тившийся ему́ о́стров, слома́л свои́ кры́лья и про́клял своё иску́сство, погуби́вшее его́ сы́на.

Но лю́ди запо́мнили э́тот пе́рвый полёт, и с тех пор в их ду́шах жила́ мечта́ о покоре́нии во́здуха, о просто́рных небе́сных доро́гах.

ТЕЗЕЙ

У афи́нского царя́ Эге́я не́ было дете́й. Два́жды он был жена́т, но жёны не роди́ли ему́ ни сы́на, ни до́чери, и он си́льно горева́л об э́том. Он хоте́л знать, неужéли ему́ суждено́ оста́ться безде́тным, и спроси́л предсказа́теля — ора́кула. Отве́т ора́кула был так зага́дочен, что Эге́й не мог поня́ть его́.

В то вре́мя в Арголи́де, в го́роде Трезе́ны, жил ста́рый му́дрый Питфе́й. Эге́й отпра́вился к нему́ в Трезе́ны — проси́ть его́ разгада́ть отве́т ора́кула. Питфе́й объясни́л предсказа́ние: у Эге́я бу́дет сын, кото́рому суждено́ стать вели́ким геро́ем.

Эге́й обра́довался и, что́бы скоре́й сбыло́сь предсказа́ние, жени́лся в тре́тий раз — на до́чери Питфе́я — и стал ждать обе́щанного сы́на.

Но из Афи́н пришла́ весть, что враги́, воспо́льзовавшись до́лгим отсу́тствием царя́, пыта́ются захвати́ть власть в го́роде. Эге́й до́лжен был верну́ться в Афи́ны. Но дочь свою́ Питфе́й не отпусти́л с му́жем: ста́рому царю́ хоте́лось, что́бы обе́щанный судьбо́ю геро́й роди́лся в Трезе́нах и свои́м рожде́нием просла́вил го́род.

Пе́ред тем как поки́нуть Трезе́ны, Эге́й зары́л в ца́рском саду́ под огро́мным ка́мнем свой меч и па́ру санда́лий и сказа́л жене́:

— Когда́ мой сын ста́нет таки́м больши́м и си́льным, что смо́жет сдви́нуть э́тот ка́мень и доста́нет мой меч и санда́лии, пусть он придёт ко мне в Афи́ны: по э́тому мечу́ и санда́лиям я узна́ю его́.

Эге́й верну́лся в Афи́ны, а у жены́ его́ ско́ро роди́лся ма́льчик — его́ назва́ли Тезе́ем. Тезе́й рос во дворце́ Питфе́я, и ста́рый царь учи́л его́ всему́, что ну́жно знать и уме́ть челове́ку, кото́рому предстоя́ли в жи́зни стра́нствия, сраже́ния и по́двиги во́ина. Когда́ Тезе́ю испо́лнилось шестна́дцать лет, мать повела́ его́ в сад, показа́ла ему́ большо́й ка́мень и сказа́ла:

— Вот здесь, под э́тим ка́мнем, лежи́т пода́рок, оста́вленный тебе́ твои́м отцо́м. Сдвинь ка́мень и доста́нь то, что под ним зары́то.

Юноша, си́льными рука́ми кре́пко охвати́в ка́мень, сдви́нул его́ в сто́рону и нашёл в земле́ меч и санда́лии. Тогда́ мать откры́ла ему́, кто его́ оте́ц, опоя́сала сы́на отцо́вским мечо́м, наде́ла ему́ на́ ноги отцо́вские санда́лии и сказа́ла, что по э́тому мечу́ и санда́лиям оте́ц узна́ет его́.

Тезе́й захоте́л поскоре́е уви́деть своего́ отца́, и в тот же день он прости́лся с ма́терью и де́дом и отпра́вился в Афи́ны. Мать угова́ривала его́ сесть на кора́бль и добра́ться до Афи́н морски́м путём — э́то бы́ло споко́йнее, чем идти́ че́рез леса́ и го́ры, где обита́ли хи́щные зве́ри и злы́е разбо́йники подстерега́ли пу́тников на доро́гах.

Но Тезе́й жа́ждал по́двигов и сла́вы и пошёл в Афи́ны прямо́й доро́гой.

Сме́ло минова́л он грани́цу де́довской земли́ и вступи́л в чужи́е го́ры. Пройдя́ немно́го, он встре́тил хромо́го велика́на, кото́рый ковыля́л по доро́ге, опира́ясь на то́лстую желе́зную па́лицу, со зво́ном ударя́вшуюся о доро́жные ка́мни.

Уви́дев Тезе́я, велика́н закрича́л серди́то:

— Эй, пу́тник, возвраща́йся наза́д!

Тезе́й удиви́лся и спроси́л, почему́ он до́лжен верну́ться, е́сли ему́ на́до идти́ вперёд.

Подня́в над голово́й свою́ па́лицу, велика́н прореве́л:

— Возвраща́йся туда́, отку́да идёшь, и скажи́ всем, что я, Перифе́т, никому́ не даю́ здесь прохо́да! Кляну́сь э́той па́лицей, кото́рую вы́ковал мне мой покрови́тель — боже́ственный Гефе́ст, ты не сту́пишь ни ша́га да́льше.

Говоря́ э́то, он разма́хивал свое́й желе́зной па́лицей так, что ве́тер свисте́л вокру́г и ка́мни разлета́лись во все сто́роны.

Вме́сто того́ что́бы поверну́ться и уйти́, Тезе́й бро́сился навстре́чу велика́ну и столкну́лся с ним так бы́стро, что Перифе́т не успе́л уда́рить ю́ношу, а Тезе́й уже́ обхвати́л его́ рука́ми за по́яс и кре́пко сжима́л, не выпуска́я. От неожи́данности Перифе́т вы́ронил из рук свою́ па́лицу и нагну́лся, что́бы подня́ть её. Тезе́й то́тчас сбил с ног хромо́го и вонзи́л ему́ в грудь отцо́вский меч. Пото́м он оттащи́л те́ло велика́на с доро́ги, подобра́л его́ па́лицу и пошёл да́льше, ра́дуясь свое́й пе́рвой побе́де.

Но э́то бы́ло то́лько нача́ло его́ испыта́ний.

На Истме, проходя́ че́рез густо́й и тёмный сосно́вый лес, ю́ноша услы́шал, как хи́щные пти́цы с кри́ками драли́сь в верши́нах со́сен, бу́дто дели́ли каку́ю-то крова́вую добы́чу. Внеза́пно свире́пый велика́н Си́нис напа́л на Тезе́я сза́ди, сбил с ног, связа́л и поволо́к в лесну́ю глушь.

— Ви́дишь вон те две высо́кие сосны́, что верху́шками смо́трят в не́бо? — сказа́л велика́н Тезе́ю.— Я пригну́ их вниз, до са́мой земли́, привяжу́ тебя́ к ним за́ руки, за́ ноги — и отпущу́

их. Так поступа́ю я с те́ми, кто вхо́дит в мой лес, неда́ром меня́ зову́т Сгиба́тель Со́сен!

Сказа́в э́то, велика́н ухвати́л верху́шки двух бли́жних со́сен и стал гнуть их к земле́, не обраща́я внима́ния на своего́ плённика.

Тезе́й зуба́ми вы́тянул отцо́вский меч из но́жен, перере́зал пу́ты на рука́х и нога́х и, бесшу́мно подкра́вшись, стал за спино́й у велика́на разбо́йника. Как то́лько верху́шки со́сен послу́шно косну́лись земли́ и велика́н наступи́л на них нога́ми, Тезе́й с си́лой схвати́л его́ за́ руки, опу́тал их пу́тами, привяза́л к ветвя́м и, отступи́в, отпусти́л со́сны на во́лю. Со стра́шной си́лой то́тчас распрями́лись высо́кие дере́вья и разорва́ли на́двое Сгиба́теля Со́сен.

А Тезе́й, взяв свой меч и па́лицу, без огля́дки поспеши́л прочь из э́того стра́шного ле́са.

Всё да́льше он шёл и пришёл на бе́рег мо́ря. Здесь на скали́стом усту́пе над мо́рем сиде́л велика́н Скиро́н, кото́рый заставля́л всех прохо́жих мыть ему́ но́ги.

Тезе́й гля́нул вниз и уви́дел мно́жество челове́чьих косте́й на берегу́, а из воды́ высо́вывала жа́дную пасть огро́мная морска́я черепа́ха. Юноша по́нял, что́ ему́ грози́т; он притвори́лся, бу́дто гото́в испо́лнить тре́бование велика́на, и нагну́лся, сло́вно собира́ясь зачерпну́ть воды́ из мо́ря. Велика́н по́днял но́гу, что́бы столкну́ть ю́ношу в мо́ре, как ста́лкивал всех до сих пор. Тезе́й бы́стро схвати́л велика́на за́ ногу и сбро́сил его́ самого́ в во́ду на съеде́ние морско́му чудо́вищу. Изба́вившись и от э́того разбо́йника, Тезе́й отпра́вился да́льше.

Недалеко́ от Элевси́на пришло́сь ему́ вступи́ть в борьбу́ с силачо́м Керкио́ном, кото́рого ещё никому́ не удало́сь победи́ть. Тезе́й был мо́лод,

ло́вок, и приёмам борьбы́ с де́тства учи́л его́ му́дрый Питфе́й, а Керкио́н был неповоро́тлив и привы́к побежда́ть сла́бых,— и Тезе́й бы́стро одоле́л его́.

Дово́льный свои́ми побе́дами, ду́мая о бли́зкой встре́че с отцо́м, Тезе́й поспеши́л да́льше и шёл, не остана́вливаясь, до наступле́ния но́чи.

В темноте́ останови́л его́ на доро́ге челове́к и стал угова́ривать зайти́ к нему́ в дом отдохну́ть и переночева́ть до утра́.

— Но́чью опа́сно идти́ одному́ по пусты́нной доро́ге,— говори́л челове́к,— войди́ в мой дом, пое́шь со мной и отдохни́ на моём ло́же. Меня́ зову́т Прокру́стом, дом мой всегда́ откры́т для стра́нников, и моё ло́же гото́во для тебя́.

Так ла́сково говори́л Прокру́ст, что Тезе́й с охо́той согласи́лся и вошёл к нему́ в дом.

Но челове́к тот был кова́рный и жесто́кий разбо́йник: он зама́нивал пу́тников и укла́дывал их на своё ло́же; кто не умеща́лся в нём — тому́ отруба́л го́лову и́ли но́ги, а кто был мал для него́ — того́ вытя́гивал так, что он умира́л в муче́ниях. Прокру́ст хоте́л погуби́ть и Тезе́я. Но ю́ный геро́й, уви́дев окрова́вленное Прокру́стово ло́же и челове́ческие обру́бки вокру́г него́, пришёл в тако́й гнев, что схвати́л самого́ разбо́йника и бро́сил его́ на стра́шное ло́же, а так как оно́ бы́ло ко́ротко ему́, Тезе́й отруби́л Прокру́сту его́ дли́нные но́ги. Оста́вив его́ на прокля́том ло́же, Тезе́й поки́нул разбо́йничий дом и поспеши́л к свяще́нному исто́чнику, что́бы очи́ститься от про́литой кро́ви.

Наконе́ц он уви́дел пе́ред собо́й Афи́ны и вошёл в го́род своего́ отца́.

Афи́нские жи́тели смотре́ли на него́ с удивле́-

нием, когда́ он проходи́л по у́лицам: его́ дли́нная оде́жда, дли́нные до плеч во́лосы бы́ли необы́чные для афи́нян, и его́ принима́ли за де́вушку. Рабо́чие, стро́ившие храм на пло́щади, ста́ли смея́ться над ним. Тезе́й рассерди́лся, схвати́л пусту́ю колесни́цу и бро́сил её в шутнико́в с тако́й си́лой, что она́ взлете́ла на кры́шу хра́ма. Все уви́дели, что пе́ред ни́ми не сла́бая де́вушка, а ю́ный геро́й, наделённый грома́дной си́лой, и поскоре́е проводи́ли его́ ко дворцу́ царя́, куда́ он направля́лся.

Эге́й был тогда́ уже́ стар. В до́ме его́ всем распоряжа́лась волше́бница Меде́я, кото́рая была́ пре́жде жено́й аргона́вта Язо́на, а пото́м скры́лась из Кори́нфа и попроси́ла прию́та у афи́нского царя́, пообеща́в верну́ть ему́ мо́лодость.

Меде́я догада́лась сра́зу, что ю́ноша, прише́дший во дворе́ц,— сын Эге́я. Прихо́д Тезе́я в Афи́ны сули́л мно́го переме́н, и она́ поняла́, что её вла́сти над царём насту́пит коне́ц. Меде́я реши́ла погуби́ть молодо́го царе́вича. Когда́ Эге́ю сказа́ли, что во дворе́ц яви́лся чужестра́нец и хо́чет уви́деться с царём, Меде́я уве́рила старика́, что гость э́тот — злоде́й, подо́сланный врага́ми, и уговори́ла Эге́я отрави́ть его́.

Си́дя ря́дом с Эге́ем за ца́рским столо́м, Тезе́й с волне́нием ждал слу́чая, что́бы обнару́жить себя́ пе́ред отцо́м. И вот, когда́ Меде́я, сде́лав знак царю́, с кова́рной улы́бкой протяну́ла ю́ноше ча́шу с отра́вленным вино́м, Тезе́й вы́нул из но́жен отцо́вский меч — как бу́дто для того́, что́бы отре́зать себе́ кусо́к хле́ба. Эге́й узна́л свой меч и по́нял, кто э́тот ю́ноша, прише́дший к нему́. В у́жасе вы́рвал он из рук его́ и бро́сил на́ пол отра́вленную ча́шу и раскры́л объя́тия своему́

Эге́й узна́л свой меч и по́нял, кто э́тот ю́ноша, прише́дший к нему́.

сы́ну. Уви́дев э́то, Меде́я мгнове́нно скры́лась из дворца́ и поки́нула Афи́ны.

Эге́й веле́л оповести́ть афи́нян о прибы́тии своего́ сы́на, их бу́дущего царя́, и весёлым пи́ром отпра́здновал свою́ встре́чу с Тезе́ем.

Но враги́ Эге́я, кото́рые давно́ хоте́ли отобра́ть у него́ Афи́ны и жда́ли то́лько сме́рти ста́рого царя́, что́бы заня́ть го́род, бы́ли о́чень недово́льны появле́нием молодо́го насле́дника. Они́ реши́ли си́лой помеша́ть ему́. Отпра́вили в Афи́ны отря́д во́инов, ме́ньшую его́ часть напра́вили к городски́м воро́там, а друга́я — сильне́йшая — должна́ была́ та́йно обойти́ го́род и напа́сть на афи́нян с ты́ла. Тезе́й по́нял хи́трость проти́вника, внеза́пно сам напа́л на тех, кто был в заса́де, в тылу́, и уничто́жил всех во́инов до еди́ного. А те, что подступа́ли к воро́там, узна́в о ги́бели остально́го отря́да, смути́лись и обрати́лись в бе́гство. Так Тезе́й избав́ил отца́ от да́вних его́ враго́в и наде́ялся, что никто́ не нару́шит бо́льше поко́я и ми́ра в Афи́нах.

Но одна́жды у́тром он был разбу́жен кри́ками наро́да и уви́дел го́род в смяте́нии. Ему́ рассказа́ли печа́льную исто́рию.

Был когда́-то пра́здник в Афи́нах. Съе́хались го́сти из ра́зных городо́в. Шли состяза́ния ю́ношей в си́ле и ло́вкости, бе́ге и борьбе́. Сын кри́тского царя́ Ми́носа победи́л в состяза́ниях всех афи́нских бойцо́в. Эге́й не мог снести́ э́того. Он предложи́л победи́телю показа́ть свою́ си́лу — укроти́ть свире́пого быка́, с кото́рым никто́ не мог спра́виться. Бык растерза́л критя́нина.

Тогда́ Ми́нос снаряди́л свои́ корабли́, пошёл войно́й на Афи́ны и осади́л го́род. Афи́няне не вы́держали жесто́кой оса́ды — го́лод вы́нудил их сда́ться. Ми́нос потре́бовал с Афи́н стра́шной

да́ни: ка́ждые де́вять лет семь де́вушек, са́мых краси́вых, и семь ю́ношей, са́мых си́льных, должны́ бы́ли отпра́виться на о́стров Крит. Там на берегу́ мо́ря был огро́мный мра́чный дворе́ц — Лабири́нт, его́ вы́строил когда́-то знамени́тый гре́ческий строи́тель Деда́л, когда́ пле́нником жил у Ми́носа на Кри́те. В э́том дворце́ бы́ло сто́лько ко́мнат и зал, сто́лько двере́й и перехо́дов и так хитро́ был запу́тан план его́, что тот, кто попада́л во дворе́ц, без конца́ кружи́л по нему́ и уже́ не мог найти́ из него́ вы́хода. Как огро́мная западня́ был Лабири́нт: в са́мом це́нтре его́, куда́ вели́ все запу́танные ходы́, жил людое́д Минота́вр — чудо́вище с голово́й быка́. Говори́ли, что Минота́вр был рождён Пасифа́ей, жено́й Ми́носа, и царь приказа́л постро́ить Лабири́нт, что́бы скрыть в нём свой позо́р. На съеде́ние Минота́вру Ми́нос отдава́л афи́нских ю́ношей и де́вушек.

И вот вновь наступи́л стра́шный срок. В афи́нской га́вани снаряжа́ли кора́бль и в знак печа́ли подыма́ли на нём чёрный па́рус. Плач раздава́лся в дома́х обречённых.

Афи́няне толпо́й пришли́ во дворе́ц. Они́ сказа́ли Эге́ю:

— Мы отдаём чудо́вищу свои́х дете́й, а твой сын остаётся с тобо́й, и ты не разделя́ешь на́шего го́ря.

Тезе́й не мог слы́шать э́ти упрёки.

— Я гото́в,— отвеча́л он афи́нянам,— замени́ть одного́ из ва́ших сынове́й и отпра́виться на Крит вме́сте с други́ми. Но, кляну́сь вам, мы не поги́бнем! Я убью́ крова́вого Минота́вра и навсегда́ освобожу́ вас от тя́жкой да́ни.

Эге́й пришёл в у́жас, услы́шав э́ти слова́. Он умоля́л Тезе́я оста́ться в Афи́нах, угова́ривал

афи́нян не отдава́ть чудо́вищу их бу́дущего царя́. Но Тезе́й уверя́л отца́, что не поги́бнет и вернётся победи́телем. Он обеща́л опеча́ленному отцу́: е́сли оста́нется жив, то на обра́тном пути́ прика́жет поста́вить на корабле́ бе́лый па́рус вме́сто чёрного, что́бы оте́ц уви́дел и́здали э́тот све́тлый знак побе́ды.

Наста́л день отъе́зда. Семь ю́ношей и семь де́вушек взошли́ на кора́бль и поплы́ли к о́строву Кри́ту, по́лные стра́ха и та́йной наде́жды.

Когда́ афи́нский кора́бль приплы́л к Кри́ту и останови́лся у при́стани, Ми́нос приказа́л то́тчас привести́ обречённых к себе́ во дворе́ц. Они́ шли по бе́регу мо́ря, и критя́не смотре́ли на них и говори́ли об их жесто́кой судьбе́. Тезе́й шёл впереди́ всех, сме́лый и прекра́сный, и ободря́л това́рищей. Когда́ их привели́ к царю́, Ми́нос стал насмеха́ться над ни́ми и оскорби́л одну́ из де́вушек. Тезе́й горячо́ вступи́лся за неё.

— Кто ты тако́й, что́бы возража́ть мне, царю́ Кри́та, сы́ну вели́кого Зе́вса? — высокоме́рно спроси́л Ми́нос.

— Я то́же ца́рского ро́да, я сын царя́, и бог море́й Посейдо́н — мой защи́тник и покрови́тель с де́тства,— отвеча́л царю́ Тезе́й.

За э́тим спо́ром следи́ла со стра́хом дочь Ми́носа, краса́вица Ариа́дна. Она́ сра́зу отличи́ла Тезе́я среди́ афи́нских ю́ношей — он плени́л её свое́й му́жественной красото́й, бесстра́шием и тем, как горячо́ защити́л свою́ подру́гу. Ариа́дна вта́йне позави́довала де́вушке, в се́рдце её зажгла́сь любо́вь к афи́нскому царе́вичу. Поэ́тому она́ испуга́лась, когда́ Ми́нос сказа́л со зло́й усме́шкой:

— Если пра́вда, что Посейдо́н — твой покро-

ви́тель, пусть он помо́жет тебе́ доста́ть э́то кольцо́.

И, сняв с па́льца золото́е кольцо́, царь бро́сил его́ в мо́ре.

Тезе́й сме́ло ки́нулся в во́лны.

Крик за́мер в уста́х Ариа́дны, в стра́хе прижа́лись друг к дру́гу пле́нники. Все мо́лча смотре́ли на мо́ре и жда́ли. Вре́мя бежа́ло, и никто́ не наде́ялся, что ю́ноша мо́жет верну́ться.

Но, едва́ то́лько во́лны сомкну́лись над голово́й Тезе́я, слуга́ Посейдо́на Трито́н взял ю́ношу на́ руки и отнёс его́ в жили́ще морско́го царя́. Там Посейдо́н и цари́ца море́й Амфитри́та обласка́ли ю́ного геро́я и вручи́ли ему́ кольцо́ Ми́носа. И сно́ва Трито́н подхвати́л его́ и вы́нес из глубины́ мо́ря к бе́регу, где лю́ди жда́ли его́.

И вот уже́ Тезе́й стоя́л пе́ред Ми́носом и протя́гивал ему́ кольцо́. Ра́достными кри́ками приве́тствовали афи́няне своего́ сме́лого това́рища, и диви́лись происше́дшему критя́не, собра́вшиеся на берегу́.

Царь Ми́нос приказа́л неме́дленно отвести́ пле́нников в Лабири́нт и запере́ть там.

Тогда́ Ариа́дна реши́ла спасти́ Тезе́я.

Когда́ семь де́вушек и семь ю́ношей подошли́ к Лабири́нту, Ариа́дна была́ уже́ там, у вхо́да. Она́ дала́ Тезе́ю клубо́к ни́ток и научи́ла закрепи́ть коне́ц ни́ти у входно́й две́ри и, идя́ по Лабири́нту, потихо́ньку разма́тывать клубо́к, что́бы нить тяну́лась че́рез все ко́мнаты, по каки́м они́ пройду́т. Тезе́й послу́шался, вошёл в Лабири́нт, и това́рищи с ним; разма́тывая клубо́к, они́ дошли́ до ло́говища Минота́вра. Уви́дев чудо́вище с бы́чьей голово́й, ю́ноши и де́вушки оробе́ли и отступи́ли наза́д. Тезе́й оди́н пошёл на него́ и в жесто́ком поеди́нке победи́л и уби́л Минота́вра,

к вели́кой ра́дости свои́х това́рищей, кото́рые, в стра́хе прижа́вшись к сте́нам, жда́ли исхо́да борьбы́. При ви́де уби́того Минота́вра ю́ноши гро́мко сла́вили Тезе́я, а де́вушки обнима́ли друг дру́га и пла́кали от ра́дости. Пото́м, держа́сь за спаси́тельную нить Ариа́дны, они́ верну́лись наза́д по запу́танным хода́м и благополу́чно вы́брались из Лабири́нта.

Ариа́дна ожида́ла их у вхо́да. Спасённые напра́вились в га́вань, где стоя́л их кора́бль, и Ариа́дна после́довала за ни́ми. Она́ зна́ла, что оте́ц её си́льно разгне́вается, узна́в о побе́де Тезе́я и бе́гстве афи́нян, и захо́чет посла́ть за ни́ми в пого́ню корабли́. Она́ научи́ла Тезе́я и его́ това́рищей проре́зать дни́ща кри́тских корабле́й, стоя́вших в га́вани. Пото́м, взойдя́ на свой кора́бль, афи́няне поспе́шно отплы́ли от Кри́та. И Ариа́дна отпра́вилась с ни́ми — она́ наде́ялась, что, в благода́рность за её по́мощь, Тезе́й отве́тит на её любо́вь.

По пути́ они́ приста́ли к о́строву На́ксосу, что́бы провести́ ночь на земле́ и хороше́нько отдохну́ть, потому́ что уже́ давно́ они́ не спа́ли и бы́ли утомлены́.

Но́чью во сне Тезе́й услы́шал го́лос, кото́рый прика́зывал ему́ оста́вить Ариа́дну на о́строве и плыть домо́й без неё. Тезе́й разбуди́л това́рищей, и они́ потихо́ньку поки́нули На́ксос, оста́вив Ариа́дну спя́щей.

Просну́вшись у́тром, Ариа́дна уви́дела, что она́ поки́нута афи́нянами. С кри́ком бро́силась она́ к мо́рю и жа́дно смотре́ла вдаль и звала́ Тезе́я. В отча́янии упа́ла она́ на зе́млю и проси́ла себе́ сме́рти у бого́в.

Но вме́сто чёрного бо́га сме́рти к ней яви́лся весёлый бог Диони́с, успоко́ил и уте́шил её. Он сде́лал Ариа́дну свое́й жено́й, бессме́ртной боги́ней и подари́л ей вене́ц из сверка́ющих звёзд. Ариа́дна возложи́ла свой вене́ц на не́бо,— и там он блести́т и све́тит среди́ други́х созве́здий.

Тезе́й возвраща́лся в Афи́ны. Попу́тный ве́тер надува́л чёрный па́рус, и морски́е во́лны подгоня́ли кора́бль. Си́дя на борту́ корабля́, Тезе́й гляде́л туда́, где в тума́не скры́лся На́ксос, и раска́яние му́чило его́. Он вспомина́л красоту́ Ариа́дны и по́мощь, кото́рую она́ оказа́ла ему́ и его́ това́рищам, вы́ведя их из Лабири́нта,— и раска́ивался, что поки́нул её одну́ на о́строве. По́лный мра́чных мы́слей, Тезе́й позабы́л обеща́ние, да́нное отцу́, и не смени́л чёрный па́рус на бе́лый на своём корабле́.

Эге́й ждал возвраще́ния сы́на. Ста́рый царь сиде́л на берегу́, гля́дя на мо́ре: не пока́жется ли вдали́ бе́лый па́рус, не возвраща́ется ли домо́й люби́мый сын. Наконе́ц далеко́ у кра́я мо́ря появи́лся па́рус, но — чёрный. Чёрный па́рус — знак сме́рти!

Свет поме́рк в глаза́х Эге́я. В отча́янии он бро́сился с высо́кого бе́рега в мо́ре.

Когда́ кора́бль подошёл к го́роду и Тезе́й торже́ственно сошёл на родну́ю зе́млю, его́ встре́тила ве́сть о ги́бели отца́. Это бы́ло отмще́ние. И печа́льным бы́ло нача́ло его́ ца́рствования в Афи́нах.

А мо́ре, в кото́ром бе́дный оте́ц нашёл себе́ моги́лу, с тех пор называ́ют лю́ди Эге́йским.

ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА

На се́вере Гре́ции, во Фра́кии жил певе́ц Орфе́й. Чуде́сный дар пе́сен был у него́, и сла́ва о нём шла по всей земле́ гре́ков.

За пе́сни полюби́ла его́ краса́вица Эвриди́ка. Она́ ста́ла его́ жено́й. Но сча́стье их бы́ло недолгове́чно. Одна́жды Орфе́й и Эвриди́ка бы́ли в лесу́. Орфе́й игра́л на свое́й семистру́нной кифа́ре и пел. Эвриди́ка собира́ла цветы́ на поля́нах. Незаме́тно она́ отошла́ далеко́ от му́жа, в лесну́ю глушь. Вдруг ей почу́дилось, что кто́-то бежи́т по́ лесу, лома́я су́чья, го́нится за ней, она́ испуга́лась и, бро́сив цветы́, побежа́ла наза́д, к Орфе́ю. Она́ бежа́ла, не разбира́я доро́ги, по густо́й траве́ и в стреми́тельном бе́ге ступи́ла в змеи́ное гнездо́. Змея́ обвила́сь вокру́г её ноги́ и ужа́лила. Эвриди́ка гро́мко закрича́ла от бо́ли и стра́ха и упа́ла на траву́. Орфе́й услы́шал и́здали жа́лобный крик жены́ и поспеши́л к ней. Но он уви́дел, как ме́жду дере́вьев мелькну́ли больши́е чёрные кры́лья,— э́то Смерть уноси́ла Эвриди́ку в подзе́мное ца́рство.

Велико́ бы́ло го́ре Орфе́я. Он ушёл от люде́й и це́лые дни проводи́л оди́н, скита́ясь по леса́м, излива́я в пе́снях свою́ тоску́. И така́я си́ла была́ в э́тих тосли́вых пе́снях, что дере́вья сходи́ли со свои́х мест и окружа́ли певца́. Зве́ри выходи́ли

из нор, пти́цы покида́ли свои́ гнёзда, ка́мни сдвига́лись бли́же. И все слу́шали, как он тоскова́л о свое́й люби́мой.

Проходи́ли но́чи и дни, но Орфе́й не мог уте́шиться, с ка́ждым ча́сом росла́ его́ печа́ль.

— Нет, не могу́ я жить без Эвриди́ки! — говори́л он.— Не мила́ мне земля́ без неё. Пусть и меня́ возьмёт Смерть, пусть хоть в подзе́мном ца́рстве бу́ду вме́сте с мое́й люби́мой!

Но Смерть не приходи́ла. И Орфе́й реши́л сам отпра́виться в ца́рство мёртвых.

До́лго иска́л он вход в подзе́мное ца́рство и, наконе́ц, в глубо́кой пеще́ре Тэна́ра нашёл ручеёк, кото́рый тёк в подзе́мную реку́ Стикс. По

ру́слу э́того ручья́ Орфе́й спусти́лся глубоко́ под зе́млю и дошёл до бе́рега Сти́кса. За э́той реко́й начина́лось ца́рство мёртвых.

Черны́ и глубоки́ во́ды Сти́кса, и стра́шно живо́му ступи́ть в них. Вздо́хи, ти́хий плач слы́шал Орфе́й за спино́й у себя́ — э́то те́ни уме́рших жда́ли, как и он, перепра́вы в страну́, отку́да никому́ нет возвра́та.

Вот от противополо́жного бе́рега отдели́лась ло́дка: перево́зчик мёртвых, Харо́н, плыл за но́выми прише́льцами. Мо́лча прича́лил к бе́регу Харо́н, и те́ни поко́рно запо́лнили ло́дку. Орфе́й стал проси́ть Харо́на:

— Перевези́ и меня́ на тот бе́рег!

Но Харо́н отказа́л:

— То́лько мёртвых я перевожу́ на тот бе́рег. Когда́ ты умрёшь, я прие́ду за тобо́й!

— Сжа́лься! — моли́л Орфе́й.— Я не хочу́ бо́льше жить! Мне тяжело́ одному́ остава́ться на земле́! Я хочу́ уви́деть мою́ Эвриди́ку!

Суро́вый перево́зчик оттолкну́л его́ и уже́ хоте́л отча́лить от бе́рега, но жа́лобно зазвене́ли стру́ны кифа́ры, и Орфе́й запе́л. Под мра́чными сво́дами Аи́да разнесли́сь печа́льные и не́жные зву́ки. Останови́лись холо́дные во́лны Сти́кса, и сам Харо́н, оперши́сь на весло́, заслу́шался пе́сни. Орфе́й вошёл в ло́дку, и Харо́н послу́шно перевёз его́ на друго́й бе́рег. Услы́шав горя́чую пе́сню живо́го о неумира́ющей любви́, со всех сторо́н слета́лись те́ни мёртвых. Сме́ло шёл Орфе́й по безмо́лвному ца́рству мёртвых, и никто́ не останови́л его́.

Так дошёл он до дворца́ повели́теля подзе́много ца́рства — Аи́да и вступи́л в обши́рный и мра́чный зал. Высоко́ на золото́м тро́не сиде́л

гро́зный Аи́д и ря́дом с ним его́ прекра́сная цари́ца Персефо́на.

Со сверка́ющим мечо́м в руке́, в чёрном плаще́, с огро́мными чёрными кры́льями, стоя́л за спино́й Аи́да бог Сме́рти, а вокру́г него́ толпи́лись прислу́жницы его́, Ке́ры, что лета́ют на по́ле би́твы и отнима́ют жизнь у во́инов. В стороне́ от тро́на сиде́ли суро́вые су́дьи подзе́много ца́рства и суди́ли уме́рших за их земны́е дела́.

В тёмных угла́х за́ла, за коло́ннами, пря́тались Воспомина́ния. У них в рука́х бы́ли бичи́ из живы́х змей, и они́ бо́льно жа́лили стоя́вших пе́ред судо́м.

Мно́го вся́ких чудо́вищ уви́дел Орфе́й в ца́рстве мёртвых: Ла́мию, кото́рая крадёт по ноча́м ма́леньких дете́й у матере́й, и стра́шную Эмпу́зу с осли́ными нога́ми, пью́щую кровь люде́й, и свире́пых стиги́йских соба́к.

То́лько мла́дший брат бо́га Сме́рти — бог Сна, ю́ный Ги́пнос, прекра́сный и ра́достный,

носи́лся по за́лу на свои́х лёгких кры́льях, меша́я в серéбряном ро́ге со́нный напи́ток, кото́рому никто́ на земле́ не мо́жет проти́виться,— да́же сам вели́кий Громове́ржец Зевс засыпа́ет, когда́ Ги́пнос бры́зжет в него́ свои́м зе́льем.

Аи́д гро́зно взгляну́л на Орфе́я, и все вокру́г задрожа́ли.

Но певе́ц прибли́зился к тро́ну мра́чного влады́ки и запе́л ещё вдохнове́ннее: он пел о свое́й любви́ к Эвриди́ке.

Не дыша́ слу́шала пе́сню Персефо́на, и слёзы кати́лись из её прекра́сных глаз. Гро́зный Аи́д склони́л го́лову на грудь и заду́мался. Бог Сме́рти опусти́л вниз свой сверка́ющий меч.

Певе́ц замо́лк, и до́лго дли́лось молча́ние. Тогда́ по́днял го́лову Аи́д и спроси́л:

— Чего́ ты и́щешь, певе́ц, в ца́рстве мёртвых? Скажи́, чего́ ты хо́чешь, и я обеща́ю тебе́ испо́лнить твою́ про́сьбу.

Орфе́й сказа́л Аи́ду:

— Влады́ка! Коротка́ на́ша жизнь на земле́, и всех нас когда́-нибудь настига́ет Смерть и уво́дит в твоё ца́рство,— никто́ из сме́ртных не может избежа́ть её. Но я, живо́й, сам пришёл в ца́рство мёртвых проси́ть тебя́: верни́ мне мою́ Эвриди́ку! Она́ ещё так ма́ло жила́ на земле́, так ма́ло успе́ла пора́доваться, так недо́лго люби́ла... Отпусти́, повели́тель, её на зе́млю! Дай ей ещё немно́го пожи́ть на све́те, дай наслади́ться со́лнцем, тепло́м и све́том, и зе́ленью поле́й, весе́нней пре́лестью лесо́в и мое́й любо́вью. Ведь всё равно́ по́сле она́ вернётся к тебе́!

Так говори́л Орфе́й и проси́л Персефо́ну:

— Заступи́сь за меня́, прекра́сная цари́ца! Ты ведь зна́ешь, как хороша́ жизнь на земле́! Помоги́ мне верну́ть мою́ Эвриди́ку!

— Пусть бу́дет так, как ты про́сишь! — сказа́л Аид Орфе́ю.— Я верну́ тебе́ Эвриди́ку. Ты мо́жешь увести́ её с собо́й наве́рх, на све́тлую зе́млю. Но ты до́лжен обеща́ть...

— Всё, что прика́жешь! — воскли́кнул Орфе́й.— Я гото́в на всё, что́бы уви́деть вновь мою́ Эвриди́ку!

— Ты не до́лжен ви́деть её, пока́ не вы́йдешь на свет,— сказа́л Аид.— Возвраща́йся на зе́млю и знай: сле́дом за тобо́й бу́дет идти́ Эвриди́ка. Но не огля́дывайся наза́д и не пыта́йся посмотре́ть на неё. Огля́нешься — потеря́ешь её наве́ки!

И Аид приказа́л Эвриди́ке сле́довать за Орфе́ем.

Бы́стро напра́вился Орфе́й к вы́ходу из ца́рства мёртвых. Как дух, минова́л он страну́ Сме́рти, и тень Эвриди́ки шла за ним. Они́ вошли́ в ло́дку Харо́на, и он безмо́лвно перевёз их обра́тно к бе́регу жи́зни. Крута́я камени́стая тропи́нка вела́ наве́рх, на зе́млю.

Ме́дленно поднима́лся в го́ру Орфе́й. Темно́ и ти́хо бы́ло вокру́г, и ти́хо бы́ло у него́ за спино́й, сло́вно никто́ не шёл за ним. То́лько се́рдце его́ стуча́ло: «Эвриди́ка! Эвриди́ка!»

Наконе́ц впереди́ ста́ло светле́ть, бли́зок был вы́ход на зе́млю. И чем бли́же был вы́ход, тем светле́е станови́лось впереди́ и вот уже́ всё ста́ло я́сно ви́дно вокру́г.

Трево́га сжа́ла се́рдце Орфе́я: здесь ли Эвриди́ка? Идёт ли за ним? Забы́в всё на све́те, останови́лся Орфе́й и огляну́лся.

— Где ты, Эвриди́ка? Дай взгляну́ть на тебя́!

На мгнове́ние, совсе́м бли́зко, уви́дел он ми́лую тень, дорого́е, прекра́сное лицо́... Но лишь на мгнове́ние. То́тчас отлете́ла тень Эври́дики, исчёзла, раста́яла во мра́ке.

— Эвриди́ка?!

С отча́янным кри́ком Орфе́й стал спуска́ться наза́д по тропи́нке и вновь пришёл на бе́рег чёрного Сти́кса и звал перево́зчика. Но напра́сно он моли́л и звал: никто́ не отозва́лся на его́ мольбы́. До́лго сиде́л Орфе́й на берегу́ Сти́кса оди́н и ждал. Он не дожда́лся никого́.

Пришло́сь ему́ верну́ться на зе́млю и жить. Но он не мог забы́ть свою́ еди́нственную любо́вь — Эвриди́ку, и па́мять о ней жила́ в его́ се́рдце и в его́ пе́снях.

Г Е Р А К Л

РОЖДЕНИЕ ГЕРОЯ

Когда́ пришло́ вре́мя роди́ться Гера́клу, на Оли́мпе был пир бого́в. Влады́ка ми́ра Зевс возвести́л бога́м, что в э́тот час на земле́ среди́ люде́й роди́тся велича́йший геро́й, кото́рый бу́дет одарён могу́чей си́лой, соверши́т вели́кие дела́ и просла́вится на все времена́.

— Он бу́дет мои́м люби́мым сы́ном, я дам ему́ власть над всей Гре́цией, и други́е геро́и бу́дут служи́ть ему́! — сказа́л Зевс.

Ге́ра, супру́га Зевса́, оби́делась, что таку́ю си́лу и сла́ву Зевс хо́чет дать сы́ну сме́ртной же́нщины. Мгнове́нно у неё возни́к кова́рный план. Она́ сказа́ла Зе́всу:

— Покляни́сь же, что тот, кто пе́рвый роди́тся в э́тот час, полу́чит власть над всей Гре́цией и други́е геро́и должны́ бу́дут служи́ть ему́!

Если бы Зевс взгляну́л в тот миг на свою́ боже́ственную супру́гу, он по́нял бы, что она́ заду́мала недо́брое, потому́ что ни у кого́ на земле́ и на не́бе не могло́ быть тайн от влады́ки ми́ра ни в дела́х, ни в мы́слях. Но в э́ту мину́ту Ата, боги́ня обма́на, отвлекла́ его́ внима́ние, и Зевс не заме́тил хи́трости Ге́ры. Он по́днял свою́ золоту́ю ча́шу и сказа́л:

— Кляну́сь! Так бу́дет!

. . . .

Две же́нщины на земле́ ожида́ли в тот час ребёнка: в Фи́вах цари́ца Алкме́на, кото́рую Зевс вы́брал в ма́тери вели́кому геро́ю, и в Мике́нах а́ргосская цари́ца. Тогда́ Ге́ра своéй вла́стью задержа́ла рожде́ние одного́ и уско́рила появле́ние второ́го. И вот снача́ла яви́лся на свет с жа́лобным пла́чем хи́лый и сла́бый а́ргосский царе́вич Еврисфе́й, а уж по́сле него́ сын Алкме́ны. Как то́лько роди́лся Еврисфе́й, Ге́ра объяви́ла Зе́всу:

— Ра́дуйся, Громове́ржец: сейча́с на земле́ роди́лся тот, кого́ ты обеща́л сде́лать господи́ном всей Гре́ции!

Зевс по́нял злу́ю проде́лку Ге́ры. Лицо́ его́ потемне́ло от гне́ва. Все смо́лкли, ожида́я грозы́.

Тогда́ Громове́ржец обру́шился на боги́ню обма́на Ату. Он сбро́сил её с Оли́мпа на зе́млю и навсегда́ запрети́л появля́ться среди́ бого́в в своём све́тлом небе́сном до́ме. С тех пор боги́ня обма́на живёт среди́ люде́й на земле́ и свои́ми злы́ми вы́думками се́ет вражду́ ме́жду ни́ми.

Пото́м влады́ка ми́ра обрати́лся к Ге́ре и сказа́л ей:

— Я зна́ю, тепе́рь ты бу́дешь пресле́довать сы́на Алкме́ны, подверга́ть его́ мно́гим опа́сностям. Но он вы́держит все испыта́ния, одоле́ет все препя́тствия, а твои́ уси́лия помеша́ть ему́ то́лько увели́чат его́ сла́ву. Он соверши́т по́двиги, каки́х до него́ не соверша́л никто́, и оде́ржит мно́го сла́вных побе́д. А когда́ он ко́нчит свои́ земны́е дела́, я подыму́ его́ на Оли́мп, и ты сама́ при́мешь его́ в круг бессме́ртных. И пусть бу́дет и́мя ему́ Гера́кл, что зна́чит «просла́вленный Ге́рой».

ГЕРА ХОЧЕТ ПОГУБИТЬ ГЕРАКЛА

Амфитрио́н, царь Фив, верну́лся из похо́да и отдыха́л от вое́нных трудо́в. Острый меч его́ поко́йно висе́л на стене́ над посте́лью. А в глубо́ком щите́ его́, как в колыбе́ли, спа́ли Ифи́кл и Гера́кл, два ма́леньких сы́на Алкме́ны. Она́ устла́ла щит кудря́вой шелкови́стой шку́рой бе́лого бара́на, что́бы де́тям бы́ло мя́гко спать.

Была́ тёплая ти́хая ночь, и луна́ свети́ла в полуоткры́тую дверь. Все спа́ли во дворце́ — и царь, и цари́ца, и служа́нки, и во́ины царя́. В по́лночь послы́шался шо́рох на ка́менных пли́тах терра́сы, и в спа́льню из са́да ти́хо вползли́ две змеи́ — злы́е посла́нницы боги́ни Ге́ры. Они́ проползли́ ми́мо ло́жа цари́цы и качну́ли щит, в кото́ром спа́ли де́ти. Кру́глые змеи́ные го́ловы подняли́сь над кра́ем щита́, змеи́ные глаза́ засвети́лись, вся ко́мната напо́лнилась зеленова́тым сия́нием. С лёгким сви́стом кача́лись зме́и над спя́щими детьми́, вы́сунув дли́нные чёрные языки́.

Ма́льчики вдруг просну́лись. Ифи́кл испуга́лся, закрича́л, переки́нулся че́рез край щита́ и попо́лз прочь, пла́ча и зовя́ мать. Зме́и не тро́нули его́; они́ вползли́ в колыбе́ль и обви́ли ма́ленького Гера́кла холо́дными, ско́льзкими ко́льцами. Гера́кл засмея́лся, протяну́л ру́ки, сло́вно игра́я, и схвати́л змей за ше́и. Злы́е га́дины извива́лись в рука́х ребёнка, стара́ясь ужа́лить его́, а он всё кре́пче сжима́л их, пока́ не задуши́л совсе́м. Смо́лкло шипе́ние, и свет в змеи́ных глаза́х поме́рк.

Плач Ифи́кла разбуди́л Алкме́ну. Она́ в стра́хе вскочи́ла с посте́ли и позвала́ на по́мощь. Амфитрио́н схвати́л свой меч и прибежа́л в

Ма́ленький Гера́кл засмея́лся, протяну́л ру́ки
и схвати́л змей за ше́и.

ко́мнату цари́цы. Сбежа́лись служа́нки и во́ины, принесли́ свети́льники и при све́те их уви́дели: ма́ленький Гера́кл лежа́л невреди́мый в свое́й колыбе́ли, держа́ в рука́х заду́шенных змей, и смея́лся.

Гера́клу бы́ло в то вре́мя не бо́льше го́да.

ВЫБОР ПУТИ

Когда́ Гера́кл немно́го подро́с, Амфитрио́н стал его́ учи́ть всему́, что до́лжен уме́ть и знать во́ин: стреля́ть из лу́ка, владе́ть мечо́м, мета́ть копьё, би́ться на кула́чках, управля́ть коня́ми. Царь хоте́л та́кже, что́бы Гера́кл вы́рос просвещённым челове́ком и знал толк в нау́ках и иску́сствах. Но Гера́кл не́ был приле́жен в э́том, и ча́сто учителя́ его́ бы́ли им недово́льны.

Одна́жды учи́тель му́зыки рассерди́лся на Гера́кла и уда́рил его́. Ма́льчик пришёл в я́рость и с тако́й си́лой бро́сил в учи́теля кифа́рой, что тот упа́л мёртвый.

Амфитрио́н разгне́вался и приказа́л суди́ть Гера́кла. Но ю́ный Гера́кл горячо́ защища́лся:

— Он пе́рвый уда́рил меня́! На уда́р на́до отвеча́ть уда́ром. Я не хоте́л уби́ть его́. Я не знал, что в моём уда́ре така́я си́ла.

Тогда́ Амфитрио́н стал опаса́ться си́лы Гера́кла и, что́бы он не натвори́л ещё каки́х-нибудь бед, посла́л его́ в го́ры пасти́ стада́. Там на высо́ких го́рных луга́х и в лесу́ Гера́кл провёл не́сколько лет, жил, как просто́й пасту́х, трудя́сь и закаля́я своё здоро́вье.

К двадцати́ года́м он верну́лся в Фи́вы, гото́вый к по́двигам и жа́ждущий испыта́ть свои́ си́лы.

Тем вре́менем в Мике́нах, в Аргосе, выраста́л царе́вич Еврисфе́й, опереди́вший Гера́кла рожде́нием. Ни красото́й, ни умо́м, ни си́лой, ни му́жеством он не́ был одарён. Но по сло́ву Зе́вса, укра́денному Ге́рой, он до́лжен был получи́ть власть над всей Гре́цией, предназна́ченную Гера́клу, и сам Гера́кл до́лжен был служи́ть ему́.

Когда́ Еврисфе́ю испо́лнилось два́дцать лет, у́мер его́ оте́ц, и Еврисфе́й стал царём в Мике́нах.

Его́ покрови́тельница Ге́ра то́тчас веле́ла ему́ призва́ть к себе́ Гера́кла.

Гоне́ц Еврисфе́я отпра́вился в Фи́вы и сказа́л, что его́ господи́н тре́бует, что́бы Гера́кл, повину́ясь во́ле бого́в, яви́лся служи́ть ему́. Двена́дцать раз до́лжен Гера́кл вы́полнить то, что прика́жет ему́ Еврисфе́й,— тогда́ царь обеща́ет отпусти́ть его́.

Друзья́ Гера́кла, с кото́рыми он проводи́л дни, угова́ривали его́ не слу́шаться Еврисфе́я и оста́ться в Фи́вах.

Гера́кл знал, что си́лой нельзя́ прину́дить его́ служи́ть Еврисфе́ю, но мысль о по́двигах, кото́рые он мог соверши́ть, волнова́ла его́.

В глубо́ком разду́мье, по́лный сомне́ний, возвраща́лся он одна́жды домо́й и на доро́ге уви́дел двух же́нщин, ше́дших к нему́ с двух сторо́н.

Одна́ была́ в просто́й бе́лой оде́жде, гла́дко причёсана. Глаза́ её смотре́ли я́сно и пря́мо, все движе́ния бы́ли поко́йны и свобо́дны. Неторопли́во, с досто́инством шла она́ к Гера́клу и, останови́вшись пе́ред ним, дру́жески приве́тствовала его́.

Друга́я же́нщина была́ о́чень краси́ва. Яркий, пёстрый наря́д подчёркивал её красоту́. Лицо́ её

бы́ло набелено́ и нарумя́нено, бро́ви подведены́ и гу́бы подкра́шены, во́лосы заплетены́ в мно́жество ме́лких кос и хитро́ уло́жены на голове́. На го́лых рука́х же́нщины звене́ли золоты́е брасле́ты, и она́ шла, то́чно танцева́ла.

Легко́ подбежа́ла она́ к Гера́клу, взяла́ его́ не́жно за́ руки и сказа́ла, загля́дывая в глаза́:

— Ты сомнева́ешься и разду́мываешь, лицо́ твоё мра́чно, бро́ви нахму́рены... Брось, не утружда́й себя́ ду́мами, посмотри́ на меня́ и улыбни́сь скоре́е! Жизнь прекра́сна, и в ней сто́лько ра́достей! Живи́ для себя́. Жизнь — весёлый пра́здник, и еди́нственная забо́та — получа́ть как мо́жно бо́льше удово́льствия: вку́сно есть, сла́дко спать, краси́во наряжа́ться и ниче́м не утомля́ть себя́. Сча́стлив тот, кто мо́жет прожи́ть всю жизнь, как гость на пиру́: без трудо́в и забо́т! Идём со мной, и ты бу́дешь сча́стлив!

Так говори́ла краса́вица и тяну́ла Гера́кла за собо́й.

Очаро́ванный, смущённый, он уже́ гото́в был после́довать за не́ю, но друга́я же́нщина останови́ла его́.

— Стыди́сь! — сказа́ла она́ презри́тельно.— Бо́ги да́ли тебе́ могу́чую си́лу, а ты хо́чешь безде́льничать и пирова́ть, по́льзуясь труда́ми други́х, как беспо́мощное дитя́. Си́льный распоряжа́ется жи́знью, как хозя́ин, он сам де́лает её прекра́сной — он бо́рется со злом и очища́ет зе́млю от чудо́вищ и враго́в. Си́ла и ум даны́ челове́ку для борьбы́. Чем сильне́е челове́к, тем трудне́е его́ жизнь.

— Слы́шишь? — сказа́ла Гера́клу, смея́сь, краса́вица.— Пойди́ за не́ю, и ты не узна́ешь ра́дости, не бу́дешь име́ть ни поко́я, ни о́тдыха.

— Отдых хоро́ш по́сле рабо́ты,— возрази́ла пе́рвая же́нщина,— поко́й даёт челове́ку споко́йная со́весть. А са́мая больша́я ра́дость для геро́я — знать, что ты сде́лал что́-то до́брое и не зря жил на земле́. Послу́шай меня́, друг! Сего́дня пра́здник, за́втра пир — и душа́ челове́ка опустоша́ется, ску́ка бро́дит по до́му. От оби́льной еды́ пропада́ет жела́ние есть, от ли́шнего сна челове́к стано́вится рассла́бленным и вя́лым. Печа́льна судьба́ челове́ка, кото́рый всю жизнь то́лько гость на чужо́м пиру́. Когда́-нибудь око́нчится пир, слу́ги вы́гонят засиде́вшихся, и он оста́нется оди́н на пусто́й у́лице. Кому́ он бу́дет ну́жен, кто позабо́тится о нём? Лишь тот, кто потруди́лся в молоды́е го́ды, заслу́жит почёт и беззабо́тную

ста́рость. В би́твах, в похо́дах, в да́льних доро́гах, в единобо́рстве с чудо́вищами, в сраже́ниях с врага́ми сча́стье геро́я!

При э́тих слова́х лицо́ же́нщины засия́ло необыкнове́нным све́том, и Гера́кл, оста́вив краса́вицу, воскли́кнул:

— Боги́ня, я иду́ за тобо́й!

Мгнове́нно исче́зли из глаз о́бе же́нщины, да́же следо́в не оста́лось на пы́льной доро́ге, сло́вно всё э́то приви́делось Гера́клу. Но тепе́рь ве́село и реши́тельно он поспеши́л домо́й — он знал, что́ ему́ де́лать.

— Я иду́ в Мике́ны,— сказа́л он нау́тро родны́м и друзья́м.— Я до́лжен испо́лнить во́лю бого́в и соверши́ть двена́дцать по́двигов, кото́рых потре́бует от меня́ Еврисфе́й.

Никто́ не посме́л его́ отгова́ривать, а са́мый бли́зкий его́ друг, Иола́й, вы́звался сопровожда́ть его́.

Гера́кл сде́лал себе́ лук и стре́лы, вы́ломал в лесу́ кре́пкую дуби́нку и отпра́вился к царю́ Еврисфе́ю.

ПЕРВЫЙ ПОДВИГ

Геракл убивает Немейского льва

Уже́ давно́ жи́тели Неме́и жа́ловались, что нельзя́ пасти́ скот на луга́х о́коло ле́са, что в лесу́ ни пройти́ ни прое́хать и да́же в дома́х нельзя́ спать споко́йно: огро́мный лев жил посреди́ Неме́йского ле́са, и ка́ждый день то овца́ из ста́да, то ребёнок, то ми́рный пу́тник с доро́ги пропада́ли бессле́дно.

Да́же хра́брый во́ин с мечо́м и щито́м не выходи́л живы́м из Неме́йского ле́са, потому́ что

ору́жие бы́ло бесси́льно про́тив свире́пого льва — ни копьё, ни стре́лы не могли́ проби́ть его́ шку́ру, и о́стрый меч не причиня́л ему́ никако́го вреда́.

— Го́ре нам! — говори́ли неме́йские крестья́не.— Ско́ро весь наш край бу́дет опустошён.

Боги́ня Ге́ра, покрови́тельница царя́ Еврисфе́я, научи́ла его́ потре́бовать от Гера́кла, что́бы он уби́л Неме́йского льва.

Гера́кл пришёл в Неме́ю и стал расспра́шивать люде́й, жи́вших о́коло ле́са, далеко́ ли ло́говище льва и как найти́ его́.

Но никто́ не хоте́л показа́ть ему́ доро́гу, никто́ не отва́жился проводи́ть его́.

— Лев сам найдёт тебя́, лишь то́лько ты войдёшь в лес,— говори́ли лю́ди и с жа́лостью смотре́ли на молодо́го геро́я: они́ не ве́рили, что он смо́жет победи́ть стра́шного зве́ря.

Гера́кл оди́н напра́вился в лес. Высо́кие дере́вья обступи́ли его́ со всех сторо́н, удивлённо кача́я верху́шками, куста́рники цепля́лись за него́, что́бы задержа́ть, пти́цы крича́ли, что́бы напуга́ть его́, но он шёл вперёд и иска́л на земле́ следы́ зве́ря.

Шёл он недо́лго и вдруг услы́шал неподалёку глухо́е рыча́ние льва и пошёл пря́мо на него́. Лев то́же почу́ял врага́ и, взреве́в так, что весь лес задрожа́л, в не́сколько прыжко́в очути́лся пе́ред Гера́клом. Вели́чественно останови́лся он про́тив геро́я, зло́бно поводя́ глаза́ми, с си́лой ударя́я себя́ хвосто́м по бока́м и ди́ко рыча́. Гера́кл не смути́лся и, подня́в лук, бы́стро пусти́л стрелу́ пря́мо в глаз льву. Лев с доса́дой мотну́л голово́й и ла́пой смахну́л стрелу́, как соло́минку. Пото́м, присе́в, как ко́шка, он пры́гнул с по́днятой ла́пой, гото́вый раздави́ть смельчака́. Гера́кл

увернýлся и тяжёлой дуби́нкой со всей си́лой удáрил льва по космáтой головé. Но дуби́нка отскочи́ла, не причини́в льву вредá, и вы́пала из рук Герáкла. Лев опя́ть помотáл головóй, протя́жно и грóмко зевнýл и вдруг, как бýдто соскýчившись, повернýлся, побежáл обрáтно в чáщу лéса и скры́лся.

Герáкл пошёл за ним.

Скóро уви́дел он вход в пещéру и, отбрóсив лук и стрéлы, вошёл в неё. В пещéре бы́ло темнó, óщупью пробирáлся он вперёд. Вдруг лев вскочи́л емý на грудь и хотéл растерзáть егó, но Герáкл вцепи́лся обéими рукáми в гóрло звéря, сдави́л егó шéю, тóчно желéзным кольцóм, и задуши́л.

Тýша льва былá так великá и тяжелá, что Герáкл не мог подня́ть её.

Тогдá он содрáл со льва шкýру вмéсте с головóй, надéл её на себя́ и пошёл в Микéны.

Лю́ди с кри́ком разбегáлись при ви́де Герáкла с льви́ной головóй на плечáх. Сам царь Еврисфéй спря́тался от негó в дáльний ýгол дворцá.

— Вот я принёс царю́ шкýру Немéйского льва,— сказáл Герáкл.

Но трусли́вый Еврисфéй боя́лся дáже мёртвого льва и не реши́лся взглянýть на егó шкýру.

— Пусть Герáкл возьмёт её себé,— приказáл царь.

— Благодарю́,— сказáл Герáкл и унёс льви́ную шкýру с собóй.

Он стал носи́ть её как плащ, и онá хорошó укрывáла егó, потомý что ни меч, ни стрéлы не могли́ проби́ть её.

Прикры́вшись шкýрой Немéйского льва, Герáкл отпрáвился выполня́ть вторóй прикáз царя́ Еврисфéя.

Гера́кл вцепи́лся обе́ими рука́ми в го́рло зве́ря
и задуши́л его́.

ВТОРОЙ ПОДВИГ

Геракл уничтожает Лернейскую гидру

Недалеко́ от Аргоса находи́лось обши́рное Лерне́йское боло́то.

Чи́стый и све́жий исто́чник вытека́л здесь из-под земли́, но сла́бый ручеёк не мог проби́ть себе́ доро́гу к реке́ и́ли к мо́рю и растека́лся вокру́г в низи́не. Вода́ заста́ивалась, зараста́ла мхом и боло́тными тра́вами, и огро́мная доли́на преврати́лась в боло́то. Яркая зе́лень, всегда́ покрыва́вшая боло́то, мани́ла к себе́ уста́лого пу́тника, но едва́ он ступа́л на зелёную лужа́йку, с шипе́нием и сви́стом выполза́ло из трясины девятиголо́вое чудо́вище — ги́дра. Она́ обвива́лась свои́м змеи́ным хвосто́м вокру́г челове́ка, затя́гивала его́ в боло́то и пожира́ла.

Ве́чером, когда́ ги́дра, насы́тившись, засыпа́ла, ядови́тое дыха́ние её девяти́ па́стей встава́ло тума́ном над боло́том и отравля́ло во́здух. Тот, кто дыша́л э́тим во́здухом, заболева́л, до́лго боле́л и умира́л. Поэ́тому лю́ди стара́лись не приближа́ться к боло́ту и боя́лись сели́ться о́коло э́того стра́шного ме́ста.

И вот царь Еврисфе́й приказа́л Гера́клу уничто́жить Лерне́йскую ги́дру.

Гера́кл отпра́вился в Ле́рну на колесни́це, кото́рой пра́вил его́ друг Иола́й. Дое́хав до боло́та, Гера́кл оста́вил Иола́я с колесни́цей у доро́ги, а сам зажёг фа́кел и отва́жно зашага́л к боло́ту.

Ги́дра в тот час была́ сыта́ и дрема́ла. Гера́кл стал пуска́ть в неё горя́щие стре́лы, зажига́я концы́ их фа́келом. Раздразни́в ги́дру, он заста́вил её вы́ползти из боло́та. Холо́дным, ско́льзким хвосто́м она́ обвила́ ле́вую но́гу Гера́кла, и все

де́вять голо́в зашипе́ли вокру́г него́. Гера́кл поплотне́й заверну́лся в льви́ную шку́ру, надёжную защи́тницу и от звери́ных зубо́в и от змейного жа́ла, вы́нул меч и стал руби́ть одну́ за друго́й стра́шные го́ловы ги́дры.

Но едва́ стека́ла из ра́ны чёрная кровь, на ме́сте отру́бленной головы́ выраста́ли две други́е, ещё зле́е, ещё страшне́е. Ско́ро Гера́кл был окружён сло́вно живы́м кусто́м шипя́щих голо́в, и все они́ тяну́лись к нему́, разева́я крова́вые па́сти.

Он не мог сдви́нуться с ме́ста — нога́ его́ была́ в кольце́ змейного хвоста́, рука́ уста́ла руби́ть всё но́вые и но́вые го́ловы ги́дры. Вдруг он почу́вствовал боль в пра́вой ноге́ и, нагну́вшись,

уви́дел ра́ка, кото́рый клешнёй впи́лся ему́ в пя́тку.

Гера́кл засмея́лся:

— Дво́е про́тив одного́? Это нече́стно! Борьба́ неравна́. Тепе́рь и я име́ю пра́во позва́ть дру́га на по́мощь!

И он позва́л Иола́я, жда́вшего у колесни́цы.

Гера́кл дал ему́ фа́кел и веле́л жечь огнём ра́ну, как то́лько меч снесёт го́лову ги́дры. И там, где ого́нь каса́лся чудо́вища, уже́ не выраста́ли но́вые го́ловы. Ско́ро после́дняя голова́ ги́дры скати́лась в боло́то. Но она́ не хоте́ла умира́ть да́же по́сле того́, как была́ отру́блена, и, лёжа на траве́ в крови́, поводи́ла злы́ми глаза́ми и в немо́й я́рости разева́ла пасть. Гера́клу пришло́сь вы́нести её из боло́та и зары́ть в зе́млю, что́бы она́ не причини́ла кому́-нибудь зла.

В чёрной крови́ Лерне́йской ги́дры Гера́кл смочи́л концы́ свои́х стрел, и они́ ста́ли смерте́льными — никака́я си́ла не могла́ исцели́ть того́, кто был поражён тако́й стрело́й.

ТРЕТИЙ ПОДВИГ

Геракл догоняет Керинейскую лань

Дровосе́ки, собира́вшие хво́рост в лесу́ на скло́нах Арка́дских гор, уви́дели одна́жды краса́вицу лань с золоты́ми рога́ми. Она́ стоя́ла высоко́ на круто́й скале́ и при ви́де люде́й умча́лась, как вихрь, то́лько ве́тки дере́вьев закача́лись да зазвене́ли по камня́м сере́бряные копы́тца.

Слух о чуде́сной ла́ни пошёл по селе́ниям, и мно́гие охо́тники не раз отправля́лись иска́ть её. Но, едва́ зави́дев их, лань мгнове́нно скрыва́лась в наго́рном лесу́. Лес был густо́й, непрохо-

ди́мый, гора́ каза́лась недосту́пной для люде́й. Охо́тники возвраща́лись в доли́ну и говори́ли, что на све́те не найдётся челове́ка, кото́рый мог бы вы́следить и догна́ть э́ту лань.

В тре́тий раз позва́л Еврисфе́й Гера́кла и веле́л ему́ пойма́ть Кериие́йскую лань и живу́ю привести́ в Мике́ны.

Гера́кл с дру́гом свои́м Иола́ем отпра́вился в Арка́дские го́ры. Он оста́вил до́ма свой лук и ядови́тые стре́лы, а вме́сто ору́жия взял с собо́й топо́р, лопа́ту и нож.

Они́ прорубáли про́секи в густо́м лесу́, пробива́ли ступе́ни на камени́стых кру́чах, прота́птывали тропи́нки в высо́кой траве́. Спили́в дере́вья, геро́и переки́дывали их мосто́м че́рез ручьи́ и го́рные ре́ки и свя́зывали ветвя́ми и кре́пкой коро́й. По э́тим вися́чим моста́м они́ переходи́ли про́пасти, по ступе́ням и тропи́нкам поднима́лись всё вы́ше в го́ры. Иногда́ лань на мгнове́ние появля́лась пе́ред ни́ми; блестя́ золоты́ми рога́ми и сло́вно маня́ их за собо́й, она́ уходи́ла всё да́льше. Гера́кл с Иола́ем терпели́во шли по её следа́м. Они́ перева́ливали че́рез го́рные верши́ны, покры́тые сне́гом, спуска́лись в уще́лья, переходи́ли вброд ручьи́ и ре́ки. Сне́жные лави́ны, скользя́ по кру́чам, осыпа́ли их ледяно́й пы́лью, над ни́ми проноси́лись с гро́хотом го́рные гро́зы. Они́ встреча́ли со́лнечный восхо́д на верши́нах, ночева́ли в ду́плах больши́х дере́вьев и в густо́м куста́рнике, пита́лись я́годами, оре́хами, сла́дкими коре́ньями, пи́ли во́ду из го́рных ключе́й — и неуста́нно, час за ча́сом, всё вы́ше поднима́лись и одолева́ли непристу́пные го́ры.

Лань всё ча́ще пока́зывалась пе́ред ни́ми, сло́вно начина́ла привыка́ть к лю́дям,—она́ остана́вливалась и гляде́ла на них без боя́зни и убега́-

ла уже́ не так стреми́тельно, как пре́жде. Тепе́рь уби́ть её бы́ло бы легко́, но они́ должны́ бы́ли взять лань живо́й — тако́в был прика́з царя́.

Наконе́ц им удало́сь загна́ть лань на верши́ну и обойти́. На у́зкой тропи́нке над про́пастью её поджида́л Иола́й. Уви́дев его́, лань поверну́лась, хоте́ла бежа́ть наза́д, но тут Гера́кл прегради́л ей путь. Она́ замета́лась, не зна́я, куда́ бежа́ть, и вдруг замерла́ на краю́ про́пасти. В э́то мгнове́ние Гера́кл наки́нул ей на рога́ сплетённую из ползу́чих расте́ний верёвку и держа́л кре́пко, пока́ не подошёл Иола́й. Вдвоём они́ повели́ по́йманную лань по проторённым уже́ доро́гам вниз с горы́.

Внеза́пно на поворо́те тропи́нки, в лесу́, пе́ред ни́ми яви́лась прекра́сная же́нщина в коро́ткой лёгкой оде́жде, с охо́тничьим лу́ком в рука́х, с

колча́ном за плеча́ми. Лицо́ её бы́ло гне́вно, глаза́ сверка́ли. Повели́тельным же́стом она́ останови́ла охо́тников, а лань сейча́с же под-бежа́ла к ней и ста́ла тере́ться голово́й о её ру́ки.

Молода́я охо́тница погла́дила её и сказа́ла:

— О жа́дные лю́ди! Ра́зве вам ма́ло доро́г и поле́й в широ́ких доли́нах там, внизу́? Заче́м вы нару́шили тишину́ моего́ го́рного ле́са? Никогда́ ещё не ступа́ла здесь нога́ челове́ка... Тепе́рь вы показа́ли сюда́ путь лю́дям, и на мои́х запове́д-ных высо́тах загремя́т топо́р и лопа́та, а стре́лы охо́тников распуга́ют мои́х звере́й и птиц. Заче́м вы сде́лали э́то?

Гера́кл узна́л дочь Зе́вса — Артеми́ду-охо́т-ницу.

— Не гне́вайся на нас, боги́ня! — отвеча́л он ей.— Мы пришли́ сюда́ по во́ле твоего́ отца́,

великого Зе́вса, посла́вшего нас служи́ть лю́дям. Мы проложи́ли доро́гу на верши́ны, потому́ что земля́ вся должна́ стать достоя́нием челове́ка. Но лишь сме́лые и си́льные смо́гут поднима́ться сюда́. Пусть отва́жные пойду́т за на́ми на э́ти высо́ты. Здесь прекра́сно, здесь во́льно ды́шится, и отсю́да далеко́ ви́дно всё вокру́г. Здесь во́здух чист, и сам челове́к, подня́вшись сюда́, стано́вится чи́ще и лу́чше.

Взгляд боги́ни смягчи́лся. Она́ потрепа́ла руко́й краса́вицу лань и сказа́ла ей:

— Ступа́й! Ты ско́ро вернёшься ко мне! — и скры́лась ме́жду дере́вьями.

Гера́кл с Иола́ем пошли́ да́льше, ведя́ за собо́й по́йманную лань.

Обра́тный путь их был быстре́е и ле́гче, потому́ что они́ шли по свои́м следа́м и зару́бкам. Ско́ро они́ спусти́лись к подно́жию горы́. Гера́кл напра́вился в Мике́ны и привёл во дворе́ц Еврисфе́я чуде́сную лань.

Но царь, боя́сь Артеми́ды, о́тдал лань Гера́клу.

Гера́кл вспо́мнил слова́ прекра́сной охо́тницы: «Ты вернёшься ко мне!» Что́бы испо́лнить жела́ние боги́ни, он верну́л лань Артеми́де.

ЧЕТВЁРТЫЙ ПОДВИГ

Геракл избавляет землю от Эриманфского вепря

И ле́том и о́сенью, когда́ на поля́х созрева́ют о́вощи и хлеб, крестья́не, жи́вшие у горы́ Эрима́нф, с трево́гой осма́тривали по утра́м свои́ поля́ и вся́кий раз то тут, то там находи́ли следы́ стра́шного опустоше́ния: земля́ была́ разры́та, посе́вы вы́топтаны, вы́рваны с ко́рнем и мно́го

плодо́в, ну́жных лю́дям, без по́льзы бы́ли разда́влены чьей-то гру́бой си́лой.

Лю́ди говори́ли, что в дубо́вой ро́ще на го́рных склóнах жил ди́кий вепрь, кото́рый по ноча́м спуска́лся с горы́ и опустоша́л поля́. Но так страшны́ бы́ли его́ клыки́ и копы́та, что никто́ не отва́живался пойти́ в лес и уби́ть зло́го хи́щника.

Царь Еврисфе́й приказа́л Гера́клу отпра́виться на охо́ту за Эрима́нфским ве́прем.

Удивля́ясь, что до тех пор не нашло́сь в селе́нии ме́ткого стрелка́, потому́ что уби́ть кабана́ не тако́е уж тру́дное де́ло, геро́й пошёл оди́н на Эрима́нфскую го́ру.

Взбира́ясь вверх по круто́му скло́ну, он услы́шал ко́нский то́пот, и вдруг ми́мо него́ промча́лся в доли́ну табу́н ди́ких коне́й. Но, пригляде́вшись при́стальнее, Гера́кл уви́дел, что э́то бы́ли не ко́ни. Сло́вно полчелове́ка сросло́сь с полови́ной ло́шади — на ко́нском кру́пе челове́ческое ту́ловище с голово́й и рука́ми. Издали каза́лось, что свире́пые вса́дники мча́тся на бы́стрых коня́х.

— Кента́вры! — воскли́кнул Гера́кл.

Как бу́ря, пронесли́сь кента́вры ми́мо Гера́кла, лома́я всё на своём пути́, и помча́лись пря́мо в селе́ние, располо́женное под горо́й.

«Это страшне́е ди́кого ве́пря!» — поду́мал Гера́кл и по́нял тепе́рь, почему́ Еврисфе́й посла́л его́ сюда́ на охо́ту.

Но он не испуга́лся и пошёл да́льше. Ско́ро он уви́дел пеще́ру, пе́ред кото́рой стоя́л на стра́же молодо́й кента́вр.

Гера́кл сме́ло подошёл к нему́ и сказа́л дружелю́бно:

— Я ца́рский охо́тник. Царь приказа́л мне вы́следить и уби́ть ди́кого ве́пря, кото́рый живёт здесь на горе́. Не ука́жешь ли мне, как найти́ его́?

Кента́вр отвеча́л охо́тно:

— Этот вепрь си́льно досажда́ет и нам, обита́телям э́того ле́са. Из-за него́ я до́лжен стере́чь пеще́ру, что́бы он не опустоши́л на́ше жили́ще. Хорошо́, е́сли ты убьёшь его́. Я укажу́ тебе́ след его́. Но снача́ла будь мои́м го́стем.

И он ввёл Гера́кла в пеще́ру, развёл ого́нь в очаге́ и стал угоща́ть охо́тника мя́сом и плода́ми.

— Я привы́к пи́щу запива́ть вино́м,— сказа́л Гера́кл,— но у вас, наве́рно, нет вина́.

— Как бы не так! — закрича́л хвастли́во кента́вр.— Сам Диони́с, бог вина́ и весе́лья, подари́л нам неда́вно це́лую бо́чку молодо́го вина́. Так и быть, угощу́ тебя́, но пусть об э́том не зна́ют мои́ това́рищи.

И он откры́л заве́тную бо́чку, зачерпну́л вина́ себе́ и Гера́клу, и они́ пи́ли и весели́лись.

Вдруг у пеще́ры послы́шался стук копы́т: за́пах вина́ привлёк кента́вров, и они́ прискака́ли, томи́мые жа́ждой. Узна́в, что кто́-то чужо́й прони́к в их жили́ще и пьёт их вино́, они́ рассвирепе́ли и с ди́кими кри́ками подступи́ли к пеще́ре.

Гера́кл из глубины́ пеще́ры стал броса́ть в них горя́щие головни́ из очага́. Испуга́вшись огня́, они́ убежа́ли.

Гера́кл вы́брался из пеще́ры и хоте́л уйти́ в лес. Но кента́вры сторожи́ли его́ и, уви́дев, что он оди́н, ободри́лись и напа́ли на него́ сно́ва. Тогда́ он стал пуска́ть в них стре́лы, отра́вленные кро́вью Лерне́йской ги́дры, и оди́н за други́м они́ па́дали на зе́млю мёртвые.

В э́то вре́мя вы́шел из пеще́ры молодо́й кента́вр, угоща́вший Гера́кла, и с удивле́нием смотре́л на тру́пы кента́вров, лежа́вшие вокру́г.

— Как! Этот ма́ленький кусо́чек де́рева поража́ет на́смерть? — спроси́л он.— Эта то́нкая па́лочка мо́жет уби́ть? — И он вы́нул стрелу́ из те́ла одного́ из уби́тых.

— Осторо́жно! — кри́кнул Гера́кл.

Но бы́ло уже́ по́здно: кента́вр вы́ронил стрелу́ из рук, и она́ вонзи́лась ему́ в но́гу. Не о́хнув, не кри́кнув, он упа́л мёртвый.

Гера́кл перенёс тела́ уби́тых кента́вров в пеще́ру, завали́л её больши́м ка́мнем, как гробни́цу, и пошёл да́льше.

Без труда́ вы́следил он в лесу́ ве́пря, ра́нил его́ в но́гу, связа́л и, взвали́в себе́ на пле́чи, верну́лся в Мике́ны и яви́лся во дворе́ц Еврисфе́я.

Ди́кий вепрь реве́л на весь дворе́ц, и царь Еврисфе́й со стра́ха зале́з в большо́й ме́дный чан для воды́, стоя́вший на дворе́.

Гера́кл всё же разыска́л его́. Но едва́ царь уви́дел над кра́ем ча́на стра́шную мо́рду ве́пря, он замаха́л рука́ми и закрича́л то́нким го́лосом:

— Уходи́, уходи́ скоре́е!

Гера́кл посмея́лся, ушёл и приказа́л заре́зать ве́пря и устро́ить угоще́ние наро́ду.

ПЯТЫЙ ПОДВИГ

Геракл разгоняет Стимфальских птиц

У бо́га войны́ Аре́са была́ ста́я ди́ких птиц. Ко́гти и клю́вы у них бы́ли желе́зные, а ме́дные пе́рья их, выпада́я из те́ла, лете́ли вниз со стра́шной си́лой и убива́ли, как стре́лы. Пти́цы жи́ли в гора́х, в глубине́ уще́лья у Стимфа́льского о́зера. Во́ды из э́того о́зера втека́ли в подзе́мную пеще́ру и посыла́ли руче́й в глубь земли́, в ца́рство мёртвых. Озеро бы́ло необита́емо, и его́ окру-

жа́ли го́лые ска́лы. То́лько на о́строве посреди́ о́зера рос высо́кий тростни́к, и в нём жи́ли пти́цы бо́га войны́. Они́ пита́лись челове́чьим мя́сом и отсю́да вылета́ли ста́ей на крова́вую охо́ту.

Царь Еврисфе́й приказа́л Гера́клу идти́ к Стимфа́льскому о́зеру и прогна́ть птиц Аре́са далеко́ за мо́ре. Гера́кл позва́л с собо́й Иола́я, взял свой лук с ядови́тыми стре́лами и отпра́вился в го́ры. До́лго они́ блужда́ли по кру́чам, наконе́ц пришли́ в уще́лье, на дне кото́рого лежа́ло Стимфа́льское о́зеро.

Пусты́нно и ди́ко бы́ло всё вокру́г: го́лые ка́мни — ни травы́, ни цветка́, ни де́рева. Ве́тер не шевели́л ря́бью гла́дкую пове́рхность о́зера, ры́бка не выплёскивалась из воды́, я́щерица не гре́лась на со́лнце ме́жду камня́ми. Мёртвая тишина́ стоя́ла над о́зером. Гера́кл и Иола́й се́ли на ка́мни у са́мой воды́ и смотре́ли на неподви́жное о́зеро. Тоска́ на них напа́ла, уста́лость ско́вывала те́ло, ста́ло тру́дно дыша́ть.

— Со мной твори́тся что́-то нела́дное,— сказа́л Гера́кл дру́гу,— тру́дно дыша́ть, се́рдце замира́ет, и лук выпада́ет из мои́х рук...

Волше́бный сон завладе́л и́ми.

Тогда́ с островка́ посреди́ о́зера со зво́ном одна́ за друго́й подняли́сь огро́мные кра́сные пти́цы. Верени́цей, друг за дру́гом, они́ кружи́ли над о́зером, над уще́льем и ско́ро, как ту́ча, закры́ли всё не́бо, и багро́вая тень легла́ на́ воду.

Вдруг что́-то упа́ло о́коло спя́щего Гера́кла, загреме́в о ка́мни, и он просну́лся.

Около него́ лежа́ла проста́я деревя́нная трещо́тка, кото́рой крестья́не прогоня́ют птиц из садо́в и огоро́дов. Её посла́ла геро́ю боги́ня Афи́на, му́драя наста́вница и помо́щница люде́й.

Гера́кл вскочи́л, разбуди́л Иола́я, дал ему́

трещо́тку и веле́л трясти́ её. Она́ треща́ла и греме́ла над спя́щим о́зером, и го́рное э́хо стокра́т умножа́ло шум. Испу́ганные непривы́чными зву́ками, пти́цы броса́лись из стороны́ в сто́рону и разлета́лись в беспоря́дке, роня́я пе́рья. Гера́кл схвати́л лук и пуска́л в птиц стрелу́ за стрело́й. Сражённые пти́цы па́дали в о́зеро, и тяжёлое опере́ние тяну́ло их на дно.

Укры́вшись шку́рой Неме́йского льва, кото́рую не могли́ проби́ть никаки́е стре́лы, Гера́кл с ожесточе́нием поража́л стра́шных Стимфа́льских птиц. Мно́жество их утону́ло в чёрных во́дах о́зера. Тепе́рь о́но уже́ не́ было споко́йным: вода́ в нём клуби́лась и клокота́ла, бе́лый пар поднима́лся к не́бу.

Оста́вшиеся в живы́х пти́цы подняли́сь высоко́ над о́зером, собрали́сь ста́ей и улете́ли прочь. Они́ поки́нули Гре́цию и опусти́лись далеко́-далеко́, на пусты́нном о́строве в бу́рном мо́ре.

— Скоре́е прочь отсю́да,— сказа́л Гера́кл,— пока́ нас не охвати́л сме́ртный сон.— И, бро́сив в кипя́щую во́ду трещо́тку Афи́ны, друзья́ ушли́ от мёртвого о́зера.

ШЕСТОЙ ПОДВИГ

Геракл очищает Авгиевы конюшни

Несказа́нно бога́т был царь Эли́ды Авги́й. Бесчи́сленные стада́ его́ быко́в и ове́ц и табуны́ коне́й пасли́сь в плодоро́дной доли́не реки́ Алфе́я. Три́ста коне́й с нога́ми бе́лыми, как снег, бы́ло у него́, две́сти — кра́сных, как медь; двена́дцать коне́й бы́ли все бе́лые, как ле́беди, а у одного́ из них блесте́ла во лбу звезда́.

Гера́кл пуска́л в птиц стрелу́ за стрело́й.

Так мно́го бы́ло у Авгия скота́, что слу́ги не успева́ли чи́стить хлева́ и коню́шни, и за мно́го лет в них накопи́лось наво́за до са́мых крыш.

Царь Еврисфе́й, жела́я удружи́ть Авгию и уни́зить Ге́ракла, посла́л геро́я чи́стить Авгиевы коню́шни.

Гера́кл яви́лся в Эли́ду и сказа́л Авгию:

— Если ты отда́шь мне деся́тую часть свои́х коне́й, я очи́щу коню́шни в оди́н день.

Авгий засмея́лся: он ду́мал, что их во́все нельзя́ очи́стить. Поэ́тому царь сказа́л Гера́клу:

— Я отда́м тебе́ деся́тую часть мои́х коне́й, е́сли ты в оди́н день очи́стишь мои́ коню́шни.

Тогда́ Гера́кл потре́бовал, что́бы ему́ да́ли лопа́ту, и Авгий, усмеха́ясь, веле́л принести́ её геро́ю.

— До́лго же тебе́ придётся рабо́тать э́той лопа́той! — сказа́л он.

— Оди́н то́лько день,— сказа́л Гера́кл и пошёл на бе́рег Алфе́я.

Полдня́ он усе́рдно рабо́тал лопа́той. Земля́ взлета́ла из-под неё и ложи́лась высо́ким ва́лом. Гера́кл запруди́л ру́сло реки́ и отвёл её пря́мо в ца́рские коню́шни. Во́ды Алфе́я стреми́тельно потекли́ че́рез них, унося́ с собо́й наво́з, сто́йла, корму́шки, да́же ве́тхие сте́ны.

Оперши́сь на лопа́ту, Гера́кл смотре́л, как прово́рно рабо́тала река́, и то́лько иногда́ приходи́л ей на по́мощь. К захо́ду со́лнца коню́шни бы́ли очи́щены.

— Не взыщи́, царь,— сказа́л Гера́кл,— я очи́стил твои́ коню́шни не то́лько от наво́за, но и от всего́, что бы́ло ве́тхо и давно́ сгни́ло. Я сде́лал бо́льше, чем обеща́л. Тепе́рь ты отда́й мне обе́щанное.

Но жа́дный Авгий заспо́рил, стал брани́ться

Во́ды Алфе́я стреми́тельно потекли́ че́рез ца́рские коню́шни. Опрши́сь на лопа́ту, Гера́кл смотре́л, как прово́рно рабо́тала река́.

и отказа́лся отда́ть Гера́клу коне́й. Тогда́ Гера́кл пришёл в я́рость, вступи́л в бой с Авгием и уби́л его́ в поеди́нке.

СЕДЬМОЙ ПОДВИГ

Геракл укрощает Критского быка

Шесть раз уже́ явля́лся Гера́кл в Мике́ны и по приказа́нию царя́ Еврисфе́я отправля́лся в опа́сный и тру́дный путь. Шесть сла́вных дел соверши́л: уби́л Неме́йского льва, уничто́жил Лерне́йскую ги́дру, пойма́л Керине́йскую лань, доста́вил в Мике́ны Эрима́нфского ве́пря, вы́гнал из Гре́ции Стимфа́льских птиц и в оди́н день очи́стил Авгиевы коню́шни. И вот сно́ва призва́л геро́я Еврисфе́й и приказа́л ему́ плыть че́рез мо́ре на о́стров Крит и укроти́ть свире́пого быка́, с кото́рым никто́ из кри́тян не мог спра́виться.

Этот бык приплы́л когда́-то к о́строву Кри́ту, и кри́тский царь Ми́нос обеща́л бо́гу море́й Посейдо́ну принести́ быка́ ему́ в же́ртву. Но белосне́жный бык с золоты́ми рога́ми так понра́вился Ми́носу, что царь оста́вил его́ себе́, а Посейдо́ну принёс в же́ртву друго́го быка́. Бог мо́ря разгне́вался и насла́л бе́шенство на краса́вца быка́. Бык взбеси́лся, вы́рвался из сто́йла, убежа́л с ца́рского двора́ и стал грозо́й всего́ о́строва.

Гера́кл отпра́вился на бе́рег мо́ря, сел на финики́йский кора́бль и поплы́л на Крит. Налете́ла бу́ря, до́лго носи́ла кора́бль по бу́рному мо́рю, наконе́ц разби́ла его́, и во́лны вы́бросили обло́мки на бе́рег чужо́й, незнако́мой страны́.

Здесь росли́ дере́вья, похо́жие на пучки́ больши́х пе́рьев: пря́мо из ствола́ выходи́ли то́лстые

стéбли, на котóрых качáлись ли́стья, таки́е боль-ши́е, что под кáждым мог укры́ться человéк.

Герáкл и егó уцелéвшие спýтники отдохнýли в тени́ э́тих дерéвьев и пошли́ вдоль бéрега по горя́чему жёлтому пескý. Дóлго шли они́ и наконéц пришли́ в большóй гóрод у мóря. В гáвани бы́ло мнóго кораблéй, а на берегý стоя́ли высóкие кáменные дворцы́ и хрáмы.

— Вы в Еги́пте,— сказáли им жи́тели, спеши́вшие в храм на прáздник,— а прáвит Еги́птом вели́кий Бузи́рис, могýчий и грóзный царь.

Герáкл попроси́л отвести́ их к царю́. Но едвá чужезéмцы вошли́ во дворéц, как бы́ли схвáчены и закóваны в цéпи.

— Вы пришли́ вóвремя,— сказáл им жестóкий власти́тель Еги́пта,— ны́нче прáздник в Еги́пте, и я принесý вас в жéртву богáм.

— Бóги не принимáют человéческих жертв,— сказáл Герáкл.

Но Бузи́рис засмея́лся и ответи́л:

— А вот мы провéрим! Ты пéрвый бýдешь закóлот жрецóм — посмóтрим, угóден ли ты богáм.— И приказáл вести́ плéнников в большóй храм посреди́ гóрода.

Герáкла и егó спýтников привели́ в храм, пóлный нарóда. Но едвá тóлько зажгли́ огóнь у жéртвенника и стáрый жрец взял свой óстрый и дли́нный нож, Герáкл со всей си́лой напря́г свои́ мы́шцы и разорвáл цепь, котóрой был свя́зан. Обры́вком цéпи он удáрил жрецá и уби́л егó. Потóм в гнéве расшвыря́л цáрскую стрáжу, óтнял у Бузи́риса меч и заколóл злóго царя́. Поражённые си́лой герóя, египтя́не не посмéли егó трóнуть. Он освободи́л свои́х товáрищей и поспеши́л с ни́ми на бéрег мóря. Там они́ нашли́ корáбль, котóрый мог достáвить их на Крит.

Бы́стро дости́гли они́ тепе́рь берего́в Кри́та. Гера́кл прости́лся со свои́ми спу́тниками и оди́н пошёл по бе́регу. Ско́ро он уви́дел бе́шеного быка́. Гремя́ обо́рванной це́пью и свире́по рыча́, с на́литыми кро́вью глаза́ми, мча́лся на него́ бык. Бе́лая пе́на па́дала кло́чьями из раскры́той па́сти. Гера́кл спря́тался за де́рево и ждал. Бык останови́лся, нагну́л го́лову и стал рыть нога́ми зе́млю. Тогда́ Гера́кл схвати́л коне́ц це́пи, волочи́вшийся по земле́, и вскочи́л быку́ на́ спину. Бык задрожа́л, стал брыка́ться, стара́ясь сбро́сить со спины́ неожи́данную но́шу. Но Гера́кл обви́л его́ рога́ це́пью и кре́пко держа́л её. Бык жа́лобно зареве́л и понёсся к мо́рю. Он бро́сился в во́лны и поплы́л. В мо́ре бе́шенство поки́нуло его́, он стал сми́рен, как рабо́чий вол на по́ле, и послу́шно приплы́л с Гера́клом в Мике́ны.

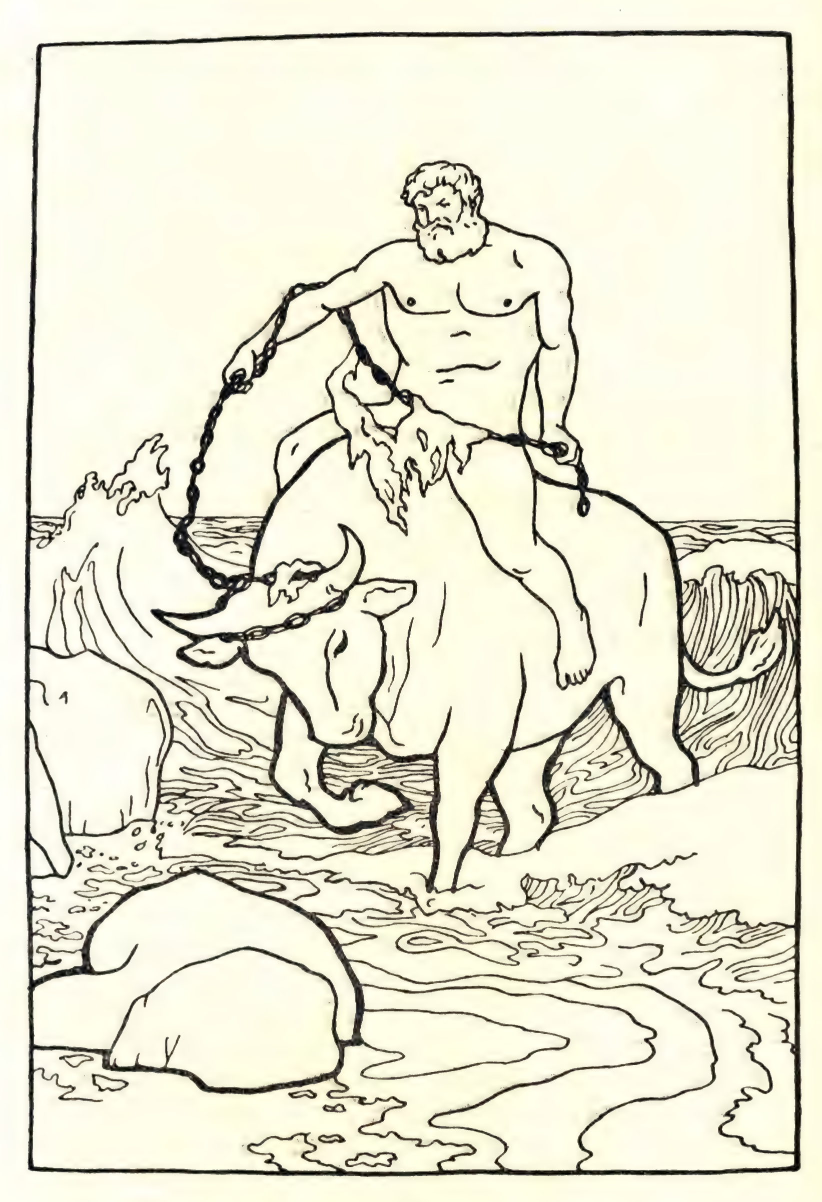
Гера́кл сам отвёл его́ на ско́тный двор царя́ Еврисфе́я. Но пастухи́ боя́лись свире́пого быка́ и не могли́ удержа́ть его́ в хлеву́. Он убежа́л от них и стал гуля́ть по всему́ Пелопонне́су, никому́ не дава́ясь в ру́ки, пока́ его́ не пойма́л друг Гера́кла, Тезе́й, и не принёс в же́ртву бога́м.

ВОСЬМОЙ ПОДВИГ

Геракл добывает коней Диомеда

Вновь веле́л Еврисфе́й Гера́клу отпра́виться в да́льний путь — добы́ть коне́й фраки́йского царя́ Диоме́да.

В пе́рвый раз за вре́мя свое́й слу́жбы царю́ Гера́кл смути́лся. Он не испуга́лся ни льва, ни ги́дры, ни до́лгих скита́ний, ни тяжёлой рабо́ты, ни крова́вой би́твы, ни людско́го кова́рства. Но де́ло, на кото́рое тепе́рь посыла́л его́ царь, каза́-

Гера́кл обви́л рога́ бе́шеного быка́ це́пью
и кре́пко держа́л её.

лось ему́ недосто́йным геро́я. Добы́ть у друго́го то, что ему́ принадлежи́т по пра́ву,— зна́чило отня́ть си́лой и́ли похи́тить укра́дкой, а Гера́кл не хоте́л быть ни разбо́йником, ни во́ром.

С тяжёлым се́рдцем отпра́вился он в доро́гу, реши́в, что путь до Фра́кии до́лгий и он успе́ет обду́мать, как ему́ быть.

Он пришёл в Фесса́лию, в го́род Фе́ры, где ца́рствовал счастли́вый и до́брый царь Адме́т, люби́мец бо́га Аполло́на.

Бог све́та когда́-то в гне́ве соверши́л уби́йство, и за э́то Зевс приказа́л ему́ це́лый год служи́ть челове́ку.

Аполло́н яви́лся к царю́ Адме́ту и це́лый год пас его́ стада́. И сча́стье пришло́ к Адме́ту: ще́дрый урожа́й дава́ла ему́ земля́, стада́ его́ умножа́лись без числа́, мир и дово́льство цари́ли в Фе́рах и во дворце́ царя́.

Но лу́чше бога́тства и доро́же благополу́чия была́ молода́я цари́ца Алке́ста, кото́рую Аполло́н помо́г Адме́ту добы́ть себе́ в жёны.

Оте́ц её, Пе́лий, объяви́л, что вы́даст дочь лишь за того́, кто суме́ет впрячь в колесни́цу льва и медве́дя вме́сте и на них прие́хать за неве́стой. Аполло́н укроти́л ди́ких звере́й, они́ послу́шно впрягли́сь в колесни́цу Адме́та и отвезли́ его́ к отцу́ Алке́сты. Алке́ста ста́ла жено́й Адме́та; они́ жи́ли сча́стливо и име́ли дете́й.

Когда́ око́нчился срок слу́жбы Аполло́на Адме́ту, бог све́та, уходя́, захоте́л сде́лать ещё что́-то до́брое для царя́. По жела́нию Аполло́на, Мо́йры, боги́ни судьбы́, кото́рые держа́ли в рука́х нить ка́ждой челове́ческой жи́зни, согласи́лись отсро́чить Адме́ту смерть, е́сли в час кончи́ны найдётся челове́к, кото́рый захо́чет его́ замени́ть.

И вот пришёл час, когда́ повели́тель ца́рства мёртвых посла́л Смерть за Адме́том, и Мо́йры спроси́ли:

— Кто хо́чет замени́ть собо́й Адме́та и вме́сто него́ умере́ть?

Ни друзья́, ни ве́рные слу́ги, ни да́же ста́рые роди́тели царя́ — никто́ не хоте́л расста́ться со свое́й жи́знью и умере́ть за друго́го. Тогда́ прекра́сная Алке́ста сказа́ла му́жу:

— Мой ми́лый, я с ра́достью пойду́ за тебя́ на смерть. Всё равно́ без тебя́ мне не жить на све́те. Пусть умру́ я, живи́ ты. То́лько об одно́м прошу́ тебя́: не вводи́ в наш дом друго́й же́нщины. Обеща́й мне э́то, и я умру́ споко́йно.

Адме́т обеща́л никогда́ не вводи́ть в дом друго́й жены́.

Алке́ста наде́ла чи́стые оде́жды, легла́ на посте́ль и ста́ла ждать Смерть, кото́рая должна́ была́ прилете́ть за не́ю. Мо́лча стоя́ли вокру́г неё де́ти, муж и все бли́зкие и печа́льно смотре́ли на неё в после́дний раз. И вот чёрная тень упа́ла на лицо́ цари́цы, глаза́ её закры́лись, за́мерло дыха́ние.

Плач и сто́ны напо́лнили дворе́ц и го́род. Жи́тели Фер в знак печа́ли остри́гли ко́ротко свои́ во́лосы и гри́вы свои́х коне́й. За го́родом постро́или пы́шную гробни́цу и назна́чили день похоро́н.

Как раз в э́то вре́мя Гера́кл, ничего́ не зна́я, пришёл во дворе́ц Адме́та и, как пу́тник, попроси́лся переночева́ть. Адме́т, хоть был опеча́лен сме́ртью жены́, не мог отказа́ть Гера́клу в гостеприи́мстве; ла́сково при́нял его́, веле́л пригото́вить ему́ ко́мнату во дворце́ и хорошо́ угости́ть геро́я, а сам отпра́вился на по́хороны Алке́сты.

Уста́лый Гера́кл с удово́льствием отдыха́л в прохла́дной и чи́стой ко́мнате, а насы́тившись и вы́пив вина́, развесели́лся, стал шуме́ть и доса́довал, что нет у него́ собесе́дника за столо́м.

Ста́рый слуга́, кото́рый подава́л ему́ ку́шанье, смотре́л на него́ суро́во и не мог скрыть свою́ печа́ль.

Гера́кла рассерди́л его́ мра́чный вид.

— Что ты гляди́шь на меня́ так стро́го? — спроси́л он.— Твой господи́н меня́ при́нял, как дру́га, а хоро́ший слуга́ приве́тствует тех, кого́ ла́сково встреча́ет хозя́ин. Подойди́ ко мне, вы́пей со мной, что́бы мне не́ было ску́чно пить одному́. Вы́пей со мной и развесели́сь!

Но ста́рый слуга́ с уко́ром покача́л голово́й и сказа́л:

— Нехорошо́ смея́ться и пить, когда́ в до́ме го́ре.

— Го́ре? — спроси́л удивлённый Гера́кл.— Что же случи́лось в э́том счастли́вом до́ме?

И услы́шал в отве́т, что жена́ Адме́та умерла́ и в э́тот час её хорони́ли.

Разгоре́лось се́рдце Гера́кла, и он реши́лся на небыва́лое де́ло.

Бы́стро наки́нул он на пле́чи свой плащ и поспеши́л на моги́лу цари́цы. Он останови́лся по́одаль и ждал.

Когда́ родны́е, друзья́ и сограждане бе́дной Алке́сты разошли́сь в печа́ли, Гера́кл подошёл к моги́ле и укры́лся за де́ревом у вхо́да. И едва́ то́лько Смерть яви́лась на моги́лу, что́бы унести́ в подзе́мное ца́рство бле́дную тень уме́ршей, Гера́кл вы́ступил из заса́ды и бро́сился в бой со Сме́ртью. С тако́й си́лой напа́л он на неё, что Смерть смути́лась и вы́ронила свой меч на зе́млю. Гера́кл схвати́л Смерть за пле́чи свои́ми могу́-

чими рука́ми и не отпуска́л её до тех пор, пока́ она́ не согласи́лась отда́ть ему́ Алке́сту.

Одино́ко сиде́л Адме́т в своём опусте́вшем до́ме. Вдруг шу́мно и ве́село вошёл Гера́кл, ведя́ за собо́й же́нщину под дли́нным покрыва́лом.

— По́лно, Адме́т,— сказа́л Гера́кл царю́,— заче́м тебе́ печа́литься? Уте́шься! Посмотри́, я привёл к тебе́ э́ту же́нщину. Я добы́л её для тебя́ в поеди́нке. Она́ уте́шит тебя́. Развесели́сь же и будь сча́стлив, как пре́жде!

Адме́т отве́тил Гера́клу:

— Я обеща́л мое́й люби́мой, что никогда́ не возьму́ себе́ другу́ю жену́. Уведи́ э́ту же́нщину из моего́ до́ма: я не хочу́ смотре́ть на неё.

Тогда́ Гера́кл снял с же́нщины покрыва́ло, и

Адме́т уви́дел Алке́сту. Он бро́сился к ней и остано́вился в стра́шном испу́ге: ведь она́ умерла́, он сам похорони́л её!

— Не бо́йся,— успоко́ил его́ Гера́кл,— она́ жива́я: Смерть отдала́ мне её, и я возвраща́ю тебе́ твою́ подру́гу. Живи́те и бу́дьте сча́стливы до́лгие го́ды!

Ра́достно бро́сились друг дру́гу в объя́тия царь и цари́ца.

Чуде́сная весть мгнове́нно разнесла́сь по дворцу́ и по всему́ го́роду.

Весе́лье смени́ло печа́ль, жи́тели Фер покры́ли свои́ стри́женые го́ловы, пы́шно разукра́сили свои́х коне́й и устро́или весёлый пир.

А Гера́кл уже́ шага́л да́льше, дово́льный, что ему́ удало́сь принести́ ра́дость лю́дям.

Дойдя́ до мо́ря, он сел на кора́бль и поплы́л во Фра́кию. Моряки́, кото́рые скита́ются по всему́ све́ту и зна́ют бо́льше други́х люде́й, рассказа́ли Гера́клу всё, что зна́ли про фраки́йского царя́ Диоме́да и его́ коне́й.

Этот царь был свире́п и жесто́к и не люби́л чужезе́мцев. Он вы́строил у мо́ря кре́пость с высо́кими ка́менными стена́ми и глубо́ким рвом вокру́г и жил там, окружённый свои́ми во́инами.

Когда́ незнако́мый кора́бль пока́зывался у бе́рега, Диоме́д посыла́л свои́х слуг звать прие́зжих в го́сти. Он угоща́л их у себя́ во дворце́ и хвали́лся пе́ред ни́ми свои́ми коня́ми.

Четвёрка ди́ких коне́й была́ у царя́ Диоме́да. Никто́ не мог ни обузда́ть их, ни впрячь в колесни́цу. Желе́зными цепя́ми они́ бы́ли прико́ваны к сто́йлам. Ого́нь и дым вылета́ли у них из па́сти. Пита́лись они́ не траво́й, не зерно́м, а све́жим челове́чьим мя́сом. Но э́того не говори́л Диоме́д гостя́м. Когда́ же го́сти вы-

ража́ли жела́ние посмотре́ть на чуде́сных коне́й, царь отводи́л чужезе́мцев в коню́шню и отдава́л на съеде́ние свои́м люби́мцам.

Вот что рассказа́ли моряки́ Гера́клу.

Тепе́рь рассе́ялись все сомне́ния Гера́кла: изба́вить мир от стра́шных чудо́вищ-коне́й и от жесто́кого царя́ Диоме́да бы́ло де́лом, досто́йным геро́я.

Подплыва́я к Фраки́йской земле́, Гера́кл собра́л са́мых сме́лых из моряко́в и, сойдя́ на бе́рег, потре́бовал у царя́ Диоме́да его́ коне́й. Царь вы́слал про́тив Гера́кла во́йско, но Гера́кл с това́рищами разби́л его́, уби́л Диоме́да и о́тдал те́ло зло́го царя́ на растерза́ние его́ коня́м-людое́дам.

Пото́м он погрузи́л коне́й на кора́бль и отвёз к царю́ Еврисфе́ю. Еврисфе́й приказа́л отвести́ коне́й в Арка́дию, в Лике́йские го́ры, и вы́пустить в лесу́. Там их растерза́ли ди́кие зве́ри.

ДЕВЯТЫЙ ПОДВИГ

Геракл завоёвывает пояс Ипполиты

У царя́ Еврисфе́я была́ ю́ная дочь Адме́та. Одна́жды она́ пришла́ к отцу́ и сказа́ла:

— Говоря́т, далеко́ на восто́ке есть ца́рство, где вла́ствуют же́нщины. Там же́нщина — глава́ и опо́ра семьи́ и госпожа́ в до́ме. Же́нщины там управля́ют города́ми, торгу́ют и су́дят, прино́сят в хра́мах же́ртвы бога́м и реша́ют дела́ госуда́рства. Вооружённые, ска́чут они́ на боевы́х коня́х и хра́бро вою́ют с врага́ми. Они́ называ́ют себя́ амазо́нками, презира́ют мужчи́н и хва́лятся своей непобеди́мостью. Моя́

покровительница Гера, супруга великого Зевса, открыла мне, что вся сила воинственных амазонок в кожаном поясе, который бог войны Арес подарил царице Ипполите. Пока она носит этот пояс, никто не может победить её, а с нею и всех амазонок. Отец! Я хочу быть непобедимой, как эта женщина, и царствовать, ни с кем не разделяя власти. Я хочу получить пояс Ипполиты!

Царь приказал Гераклу отправиться в страну амазонок и добыть пояс царицы Ипполиты.

Царство амазонок было далеко на востоке, в Малой Азии.

Геракл снарядил корабль, позвал с собой своих верных друзей — Иолая, афинского царевича Тезея и других. Они поплыли тем путём, который был открыт для всех мореплавателей отважными аргонавтами. Долго плыли они; наконец по бурному Чёрному морю приплыли к реке Фермодонту, поднялись по течению и достигли города Фемискиры — столицы амазонок.

У ворот стояли вооружённые женщины; кожаные шлемы были на них, короткие рубашки и узкие, длинные штаны до щиколоток; через плечо у амазонок висели щиты в форме месяца, а в руках они держали топорики с двумя лезвиями.

Стража не впустила Геракла с товарищами в город, и они вынуждены были расположиться на берегу реки, протекавшей близ городской стены.

Вскоре прискакала на великолепном коне сама царица Ипполита с отрядом вооружённых девушек. Среди них была красавица Антиопа, любимая подруга царицы.

Её красота́ одна́жды едва́ не погуби́ла амазо́нок. Давно́ заду́мывали амазо́нки похо́д в Гре́цию и вот, переплы́в мо́ре, яви́лись под стена́ми Афи́н и осади́ли прекра́сный го́род. Афи́няне не́ были гото́вы к оса́де. Ещё немно́го, и го́род был бы в рука́х воинственных же́нщин. Но среди́ афи́нских во́инов Антио́па уви́дела царе́вича Тезе́я, и в се́рдце её вспы́хнула любо́вь к нему́. Тезе́ю то́же приглян́улась краса́вица амазо́нка; с её по́мощью он наде́ялся спасти́ родно́й го́род. Но́чью он яви́лся тайко́м в ла́герь амазо́нок — уви́деться с Антио́пой.

Ипполи́та догада́лась о любви́ свое́й подру́ги и, боя́сь изме́ны, приказа́ла неме́дленно снять оса́ду. Амазо́нки отступи́ли от Афи́н и верну́лись в свою́ страну́. Антио́па была́ разлучена́ с Тезе́ем. Но она́ не забы́ла его́ и тепе́рь, уви́дев среди́ това́рищей Гера́кла Тезе́я, обра́довалась, и любо́вь её разгоре́лась ещё сильне́е.

Тезе́й то́же узна́л её, незаме́тно прибли́зился к ней и усло́вился о та́йном свида́нии.

Ипполи́та спроси́ла Гера́кла, заче́м он яви́лся в страну́ амазо́нок.

Гера́кл отве́тил, что ему́ прика́зано добы́ть по́яс цари́цы Ипполи́ты.

— То́лько в бою́, то́лько победи́телю отда́м я свой по́яс,— сказа́ла цари́ца.— Бе́йтесь с на́ми, и, е́сли вы победи́те, по́яс бу́дет ваш!

Так говори́ла Ипполи́та, зна́я, что, пока́ по́яс на ней, никто́ не смо́жет её победи́ть.

Оба отря́да разошли́сь — гото́виться к бо́ю. Амазо́нки умча́лись в го́род, а спу́тники Гера́кла расположи́лись на ночле́г в своём ла́гере у реки́.

Тезе́я всю ночь не́ было в ла́гере. Утром

он яви́лся торжеству́ющий и о́тдал Гера́клу волше́бный по́яс.

— Как! Ты добы́л его́ без бо́я? — удиви́лся Гера́кл.

— Антио́па похи́тила его́ у цари́цы и отдала́ мне,— сказа́л Тезе́й.

Гера́кл не захоте́л воспо́льзоваться добы́чей, полу́ченной обма́ном, и бой начался́.

На ди́ком коне́, бы́стром, как ве́тер, помча́лась на Гера́кла Аэ́ла, са́мая стреми́тельная из амазо́нок. Гера́кл на всём скаку́ вы́бил из её рук топо́р. Она́ хоте́ла спасти́сь бе́гством, и конь помча́л её прочь, но стрела́ Гера́кла догнала́ её и порази́ла на́смерть. И друга́я амазо́нка, Прото́я, семь раз победи́тельница в поеди́нках, была́ уби́та Гера́клом.

Тогда́ вы́шли вперёд три де́вушки, три велико́лепные охо́тницы, кото́рых сама́ боги́ня Артеми́да брала́ с собо́й на охо́ту,— не́ было

им ра́вных в мета́нии копья́. Сра́зу все вме́сте стреми́тельно метну́ли они́ свои́ ко́пья, но промахну́лись. А копьё Гера́кла, просвисте́в, переби́ло ру́ки всем трём.

Страх напа́л на амазо́нок при ви́де пораже́ния их лу́чших войтельниц.

— Го́ре нам! Го́ре нам! Где же твой по́яс, Ипполи́та? — крича́ли они́.

Тоска́ сжа́ла се́рдце Антио́пы, преда́вшей свои́х подру́г, но в толпе́ э́ллинов она́ уви́дела Тезе́я, и любо́вь победи́ла в ней все други́е чу́вства.

Гро́зная с ви́ду, с отча́янием в душе́, вы́ехала вперёд Ипполи́та. То́лько она́ и Антио́па зна́ли о том, что волше́бный по́яс — в рука́х врага́. Войнственная цари́ца не хоте́ла вы́дать подру́гу свире́пым амазо́нкам и реши́ла лу́чше умере́ть в бою́.

Отва́жно броса́лась она́ в са́мые опа́сные

места́ би́твы, сама́ иска́ла сме́рти и вдруг упа́ла, смерте́льно ра́ненная стрело́й.

Уви́дев ги́бель свое́й цари́цы, амазо́нки смути́лись и обрати́лись в бе́гство. Мно́гие из них бы́ли взя́ты в плен, други́е уби́ты.

Пле́нницу Антио́пу Гера́кл о́тдал Тезе́ю, и Тезе́й сде́лал её свое́й жено́й.

Гера́кл верну́лся в Мике́ны, к царю́ Еврисфе́ю, и принёс ему́ по́яс Ипполи́ты. Царь подари́л его́ свое́й до́чери, но она́ не реши́лась носи́ть его́ и отдала́ в храм Ге́ры как дар боги́не.

ДЕСЯТЫЙ ПОДВИГ

Геракл открывает дорогу к океану и пригоняет стадо Гериона

Всё да́льше и да́льше посыла́л Еврисфе́й Гера́кла. Когда́ геро́й возврати́лся из похо́да в страну́ амазо́нок, царь веле́л ему́ отпра́виться на край све́та, туда́, где захо́дит со́лнце, на Багро́вый о́стров посреди́ океа́на, где трёхголо́вый велика́н Гerио́н пас ста́до кра́сных быко́в. Царь приказа́л Гера́клу пригна́ть э́тих быко́в в Мике́ны. Гера́кл отпра́вился на зака́т со́лнца.

Он прошёл всю́ Гре́цию, до́лго шёл по ра́зным стра́нам, отдыха́л у реки́ Эрида́на, наконе́ц подошёл к высо́ким гора́м на краю́ земли́ и стал иска́ть вы́хода к океа́ну. Но го́ры стоя́ли сплошно́й, непроходи́мой грядо́й. Тогда́ Гера́кл расшата́л две огро́мные скалы́ и раздви́нул их. Ме́жду ни́ми хлы́нула вода́, и э́то была́ вода́ океа́на. Мо́ре, кото́рое лежа́ло посреди́ земли́ и кото́рое лю́ди называ́ют Средизе́мным, соедини́лось с океа́ном. И до сих пор стоя́т там

на берега́х проли́ва, как два ка́менных стра́жа, огро́мные Гера́кловы Столпы́.

Гера́кл перешёл че́рез го́ры и уви́дел необозри́мые во́ды океа́на, омыва́ющего зе́млю. Там где́-то посреди́ океа́на лежа́л о́стров — цель его́ путеше́ствия. Но как переплы́ть океа́н?

Це́лый день просиде́л Гера́кл на берегу́ в разду́мье. Жар стал спада́ть, и ве́тер с океа́на принёс на зе́млю прохла́ду. Вдруг уви́дел Гера́кл совсе́м бли́зко спуска́ющуюся с не́ба о́гненную колесни́цу Ге́лиоса — бо́га Со́лнца. Гера́кл вскочи́л и ждал приближе́ния Ге́лиоса. Золоты́м бле́ском засверка́ла пове́рхность океа́на, и у са́мого бе́рега Гера́кл уви́дел золоту́ю, кру́глую, как ча́ша, ло́дку, в кото́рой бог Со́лнца, оста́вив свою́ колесни́цу, ка́ждый день переплыва́л океа́н. Тогда́ Гера́кл поду́мал, что Ге́лиос мо́жет перевезти́ его́ в свое́й ло́дке на Багро́вый о́стров. Геро́й махну́л руко́й и закрича́л Ге́лиосу:

— Стой, и́ли я бу́ду стреля́ть!

И, натяну́в тетиву́ своего́ лу́ка, ждал. Но Ге́лиос не оберну́лся.

Тогда́ Гера́кл рассерди́лся и кри́кнул опя́ть:

— Я не шучу́, и стре́лы мои́ смерте́льны!

Ге́лиос улыбну́лся, останови́л коне́й и, сойдя́ с колесни́цы, спроси́л:

— Кто ты, де́рзкий, и чего́ ты хо́чешь от меня́?

Гера́кл рассказа́л ему́, кто он, куда́ и заче́м по́слан, и проси́л Ге́лиоса перевезти́ его́ на Багро́вый о́стров.

Усмеха́ясь, Ге́лиос взял геро́я в свою́ золоту́ю ло́дку. Они́ поплы́ли по океа́ну. Ночна́я темнота́ покры́ла зе́млю. Ка́ждый ве́чер переплыва́л Ге́лиос с за́пада на восто́к, что́бы,

отдохну́в в своём высо́ком до́ме на восто́ке, сно́ва появи́ться у́тром на не́бе.

Когда́ они́ бы́ли уже́ на полпути́, что́-то зачерне́ло впереди́ — э́то был жела́нный о́стров.

Золота́я ло́дка прибли́зилась к бе́регу. Гера́кл вы́шел, и бог Со́лнца пожела́л геро́ю уда́чи.

Бы́ло темно́, и Гера́кл ничего́ не мог различи́ть вокру́г себя́. Дово́льный, что дости́г це́ли, он лёг под скало́й, заверну́лся в льви́ную шку́ру и кре́пко усну́л.

Утром его́ разбуди́л протя́жный и хри́плый лай. Гера́кл просну́лся и уви́дел, что он действи́тельно на Багро́вом о́строве: всё вокру́г бы́ло кра́сного цве́та — ска́лы, песо́к, доро́га. И да́же грома́дный лохма́тый пёс, что стоя́л пе́ред геро́ем и свире́по ла́ял на него́, был то́же багро́во-кра́сный.

Уви́дев, что Гера́кл просну́лся, пёс бро́сился на него́, вцепи́лся зуба́ми в его́ оде́жду. Гера́кл схвати́л свою́ дуби́нку, уда́рил пса, и тот, завизжа́в, покати́лся на зе́млю с проби́той голово́й.

Тогда́ с опу́шки багро́вого ле́са, ро́сшего невдалеке́, прибежа́л огро́мный кра́сный пасту́х: и во́лосы, и борода́, и лицо́, и оде́жда — всё у него́ бы́ло о́гненно-кра́сное. Разма́хивая свое́й пасту́шьей па́лкой и крича́ непоня́тные слова́, он набро́сился на Гера́кла.

Гера́кл бы́стро вы́бил па́лку из рук кра́сного пастуха́ и так си́льно уда́рил велика́на в грудь, что уложи́л и его́ ря́дом с уби́тым псом.

Гера́кл напра́вился к ле́су и уви́дел на опу́шке два ста́да: одно́ кра́сное, как всё на о́строве, друго́е чёрное, как ночь, и сторожи́л

его́ чёрный пасту́х в чёрной оде́жде, с чёрными волоса́ми и чёрным лицо́м.

При ви́де Гера́кла чёрный пасту́х с кри́ком убежа́л в лес. Пото́м из ле́са послы́шался стра́шный тройно́й рёв, и из-за дере́вьев показа́лся велика́н Гери́он. Три ту́ловища, сро́сшиеся вме́сте, шага́ли на шести́ нога́х, три головы́ гляде́ли гро́зно на Гера́кла, шесть рук угрожа́ли ему́. Гера́кл по́днял свой лук — стрела́ засвисте́ла и вонзи́лась в грудь велика́ну. То́тчас бесси́льно склони́лась одна́ голова́, две руки́ пови́сли, как пле́ти, вдоль те́ла, две ноги́ переста́ли дви́гаться и потащи́лись за други́ми, меша́я им. Но велика́н был уже́ так бли́зко, что Гера́кл не успе́л вы́стрелить втори́чно. Он по́днял свою́ дуби́нку и уда́рил Гери́она по второ́й голове́. И э́та сни́кла то́же, и ещё две руки́ опусти́лись, и уже́ четы́ре ноги́ болта́лись сни́зу и меша́ли Гери́ону идти́. Тогда́ Гера́кл отбро́сил дуби́нку прочь и схвати́лся с велика́ном врукопа́шную. Могу́чими рука́ми он обхвати́л его́, и они́ ста́ли боро́ться. Два мёртвых те́ла меша́ли велика́ну, ли́шние ру́ки болта́лись бесси́льно по бока́м, ли́шние но́ги толка́лись ме́жду нога́ми — и ско́ро пришёл Гери́ону коне́ц.

Тепе́рь Гера́кл мог увести́ кра́сное ста́до. Чёрный пасту́х убежа́л, кра́сный пасту́х был уби́т, и сам велика́н валя́лся на земле́ огро́мной мёртвой глы́бой. Но ста́до не хоте́ло слу́шать геро́я, быки́ не дви́гались с ме́ста. Гера́кл стал иска́ть вокру́г, чем мо́жно бы́ло бы их погна́ть, и нашёл во́зле уби́того пастуха́ кра́сную пасту́шью ду́дочку. Он приложи́л её к губа́м, ду́дочка запе́ла, и кра́сные быки́ послу́шно вста́ли с земли́ и пошли́ за Гера́клом. Окру-

жённый кра́сным ста́дом, стоя́л Гера́кл на берегу́ океа́на и ждал.

Ве́чером приплыла́ золота́я кру́глая ло́дка, и Гера́кл стал проси́ть Ге́лиоса перевезти́ его́ со ста́дом на зе́млю.

— Что ска́жут лю́ди, уви́дев, что Со́лнце возвраща́ется наза́д? — сказа́л Ге́лиос.

Но сме́лый геро́й понра́вился бо́гу Со́лнца, он уступи́л ему́ свою́ ло́дку, а сам оста́лся ночева́ть на о́строве.

В золото́й ло́дке Ге́лиоса Гера́кл довёз кра́сное ста́до до кра́я земли́ и погна́л его́ че́рез го́ры, че́рез чужи́е стра́ны — в Гре́цию.

По доро́ге случи́лось с ни́ми мно́го приключе́ний. У реки́ Ти́бра велика́н Как укра́л у него́ не́сколько быко́в. Гера́клу пришло́сь с ним дра́ться, и геро́й уби́л велика́на.

Пото́м оди́н бык упа́л в мо́ре; во́лны отнесли́ его́ в Сици́лию, и Гера́клу на́до бы́ло, оста́вив ста́до на попече́ние Гефе́ста, плыть на о́стров и сража́ться с царём Сици́лии, кото́рый не хоте́л верну́ть быка́.

Наконе́ц, уже́ недалеко́ от Аргоса, Ге́ра, кото́рая вся́чески стара́лась помеша́ть Гера́клу, напуга́ла быко́в, и они́ разбежа́лись. С трудо́м собра́л Гера́кл всех быко́в и привёл в Мике́ны. А царь Еврисфе́й подари́л всё кра́сное ста́до свое́й покрови́тельнице Ге́ре.

ОДИННАДЦАТЫЙ ПОДВИГ

Геракл доходит до края света и достаёт яблоки Гесперид

Давно́-давно́, когда́ на све́тлом Оли́мпе бо́ги справля́ли сва́дьбу Зе́вса и Ге́ры, Ге́я-Земля́ подари́ла неве́сте волше́бное де́рево, на кото́ром

сли́ золоты́е я́блоки. Эти я́блоки облада́ли сво́йством возвраща́ть челове́ку мо́лодость, и тот, кто суме́л бы их доста́ть, никогда́ не соста́рился бы.

Но никто́ из люде́й не знал, где находи́лся сад, в кото́ром росла́ чуде́сная я́блоня.

Пока́ Гера́кл, по прика́зу царя́, ходи́л по земле́ и сража́лся с чудо́вищами, Еврисфе́й в своём дворце́ старе́л и с ка́ждым днём станови́лся слабе́е и трусли́вее. Уже́ он начина́л боя́ться, что Гера́кл, победи́в весь свет, переста́нет его́ слу́шаться и сам захо́чет стать царём над всей Гре́цией. Еврисфе́й реши́л посла́ть Гера́кла так далеко́, что́бы он не верну́лся наза́д. Царь приказа́л геро́ю доста́ть три золоты́х я́блока с де́рева мо́лодости.

Гера́кл отпра́вился по све́ту иска́ть золоты́е я́блоки. Он опя́ть прошёл всю Гре́цию из конца́ в коне́ц, побыва́л в холо́дной, се́верной стране́ гиперборе́ев[1] и пришёл к реке́ Эрида́ну, где уже́ был одна́жды. Ни́мфы узна́ли его́, пожале́ли и научи́ли обрати́ться за сове́том к морско́му царю́ Нере́ю, кото́рый ви́дел всё, что скры́то от глаз люде́й.

Гера́кл пошёл к мо́рю и стал звать морско́го царя́. Во́лны хлы́нули на бе́рег, и на ре́звых дельфи́нах всплы́ли наве́рх весёлые Нерейды, до́чери морско́го царя́, а за ни́ми появи́лся вдали́ ста́рый Нере́й с дли́нной седо́й бородо́й. Гера́кл замани́л его́ на бе́рег, обхвати́л свои́ми могу́чими рука́ми и сказа́л, что не вы́пустит его́, пока́ он не откро́ет, где растёт волше́бная я́блоня Ге́ры. Нере́й вдруг преврати́лся в боль-

---

[1] Так дре́вние гре́ки называ́ли наро́д, жи́вший на кра́йнем се́вере Гре́ции.

шу́ю ры́бу, и она́ вы́скользнула из рук Гера́кла. Он бы́стро наступи́л ей на хвост — ры́ба зашипе́ла и ста́ла змеёй. Геро́й схвати́л змею́ и хоте́л задуши́ть — змея́ оберну́лась огнём. Гера́кл зачерпну́л воды́ из мо́ря и хоте́л зали́ть ого́нь — ого́нь преврати́лся в во́ду, вода́ потекла́ в мо́ре. Геро́й прегради́л ей путь и вы́рыл я́мку свое́й дуби́нкой — вода́ подняла́сь из я́мки и ста́ла де́ревом. Гера́кл вы́тащил меч и хоте́л сруби́ть де́рево — оно́ оберну́лось бе́лой пти́цей. В гне́ве схвати́л Гера́кл свой лук и уже́ натяну́л тетиву́. Тогда́ Нере́й при́нял свой первонача́льный вид и рассказа́л Гера́клу, что де́рево мо́лодости растёт на краю́ све́та, в саду́ нимф Геспери́д, дочере́й тита́на Атла́нта, что сторожи́т его́ стогла́зый драко́н, а Геспери́ды следя́т, что́бы он не усну́л ни днём ни но́чью, и что путь на край све́та лежи́т че́рез Ливи́йскую пусты́ню. Гера́кл потре́бовал, что́бы Нере́й перенёс его́ че́рез мо́ре в Ли́вию, и пошёл иска́ть край све́та.

До́лго брёл он по сыпу́чим песка́м пусты́ни и встре́тил велика́на ро́стом с корабе́льную ма́чту.

— Стой! — закрича́л велика́н.— Что тебе́ ну́жно в мое́й пусты́не?

— Я иду́ на край све́та, ищу́ сад Геспери́д, где растёт де́рево мо́лодости,— отве́тил Гера́кл.

— Здесь я хозя́ин,— сказа́л велика́н.— Я — Анте́й, сын Земли́. Я никого́ не пропуска́ю че́рез пусты́ню; ты до́лжен боро́ться со мной. Если победи́шь меня́ — пойдёшь да́льше. Если нет — оста́нешься здесь.— И он показа́л на ку́чу черепо́в и косте́й, полузасы́панных песко́м.

Не́чего де́лать, пришло́сь Гера́клу боро́ться с сы́ном Земли́.

Снача́ла они́ кружи́ли оди́н вокру́г друго́го, как зве́ри, пото́м ра́зом напа́ли друг на дру́га, сцепи́лись рука́ми и сжима́ли друг дру́га изо все́х сил. Анте́й был грома́ден, тяжёл и кре́пок, как ка́мень, но Гера́кл был сильне́е — он повали́л велика́на на зе́млю. Анте́й сейча́с же вскочи́л и набро́сился на Гера́кла. Сно́ва боро́лись они́, и во второ́й раз Гера́кл опроки́нул Анте́я. И опя́ть, косну́вшись земли́, Анте́й бы́стро встал и со сме́хом отража́л уда́ры Гера́кла. В тре́тий раз свали́л геро́й велика́на, и Анте́й вновь легко́ подня́лся, сло́вно от паде́ния у него́ прибавля́лось сил...

Гера́кл удиви́лся си́ле велика́на. Вдруг он вспо́мнил, что Анте́й — сын Земли́, и по́нял, что Земля́-мать подде́рживала своего́ сы́на и ка́ждый раз, как он прикаса́лся к ней, дава́ла ему́ но́вую си́лу. Тогда́ Гера́кл стреми́тельно напа́л на Анте́я, схвати́л его́, по́днял вверх и держа́л над землёй — и сра́зу потеря́вший си́лу Анте́й задохну́лся в могу́чих рука́х геро́я.

Гера́кл без поме́х пошёл да́льше.

Наконе́ц дошёл он до кра́я све́та, туда́, где не́бо спуска́ется к земле́. Там, на са́мом краю́, стоя́л тита́н Атла́нт и держа́л на свои́х плеча́х небе́сный свод. Он стоя́л так уже́ мно́го лет, потому́ что влады́ка ми́ра Зевс назна́чил его́ на э́ту рабо́ту и никто́ за всё вре́мя не смени́л его́.

— Кто ты и заче́м пришёл на край све́та? — спроси́л Атла́нт Гера́кла.

— Мне нужны́ три золоты́х я́блока с де́рева мо́лодости, что растёт в саду́ Геспери́д,— отвеча́л Гера́кл.

— Тебе́ не доста́ть э́тих я́блок. Их сторожи́т стогла́зый драко́н, он не спит ни днём ни но́чью

Гера́кл стреми́тельно напа́л на Анте́я, по́днял его́ вверх и держа́л над землёй.

и никого́ не подпуска́ет к де́реву,— сказа́л Атла́нт.— Но я могу́ помо́чь тебе́: ведь Геспери́ды — мои́ до́чери.

Гера́кл обра́довался и стал проси́ть тита́на помо́чь ему́.

— Стань на моё ме́сто,— сказа́л Атла́нт,— и подержи́ не́бо, а я пойду́ в сад Геспери́д и принесу́ тебе́ три золоты́х я́блока.

Гера́кл положи́л на зе́млю своё ору́жие и льви́ную шку́ру, стал ря́дом с тита́ном и подста́вил пле́чи под небе́сный свод. Атла́нт распра́вил уста́лую спи́ну и пошёл в сад Геспери́д. И пока́ он ходи́л за я́блоками, Гера́кл стоя́л на краю́ земли́ и держа́л на плеча́х не́бо. Наконе́ц Атла́нт верну́лся и принёс три золоты́х я́блока.

Гера́кл стал благодари́ть его́, но тита́н сказа́л:

— Кому́ на́до отда́ть э́ти я́блоки? Скажи́, я пойду́ и отда́м. Мне хо́чется погуля́ть по земле́. Надое́ло мне стоя́ть не шевеля́сь здесь, на краю́ све́та, и держа́ть э́то тяжёлое не́бо. Я рад, что нашёл себе́ сме́ну. Проща́й!

И он хоте́л уйти́.

— Подожди́,— сказа́л Гера́кл.— Дай я то́лько подложу́ себе́ на пле́чи льви́ную шку́ру, что́бы небе́сный свод не натёр мне ше́ю. Положи́ я́блоки на зе́млю и возьми́ на мину́тку не́бо, пока́ я устро́юсь поудо́бнее.

Атла́нт положи́л на зе́млю золоты́е я́блоки и опя́ть взвали́л не́бо себе́ на́ спину. Гера́кл по́днял с земли́ свой лук и колча́н, взял три золоты́х я́блока, заверну́лся в льви́ную шку́ру, поклони́лся Атла́нту и ушёл.

Он шёл бы́стро и ни ра́зу не оглянулся. Но звёзды па́дали дождём, и он догада́лся, что

Атла́нт се́рдится и в гне́ве си́льно трясёт не́бо.

Спря́тав золоты́е я́блоки на груди́ под плащо́м, Гера́кл спеши́л в Мике́ны, ра́дуясь, что вы́полнил и э́то тре́бование царя́.

— Вот я принёс тебе́ я́блоки Геспери́д — тепе́рь ты мо́жешь сно́ва стать молоды́м! — сказа́л Гера́кл Еврисфе́ю.

Но царь был так поражён, уви́дев пе́ред собо́й Гера́кла це́лым и невреди́мым, что не взял у него́ золоты́х я́блок и прогна́л его́ с глаз свои́х.

Гера́кл отпра́вился домо́й и по доро́ге ду́мал, что ему́ де́лать с золоты́ми я́блоками. Вдруг

пе́ред ним яви́лась боги́ня ра́зума и му́дрости Афи́на.

«Му́дрость доро́же мо́лодости»,— поду́мал Гера́кл и о́тдал Афи́не три золоты́х я́блока.

А она́ верну́ла их в сад Геспери́д на де́рево Ге́ры.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ПОДВИГ

Геракл спускается в царство мёртвых и побеждает Кербера

Всю зе́млю с восхо́да до зака́та обошёл Гера́кл, воева́л и труди́лся, сража́лся с чудо́вищами и со злы́ми людьми́, прокла́дывал доро́гу на верши́ну гор, вме́сте с Со́лнцем переплыва́л океа́н, дошёл до кра́я све́та — и верну́лся победи́телем.

Тогда́ отча́явшись, реши́л Еврисфе́й посла́ть Гера́кла туда́, отку́да никто́ из сме́ртных ещё ни ра́зу не приходи́л наза́д,— в страну́ мёртвых, в подзе́мное ца́рство Аида.

У ме́дных воро́т Та́ртара — у вхо́да в ца́рство мёртвых — дре́млет на стра́же стра́шный трёхголо́вый пёс Ке́рбер. У него́ на ше́е вме́сто ше́рсти вью́тся чёрные зме́и, хвост у него́ — живо́й драко́н, а из рази́нутых па́стей высо́вываются три языка́ пла́мени. Когда́ открыва́ются воро́та и в ца́рство сме́рти вхо́дит бле́дная тень челове́ка, Ке́рбер приве́тливо ма́шет хвосто́м и в свире́пом весе́лье стара́ется лизну́ть прише́льца свои́ми о́гненными языка́ми. Но го́ре тому́, кто захо́чет верну́ться!..

В после́дний раз позва́л к себе́ Гера́кла царь Еврисфе́й и сказа́л ему́.

— Приведи́ ко мне Ке́рбера из ца́рства Аида, и э́то бу́дет твоя́ после́дняя слу́жба мне!

Гера́кл ничего́ не отве́тил и отпра́вился в путь.

Он отыска́л пеще́ру Тена́ра, отку́да по ру́слу подзе́мной реки́ на́до бы́ло спуска́ться в глубину́ земли́.

Стра́шно живо́му по свое́й во́ле уходи́ть в ца́рство сме́рти!

Гера́кл останови́лся у вхо́да в пеще́ру, посмотре́л на цвету́щую зе́млю, на си́нее мо́ре, на весь тёплый, со́лнечный мир, и тоскли́во и стра́шно ему́ ста́ло. Но он переси́лил тоску́ и страх и отва́жно шагну́л в темноту́. И сра́зу услы́шал за собо́й лёгкие шаги́. Это догоня́л его́ Герме́с, крыла́тый ве́стник Зе́вса, кото́рого влады́ка ми́ра посла́л проводи́ть Гера́кла к Аиду. Герме́с взял геро́я за́ руку, и вдвоём они́ ста́ли спуска́ться в подзе́мное ца́рство.

Ско́ро в су́мраке забеле́ла высо́кая скала́: под не́ю е́ле слы́шно, со́нно струи́лась ти́хая река́, зарóсшая высо́кой траво́й без цве́та и за́паха.

Гера́кл нагну́лся к реке́ и хоте́л напи́ться.

— Не пей,— останови́л его́ Герме́с,— э́то Ле́та, река́ Забве́ния. Кто напьётся воды́ из неё, позабу́дет всё на све́те.

Да́льше пошли́ они́, и Гера́кл уви́дел своего́ ста́рого учи́теля и своего́ ю́ного дру́га, уме́ршего в похо́де. Гера́кл ра́достно бро́сился к ним, протя́гивая им ру́ки, но они́ гляде́ли на него́ неживы́ми глаза́ми, не узнава́я, сло́вно не ви́дя его́, и, как те́ни, скользи́ли ми́мо.

— Они́ не узна́ют тебя́,— сказа́л Герме́с.— Они́ пи́ли из реки́ Забве́ния и всё позабы́ли.

Но одна́ из тене́й вдруг останови́лась, прибли́зилась. Гера́кл узна́л калидо́нского царя́ Мелеа́гра.

— Гера́кл,— сказа́ла ти́хо тень царя́,— помоги́ мне. На земле́ я оста́вил сестру́ Деяни́ру, ю́ную и беззащи́тную. Мысль о ней трево́жит меня́ и здесь. Прошу́ тебя́: возьми́ её к себе́ в дом, жени́сь на ней,— она́ бу́дет тебе́ ве́рной жено́й. А я успоко́юсь наве́ки.

И Гера́кл обеща́л испо́лнить про́сьбу дру́га.

Всё ни́же спуска́лись они́ в глубину́ земли́ и вдруг уви́дели челове́ка, тащи́вшего на крутизну́ подзе́мной горы́ огро́мный, тяжёлый ка́мень. Весь в поту́ и пыли́, напряга́я все си́лы, обе́ими рука́ми усе́рдно кати́л он наве́рх ка́мень, подпира́я его́ всем свои́м те́лом. Оди́н то́лько шаг остава́лся ему́ до верши́ны горы́,

но ка́мень внеза́пно вы́рвался из ослабе́вших рук и с гро́хотом покати́лся вниз. Челове́к поспе́шно спусти́лся за ним к подно́жию горы́ и опя́ть потащи́л свою́ тяжёлую но́шу. И сно́ва, не дости́гнув верши́ны, сорва́лся и упа́л с высоты́ ка́мень, и сно́ва спусти́лся вниз и без о́тдыха, без остано́вки потащи́л его́ наве́рх челове́к.

Останови́лся Гера́кл и смотре́л на э́тот тя́жкий и беспло́дный труд.

Это был Сизи́ф из Кори́нфа, осуждённый ве́чно таска́ть э́тот тяжёлый ка́мень — за жа́дность, за то, что при жи́зни присва́ивал себе́ чужи́е бога́тства, за то, что про́жил на земле́ не трудя́сь.

Да́льше пошёл Гера́кл со свои́м спу́тником Гермéсом и уви́дел челове́ка, стоя́вшего в прозра́чной и чи́стой реке́. Вода́ доходи́ла ему́ до плеч, но едва́ он наклоня́лся, что́бы утоли́ть жа́жду, смочи́ть пересо́хшие, чёрные гу́бы, мгнове́нно спада́ла вода́, пропада́ла, уходи́ла вся в зе́млю. С бе́рега склоня́лись к челове́ку ве́тви, по́лные спе́лых плодо́в, янта́рная кисть виногра́да почти́ каса́лась его́ лица́. Но едва́ он протя́гивал ру́ку сорва́ть румя́ное я́блоко и́ли со́чный грана́т, ве́тви уходи́ли от него́, поднима́лись высоко́-высоко́, и голо́дный не мог дотяну́ться до них.

Гера́кл узна́л челове́ка, нака́занного так жесто́ко.

Это был Танта́л, царь Сипи́ла, когда́-то люби́мец бого́в и счастли́вейший из сме́ртных, наве́ки осуждённый влады́кой ми́ра Зе́всом за обма́н бого́в, за вероло́мство, за непоме́рную, неукроти́мую за́висть.

С тяжёлым се́рдцем Гера́кл проходи́л ми́мо

стра́шных виде́ний подзе́много ца́рства. Наконе́ц он пришёл на бе́рег подзе́мной реки́ Ахеро́нта. У бе́рега ожида́ла чёрная ло́дка. Мра́чный и безмо́лвный перево́зчик Харо́н стоя́л с весло́м в руке́ на корме́, и те́ни уме́рших ро́бко протя́гивали ему́ моне́ту, кото́рую забо́тливые родны́е положи́ли поко́йнику в рот при погребе́нии.

Ста́рый Харо́н удиви́лся, уви́дев живо́го в ца́рстве мёртвых, но Герме́с приказа́л ему́ пропусти́ть Гера́кла в ло́дку. Ло́дка поплыла́ попере́к чёрной, недви́жной реки́. Те́ни уме́рших с отча́янием гляде́ли наза́д, сло́вно хоте́ли в после́дний раз уви́деть то, что они́ оста́вили на земле́. Ло́дка плыла́ че́рез Ахеро́нт, и ско́ро стал приближа́ться пусты́нный бе́рег. Гера́кл с Герме́сом пе́рвые вы́шли на бе́рег и дви́нулись вме́сте с толпо́й к ме́дным воро́там Аидова ца́рства. Широко́ раство́рены бы́ли тяжёлые воро́та, и во́зле них Гера́кл уви́дел Ке́рбера. Пёс лени́во помаха́л свои́м стра́шным хвосто́м и отошёл, пропуска́я геро́я.

— Он ещё не зна́ет, заче́м ты пришёл сюда́,— сказа́л Гера́клу спу́тник,— а то бы он встре́тил тебя́ по-друго́му.

С жа́лобным сто́ном те́ни уме́рших напра́вились ко дворцу́ подзе́много царя́.

Там, в обши́рном и мра́чном за́ле, пе́ред тро́ном Аида сиде́ли стро́гие и неподку́пные су́дьи мёртвого ца́рства: Радама́нт, Эа́к и Ми́нос. Они́ суди́ли ка́ждого за его́ жизнь, за его́ земны́е дела́ и ка́ждому назнача́ли по заслу́гам наказа́ние и́ли награ́ду.

Уви́дев живо́го челове́ка во дворце́ повели́теля мёртвых, удиви́лись и су́дьи и слу́ги Аида. А Гера́кл споко́йно стоя́л пе́ред тро́ном под-

зе́много царя́, с льви́ной шку́рой на плеча́х, держа́ в рука́х свою́ дуби́нку, и проси́л Аи́да позво́лить ему́ вы́вести на свет Ке́рбера, что́бы показа́ть его́ царю́ Еврисфе́ю.

— Я позво́лю тебе́,— сказа́л ему́ Аи́д,— взять на вре́мя с собо́й на зе́млю моего́ пса, е́сли он вы́пустит тебя́ отсю́да и е́сли ты суме́ешь взять его́, не ра́нив, без меча́ и без стрел, одни́ми свои́ми рука́ми.

Гера́кл поблагодари́л Аи́да и пошёл наза́д к ме́дным воро́там. Тепе́рь они́ бы́ли закры́ты, и Ке́рбер спал пе́ред ни́ми, положи́в все три головы́ на чёрную доро́гу.

Услыха́в шаги́ Гера́кла, он просну́лся, вскочи́л, серди́то зарыча́л, и драко́н на конце́ хвоста́ гро́зно рази́нул пасть.

Гера́кл бы́стро прибли́зился к Ке́рберу и, вы́ставив вперёд ле́вую ру́ку, обёрнутую льви́ной шку́рой, пра́вой руко́й схвати́л пса за ше́ю. Пёс

завы́л; ди́кий вой его́ разнёсся по всему́ подзе́мному ца́рству. Он вцепи́лся зуба́ми всех трёх голо́в в ле́вую ру́ку геро́я, лиза́л её о́гненными языка́ми, все зме́и на его́ спине́ впили́сь в льви́ную шку́ру, но она́ была́ неуязви́ма, и Гера́кл не чу́вствовал бо́ли. Кре́пко сжима́л он ше́ю пса и воло́к его́ за собо́ю, на бе́рег реки́, к перево́зу. Наконе́ц полузаду́шенный Ке́рбер зашата́лся, ослабе́л и лёг пе́ред Гера́клом. Геро́й набро́сил ему́ цепь на ше́ю и потащи́л за собо́й, и стра́шный пёс подзе́много ца́рства послу́шно поплёлся за победи́телем.

Харо́н ужасну́лся, уви́дев Гера́кла с Ке́рбером, но не посме́л удержа́ть их и перевёз на другу́ю сто́рону.

Когда́ они́ прибли́зились к вы́ходу на зе́млю, Ке́рбер стал жа́лобно визжа́ть и почти́ полз за Гера́клом. А когда́ вы́шли они́ из мра́ка на земно́й во́льный просто́р, со́лнечный свет ослепи́л под-

зе́много сто́рожа; он задрожа́л, заби́лся, жёлтая пе́на зака́пала из его́ па́стей, и всю́ду, где она́ па́дала на зе́млю, выраста́ла ядови́тая трава́.

Гера́кл привёл Ке́рбера в Мике́ны и заста́вил Еврисфе́я взгляну́ть на него́. Но Еврисфе́й закры́л лицо́ рука́ми и в у́жасе стал проси́ть Гера́кла поскоре́е увести́ стра́шного пса обра́тно.

— Ну, беги́, возвраща́йся наза́д и жди царя́ у воро́т,— сказа́л Гера́кл и снял с Ке́рбера цепь.

И пёс в одно́ мгнове́ние умча́лся в ца́рство мёртвых.

Так око́нчилась слу́жба Гера́кла Еврисфе́ю, и царь отпусти́л геро́я.

ГЕРАКЛ В ПЛЕНУ

Око́нчив свою́ слу́жбу у царя́ Еврисфе́я, соверши́в двена́дцать по́двигов, Гера́кл верну́лся домо́й. Здесь его́ жда́ли но́вые испыта́ния.

Прямоду́шный и до́брый, Гера́кл ча́сто быва́л нетерпели́в, вспы́льчив и в припа́дке гне́ва не по́мнил себя́.

Одна́жды ма́льчик-слуга́ по́дал ему́ напи́ться воды́, пригото́вленной для умыва́ния. Гера́кл рассерди́лся, уда́рил его́ и уби́л неча́янно. Тогда́, что́бы научи́ть геро́я терпе́нию, Зевс насла́л на него́ до́лгую, мучи́тельную боле́знь. Отва́жный геро́й, не боя́вшийся ни ди́ких звере́й, ни чудо́вищ, ни вра́жеского во́йска, не мог терпели́во переноси́ть боль. Он не вы́держал, обрати́лся к Аполло́ну и потре́бовал, что́бы бог све́та, кото́рому изве́стно бу́дущее люде́й, сказа́л ему́, когда́ прекрати́тся боле́знь и придёт избавле́ние. Аполло́н не захоте́л откры́ть геро́ю э́ту та́йну. Гера́кл пришёл в я́рость и по́днял ру́ку на бо́га

света. Громове́ржец разгне́вался, посла́л ту́чу разня́ть деру́щихся и приказа́л Герме́су наказа́ть непоко́рного геро́я.

Лука́вый бог торго́вли про́дал Гера́кла лиди́йской цари́це Омфа́ле за три ме́дные моне́ты на три го́да в ра́бство.

Весёлая цари́ца Омфа́ла не посыла́ла Гера́кла в да́льние похо́ды и не тре́бовала от него́ геройческих дел и побе́д. Она́ отняла́ у геро́я ору́жие — его́ меч и лук со стре́лами, сняла́ с плеч его́ льви́ную шку́ру, наряди́ла Гера́кла в же́нское пла́тье и забавля́лась, заставля́я его́, как служа́нку, прислу́живать ей.

Она́ сажа́ла его́ за пря́лку вме́сте с же́нщинами и развлека́лась, слу́шая, как ска́зки, его́ расска́зы о далёких стра́нствиях, тру́дных похо́дах и гро́зных би́твах.

Этот плен у Омфа́лы был для геро́я трудне́е са́мых хитроу́мных поруче́ний Еврисфе́я. И ча́сто Гера́кл так тоскова́л и томи́лся, что, наску́чив его́ мра́чным ви́дом, цари́ца отдава́ла ему́ лук и стре́лы и отпуска́ла погуля́ть по окре́стностям.

Одна́жды, уйдя́ от Омфа́лы, Гера́кл зашёл далеко́, в сосе́днюю с Ли́дией страну́, уста́лый, лёг под де́рево и усну́л. Сквозь сон он почу́вствовал каку́ю-то возню́ вокру́г себя́, сло́вно ма́ленькие зверьки́ бе́гали по его́ те́лу. Он просну́лся, протяну́л ру́ку, пойма́л одного́. Это был не зверёк, а смешно́й ка́рлик — кекро́п.

Мно́го их вози́лось о́коло геро́я на земле́ — им понра́вился лук Гера́кла, и они́ собира́лись утащи́ть его́. Гера́кл стал лови́ть их, свя́зывая за́ руки, за́ ноги, пото́м наниза́л на дли́нную па́лку и понёс в Ли́дию.

Кекро́пы не испуга́лись: они́ пры́гали на па́лке, стара́ясь освободи́ться, гро́мко пища́ли и так

грози́ли Гера́клу и брани́ли его́, что он смея́лся всю доро́гу.

Гля́дя на э́тот ма́ленький сме́лый наро́дец, Гера́кл развесели́лся.

Дойдя́ до грани́цы их ца́рства, он развяза́л свои́х кро́шечных пле́нников и отпусти́л на во́лю, а сам верну́лся к Омфа́ле и стал тре́бовать и себе́ свобо́ды. И Омфа́ла наконе́ц отпусти́ла его́.

ГЕРАКЛ ОСВОБОЖДАЕТ ПРОМЕТЕЯ

Мно́го ещё по́двигов соверши́л Гера́кл, и и́мя его́ просла́вилось по всей Гре́ции.

Когда́ Язо́н постро́ил быстрохо́дный кора́бль «Арго́» и созва́л геро́ев Гре́ции, что́бы плыть за три мо́ря, в Колхи́ду, добыва́ть золото́е руно́, могу́чий Гера́кл отпра́вился в похо́д вме́сте с отва́жными аргона́втами.

Но по доро́ге, на одно́й из стоя́нок «Арго́» у бе́рега неве́домой земли́, Гера́кл ушёл далеко́ в прибре́жный лес, не верну́лся во́время на кора́бль, и аргона́вты отплы́ли без него́. А Гера́кл сухи́м путём отпра́вился в глубь страны́ и ско́ро пришёл в го́ры.

Ди́кий и вели́чественный край откры́лся пе́ред ним. Грядо́ю вста́ли высо́кие го́ры, у подно́жия поро́сшие ча́стым ле́сом, а на верши́нах покры́тые ве́чными снега́ми. Чем вы́ше поднима́лся геро́й, тем суро́вее и непристу́пнее бы́ли го́ры. Наконе́ц он взобра́лся на го́лую скалу́, обрыва́вшуюся над мо́рем.

Вдруг Гера́кл услы́шал го́лос, зову́щий его́, и уви́дел прико́ванного к скале́ тита́на.

Гера́кл узна́л Промете́я — сы́на Феми́ды, боги́ни справедли́вости, и тита́на Иапе́та, от кото́рого начался́ на земле́ род людско́й.

Гера́кл почу́вствовал, сло́вно ма́ленькие зверьки́
бе́гали по его́ те́лу. Он пойма́л одного́.
Это был смешно́й ка́рлик — кекро́п.

Когда́-то, в да́вние-да́вние времена́, людей было ма́ло на земле́. Как звери, броди́ли они́ по леса́м, гоня́ясь за добы́чей, е́ли сыро́е мя́со, ди́кие плоды́ и коре́нья, покрыва́лись звери́ными шку́рами и от непого́ды пря́тались в пеще́рах и ду́плах дере́вьев. Ра́зум у них был, как у ма́лых дете́й; они́ бы́ли беспо́мощны в устро́йстве свое́й жи́зни и беззащи́тны про́тив хи́щных звере́й и гро́зных сил приро́ды.

Промете́й сжа́лился над людьми́ и захоте́л помо́чь им.

Он отпра́вился к своему́ дру́гу Гефе́сту, сы́ну Зе́вса, боже́ственному кузнецу́ и ма́стеру. На о́строве Ле́мнос, в глубине́ огнеды́шащей горы́, была́ мастерска́я Гефе́ста. Жа́рко горе́л в огро́мном го́рне свяще́нный ого́нь, без кото́рого невозмо́жно никако́е иску́сство и мастерство́. Три одногла́зых велика́на — Цикло́па — рабо́тали в мастерско́й Гефе́ста. Две ста́туи, кото́рые он сам отли́л из зо́лота, дви́гались, как живы́е, по мастерско́й, и хромо́й бог-кузне́ц опира́лся на них при ходьбе́.

Промете́й заста́л Гефе́ста за рабо́той — бог-кузне́ц кова́л о́гненные стре́лы-мо́лнии для Зе́вса Громове́ржца. Промете́й стоя́л и смотре́л на иску́сную рабо́ту Гефе́ста. Когда́ же Цикло́пы ста́ли меха́ми раздува́ть ого́нь в го́рне и сверка́ющие и́скры разлете́лись по всей мастерско́й, Промете́й пойма́л свяще́нную и́скорку и спря́тал в пусто́й тростинке, кото́рую держа́л в руке́. Эту трости́нку с и́скрой свяще́нного огня́ Промете́й принёс лю́дям, и лю́ди зажгли́ от неё повсю́ду на земле́ костры́, очаги́ и го́рны. Лю́ди научи́лись боро́ться с приро́дой, добыва́ть и обраба́тывать скры́тые в не́драх земли́ медь и желе́зо, зо́лото и серебро́ и де́лать себе́ из них дома́шние ве́щи,

ору́жие и украше́ния. Лю́ди ста́ли стро́ить себе́ жили́ща из де́рева и ка́мня и корабли́, окрылённые паруса́ми, что́бы пла́вать по ре́кам и моря́м. Лю́ди приручи́ли ди́ких живо́тных и заста́вили коня́ носи́ть на себе́ челове́ка, а козу́ и коро́ву — корми́ть его́ и от овцы́ ста́ли брать тёплую и про́чную шерсть для оде́жды. Свет от свяще́нного огня́ проясни́л мы́сли люде́й, пробуди́л их дре́млющий ум, зажёг в их сердца́х стремле́ние к сча́стью.

И мно́гому ещё научи́л Промете́й люде́й с по́мощью свяще́нного огня́. Он научи́л их вари́ть целе́бный сок расте́ний, кото́рый помога́ет при боле́знях и ра́нах, и лю́ди изба́вились от постоя́нного стра́ха сме́рти. Промете́й откры́л им нау́ку чи́сел и научи́л запи́сывать зна́ками слова́, чтоб передава́ть свои́ мы́сли тем, кто живёт далеко́.

С го́рдостью смотре́л Промете́й, как лю́ди станови́лись сильне́е, разу́мнее и иску́снее во вся́ком труде́.

Но влады́ка ми́ра Зевс разгне́вался на Промете́я и реши́л суро́во покара́ть похити́теля свяще́нного огня́. Царь бого́в посла́л свои́х слуг Си́лу и Власть схвати́ть Промете́я и отвести́ его́ на край све́та, в пусты́нную го́рную страну́, а Гефе́сту приказа́л прикова́ть тита́на к горе́. Го́рько бы́ло Гефе́сту выполня́ть э́то — ведь Промете́й был ему́ дру́гом, но такова́ была́ во́ля Зе́вса. В желе́зные ко́льца закова́л Гефе́ст ру́ки и но́ги Промете́я, неразры́вной це́пью прикова́л его́ к ка́менной грома́де, о́стрым алма́зным кли́ном проби́л ему́ грудь, пригвозди́в его́ к скале́.

И повеле́л Зевс, что́бы навсегда́, на ве́ки веко́в, оста́лся Промете́й прико́ванным к э́той скале́.

Прошли́ века́. Мно́гое измени́лось на земле́. Но не прекраща́лись му́ки Промете́я. Со́лнце жгло его́ иссо́хшее те́ло, ледяно́й ве́тер осыпа́л его́ колю́чим сне́гом. Ка́ждый день в назна́ченный час прилета́л огро́мный орёл, разрыва́л когтя́ми те́ло тита́на и клева́л его́ пе́чень. А но́чью ра́ны зажива́ли вновь.

Но неда́ром он носи́л и́мя «Промете́й», что зна́чит «предви́дящий»: он знал, что наста́нет вре́мя, и среди́ люде́й на земле́ я́вится вели́кий геро́й, кото́рый соверши́т мно́го по́двигов, что́бы очи́стить зе́млю от зла, и придёт освободи́ть его́.

И вот наконе́ц Промете́й услы́шал шаги́ иду́щего по гора́м челове́ка и уви́дел геро́я, кото́рого ждал всё вре́мя.

Гера́кл прибли́зился к ско́ванному Промете́ю и уже́ по́днял меч, что́бы сбить око́вы с тита́на, но высоко́ в не́бе разда́лся орли́ный крик: э́то Промете́ев орёл в уро́чный час спеши́л на свой крова́вый пир. Тогда́ Гера́кл схвати́л свой лук, метну́л стрелу́ в летя́щего орла́ и уби́л его́. Мёртвый орёл упа́л с высоты́ в мо́ре под скало́ю, и во́лны унесли́ его́.

Гера́кл разби́л цепь, ско́вывавшую Промете́я, и вы́нул из его́ груди́ алма́зное остриё, кото́рым он был приби́т к скале́. И освобождённый Промете́й распрями́лся, вздохну́л всей гру́дью и просветлёнными глаза́ми смотре́л на зе́млю и на геро́я, принёсшего ему́ свобо́ду и мир с бога́ми.

Зевс приказа́л Гефе́сту сде́лать кольцо́ из звена́ Промете́евой це́пи и вста́вить в него́ ка́мень — оско́лок скалы́, к кото́рой был прико́ван тита́н. Это кольцо́ Зевс веле́л Промете́ю наде́ть на па́лец и всегда́ носи́ть его́ в знак того́, что не нару́шено сло́во влады́ки ми́ра и наве́ки Промете́й прико́ван к скале́.

КОНЕЦ ГЕРАКЛА

В би́твах, в похо́дах, в стра́нствиях по све́ту проходи́ла жизнь Гера́кла. Он обошёл всю Гре́цию, побыва́л во мно́гих города́х, но нигде́ не жил до́лго, и мно́гие го́ды у него́ не́ было ни семьи́, ни до́ма. Но одна́жды он вспо́мнил, что в ца́рстве мёртвых обеща́л своему́ дру́гу Мелеа́гру взять в жёны его́ сестру́ Деяни́ру, и отпра́вился в Калидо́н, где она́ жила́.

В Калидо́не в э́то вре́мя шли состяза́ния женихо́в — мно́гие добива́лись краса́вицы Деяни́ры. Вдруг среди́ них яви́лся речно́й бог Ахело́й — страши́лище с бы́чьими рога́ми на голове́, с зелёной бородо́й, по кото́рой струи́лась вода́. Уви́дев тако́го copе́рника, все женихи́ разбежа́лись. Деяни́ра го́рько пла́кала от стра́ха.

Гера́кл пришёл ей на по́мощь, вступи́л в единобо́рство с Ахело́ем и вы́ломал у него́ оди́н рог. Тогда́ Ахело́й призна́л себя́ побеждённым, вы́просил у Гера́кла обра́тно свой рог, а Деяни́ре подари́л взаме́н чуде́сный Рог изоби́лия, напо́лненный цвета́ми и плода́ми, кото́рые никогда́ не переводи́лись в нём.

Гера́кл жени́лся на Деяни́ре и отпра́вился с жено́й в го́род Трахи́н, где они́ собира́лись устра́ивать свой дом. По доро́ге им пришло́сь переходи́ть че́рез реку́. Тут они́ встре́тили кента́вра Не́сса, кото́рый за пла́ту переноси́л прохо́жих че́рез реку́ на свое́й широ́кой ко́нской спине́. Гера́кл посади́л жену́ на́ спину кента́вра и пошёл вперёд. Он был уже́ на середи́не реки́, как вдруг услы́шал крик Деяни́ры и, огляну́вшись, уви́дел, что кента́вр ска́чет по бе́регу, унося́ похи́щенную краса́вицу. Гера́кл бы́стро схвати́л свой лук, и ме́ткая стрела́ мгнове́нно догнала́ кента́вра.

Умира́ющий Несс реши́л отомсти́ть Гера́клу и сказа́л Деяни́ре:

— Кровь моя́ течёт из смерте́льной ра́ны. Собери́ и сохрани́ её — в ней чудоде́йственная си́ла. Если когда́-нибудь Гера́кл тебя́ разлю́бит, натри́ мое́й кро́вью его́ оде́жду — и любо́вь его́ вернётся к тебе́.

Деяни́ра пове́рила кента́вру, собрала́ его́ кровь и спря́тала.

Гера́кл с Деяни́рой посели́лись в Трахи́не, жи́ли дру́жно. Ско́ро у них роди́лся сын.

Шли го́ды. Сын вы́рос. Гера́кл ча́сто уходи́л из до́ма воева́ть. Одна́жды он до́лго не возвраща́лся из похо́да, и Деяни́ра си́льно трево́жилась. Она́ собира́лась уже́ посла́ть сы́на разы́скивать отца́, но яви́лся ве́стник от Гера́кла, сказа́л, что геро́й жив и здоро́в, возвраща́ется домо́й и посыла́ет вперёд плённых, взя́тых в чужо́й стране́. Среди́ плённых Деяни́ра уви́дела де́вушку необыкнове́нной красоты́ и спроси́ла ве́стника, кто она́. Ве́стник отвеча́л лука́во, что э́то не проста́я пле́нница, а дочь побеждённого царя́, кото́рую Гера́кл когда́-то хоте́л взять в жёны.

Деяни́ра ви́дела, что царе́вна моло́же её и краси́вее, и ду́мала, что Гера́кл тепе́рь разлю́бит её и оста́вит одну́. Она́ вспо́мнила предсме́ртный сове́т кента́вра Не́сса: его́ запёкшейся кро́вью натёрла но́вую, пра́здничную оде́жду, кото́рую сама́ вы́ткала для му́жа, и посла́ла её с гонцо́м навстре́чу Гера́клу.

Гера́кл при́нял пода́рок жены́ и захоте́л то́тчас наде́ть его́. Но едва́ оде́жда косну́лась те́ла, яд из кро́ви Не́сса прони́к в него́ и то́чно ого́нь стал жечь его́. Гера́кл рвал с себя́ прокля́тую оде́жду, но она́ приросла́ к те́лу и причиня́ла нестерпи́мую боль. Он пришёл в нейстовство,

мета́лся, крича́л и му́чился невырази́мо. Когда́ пришли́ сказа́ть об э́том Деяни́ре, несча́стная поняла́ кова́рство кента́вра.

В отча́янии, что погуби́ла му́жа, она́ бро́силась гру́дью на меч и умерла́.

Узна́в о сме́рти жены́, Гера́кл переста́л стона́ть и мета́ться, собра́л после́дние си́лы, налома́л ветве́й в лесу́, сложи́л на холме́ высо́кий костёр и накры́л его́ льви́ной шку́рой. Пото́м он лёг на неё, позва́л сы́на и проси́л подже́чь костёр.

Но ни сын, ни това́рищи не реша́лись испо́лнить его́ про́сьбу.

Вдруг больша́я чёрная ту́ча закры́ла со́лнце, засверка́ли мо́лнии, загреме́л гром. Мо́лния из ту́чи уда́рила в костёр и зажгла́ его́. Костёр разгоре́лся, густо́й дым подня́лся над ним к не́бу.

Тогда́, невиди́мая в э́том ды́мном о́блаке, спусти́лась с не́ба золота́я колесни́ца, и му́драя Афи́на Палла́да умча́ла на Оли́мп своего́ геро́я. Там встре́тила Гера́кла с улы́бкой примире́ния боги́ня Ге́ра, взяла́ его́ за́ руку и повела́ на пир бого́в.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературно-художественное издание

Для восьмилетней школы

ГЕРОИ ЭЛЛАДЫ

Из мифов Древней Греции

Ответственный редактор
Г. В. Кузнецова

Художественный редактор
И. Г. Найдёнова

Технические редакторы
Е. В. Буташина, Г. Г. Седова

Корректоры
Т. В. Беспалая, Л. А. Лазарева

ИБ № 10492

Сдано в набор 29.06.87. Подписано к печати 17.02.88. Формат 84×108[1]/32. Бум. книжно-журн. № 2. Шрифт литературный. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 10,5. Уч.-изд. л. 7,89. Тираж 300 000 экз. Заказ № 6611. Цена 60 коп.
Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».

Г39 Герои Эллады: Из мифов Древней Греции/ Рассказала для детей В. Смирнова; Рис. И. Архипова.— Переизд.— М.: Дет. лит., 1988.— 191 с.: ил.— (Школьная б-ка для нерусских школ).
ISBN 5—08—001208—0

Мифы Древней Греции. Эти народные сказания, пришедшие к нам из далёкой древности, полны поэзии и глубокого смысла. Пересказала для детей эти мифы русская советская писательница Вера Васильевна Смирнова (1898—1977). Первое издание было осуществлено в 1953 году.

Г $\frac{4800000000-214}{М101(03)\text{-}88}$ 448—88

ББК 82.3(0)

60 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА».